

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Научный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)
Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№2–3' 2018

Москва ♦ ИСПИ РАН

2018

Редакционный совет

*Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев.***

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзудев**, академик РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук **С.В. Рязанцев**, доктор политических наук **Л.Е. Ильичева**, доктор политических наук **В. Пророк**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**, доктор наук **Синтия Пизарро**, доктор наук **Маю Митигами**, доктор наук **Алексис Дантас**, доктор наук **Данг Нгуен Ань**, доктор наук **Ван Сяоцзюй**

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (заместитель главного редактора), кандидат экономических наук **В.А. Безвербный**, доктор социологических наук **Т.К. Ростовская**, ответственный секретарь **Н.А. Безвербная**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) — слева;
- название статьи — на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) — на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация — на русском языке
- название статьи на английском языке;
- Фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;

Аннотация — не более 50 слов; Ключевые слова: слова и словосочетания — не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля — 2,0 см, интервал 1,5 см., выравнивание — по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») — 1.25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1–5; 9]). *Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;

Авторы публикаций на соискание ученых степеней представляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

<i>Ростовская Т.К., Ростовская Н.А, Калиев Т.Б.</i> Этимологическое основание категории «ценность»	5
<i>Кара-Мурза С.Г.</i> Послесловие о «манипуляции сознанием»	13
<i>Каримова А.Б.</i> Социология международных отношений в парадигмах поведения и деятельности	40
<i>Рыбаковский О.Л, Кожевникова Н.И., Таюнова О.А</i> К вопросу о стратегии демографического развития и концепции демографической политики России	57
<i>Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б</i> Современный терроризм как социальное явление	66
<i>Сергеев В.К.</i> Государство и церковь: воспитание культуры, духовности, гуманизма и гражданственности	77

ИСТОРИЯ

<i>Капто А.С.</i> Школа воспитания и гражданского возмужания	87
<i>Чупров В.И.</i> Страницы истории возрождения социологии	98
<i>Рогачев С.В.</i> Комсомол: взгляд из XXI века	106

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Левашов В.К.</i> Трансформация информационной сферы гражданского общества	112
<i>Рубан Л.С., Ван Баодон</i> Энергия на службе интеграции стран Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы	124
<i>Виловатых А.В., Михеев Е.А.</i> Стратегические установки США и НАТО по организации и проведению операций информационно-психологического воздействия	131
<i>Воробьева А.Е., Акбарова А.А.</i> Социальные представления пожилых людей о досуговой активности	143
<i>Литвак Н.В.</i> Новая реформа отечественного высшего образования: «цифровизация» и профессура	156

РЕЦЕНЗИИ

<i>Родюков Э.Б.</i> Рецензия на книгу Владимира Швабского «Собака на воинской службе»	164
--	-----

Ростовская Т.К.,
Ростовская Н.А.,
Калиев Т.Б.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЦЕННОСТЬ»

ETYMOLOGICAL BASIS OF THE «VALUE»-CATEGORY

Ростовская Т.К., доктор социологических наук, профессор, зам. директора ИСПИ РАН, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва

Ростовская Н.А., кандидат культурологии, научный сотрудник ИСПИ РАН, Россия, г. Москва

Калиев Т.Б., кандидат политических наук, директор Научно-исследовательского центра «Молодежь», Казахстан, Астана

Rostovskaya Tamara, doctor of Sociological Sciences, professor, Deputy Director of ISPI RAS, chair of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth of the Russian State Social University, Deputy Acting Director of ISPI RAS for scientific work, Russia, Moscow

Rostovskaya Nataliya, candidate of Culturology, research officer, ISPR, Russia, Moscow

Kaliev Talgat, candidate of Political Sciences, director of the Research Center «Youth», Kazakhstan, Astana

Аннотация. В данной статье раскрывается такое понятие как «ценность» с точки зрения его эволюции в историко-социальном контексте. Проведя детальный анализ, авторы приходят к выводам, что понятие «ценность» является основополагающим признаком, по которому можно охарактеризовать степень изучения и понимания трансформации социальных институтов.

Abstract. This article describes the concept of «value» in terms of its evolution in the historical and social context. After a detailed analysis, the authors conclude that the concept of «value» is a fundamental feature, which can be characterized by the degree of study and understanding of the transformation of social institutions.

Ключевые слова: ценность, феномен ценностей, система ценностей, типология ценностей общественного сознания, аксиология, мировоззренческие установки человека.

Key words: value, phenomenon of values, system of values, typology of values of public consciousness, axiology, world outlook of the person.

Ценности, определяющие образ общественной жизни современного человека и манеру его поведения рассматриваются

как особый мир автономных духовных сущностей, находящихся вне времени и пространства, существующих независимо от человека и общества. Они представляются вечными и незблемыми нормами, которые невозможно обосновать эмпирически [1, С. 78–90].

Термин «ценность» в философских науках и социально-ответственных учениях используется для указания на человеческую и культурную значимость определенных явлений действительности.

В академическом обороте понятие «ценность» является центральным в аксиологии, теории о ценностях, которая положила начало специальной области философской науки, изучающей природу ценностей, их место в реальности, структуру ценностного мира, взаимосвязь различных ценностей между собой, их отражение в структуре личности.

Понятие «ценность» можно воспринимать в качестве элемента философского категориального аппарата, определяющего мировоззренческие установки человека. Перед тем, как рассмотреть понятие «ценность» и различные подходы к его изучению, необходимо обратить внимание на этимологию данного слова. Так, первоначальный смысл данного слова (на латинском языке «*valere*») означал позитивную оценку физического состояния человека, указывая на здоровье, силу и крепкое сложение тела. Также, в значении силы древние римляне употребляли слово «*valere*» или «*valoir*» для выражения воинской отваги, достоинства и воспринимали в качестве божественного дара, ценной телесной силы. В ряде европейских языков понятия «ценность» и «стоимость» имеют идентичный смысл, используются в синонимичном варианте, и не разграничиваются в политической экономии. В англо-русском словаре «*value*» переводится как «ценность», «оценка», «величина» и в глагольной форме «дорожить». Лишь во французском «*valeur*» и испанском «*valor*» в функционально-смысловом выражении определяется как «значение» [2]. Слово «*wert*» на немецком языке кроме обозначения «ценность» также определяется как «стоимость» и как прилагательное в значении «достойный», «ценный». Так же, Карл Маркс, анализируя в своих работах понятие «*wert*», пришел к выводу, что уже в древних языках «ценность» понималась как потребительская стоимость вещей для человека, их полезные или приятные свойства [3].

Вопросы, связанные с изучением ценностей общества, относящиеся к определенному временному периоду являются важнейшими индикаторами изучения интегративных качеств отдельного индивида. Система ценностей, их иерархия предполагает типологию ценностей общественного сознания и выступает уни-

версальным критерием оценки нравственного развития общества в пространственно-временном континууме. В каждом культурно-историческом периоде понятие «ценностей» среди мыслителей и ученых трактовалось по-разному, в зависимости от социально-экономического развития и жизненного цикла локальной территории. Изначальный интерес к изучению феномена «ценностей» наблюдается с античных времен. Например, Платон выстраивал универсальную концепцию блага, считая «познание благ» наивысшей ценностью, упорядочивал их от божественного до человеческого и личного блага [4]. Согласно платоновскому учению, благо среди чувственных вещей человечества воспринимается в качестве вершины в иерархии мира идей. Элементы блага, сформированные Платоном, стремились к созданию совершенной модели идеального государства, позволяющие добиться достижения абсолютного всеобщего блага свободных людей античного миропорядка. Одним словом, в античной культуре, разум и способность познать блага рассматривались как высшая ценность для индивида, а «разумная жизнь» была определена идеалом человеческого существования. Однако идеалы «разумной жизни» античного мироустройства были обращены узкому социальному слою свободных граждан, не обремененных повседневной мирской заботой. В этой связи доступ к познанию основных ценностей, разделяющих истину и ложь, удавалось получать избранным жителям древнего мира или мудрецам.

Слово «ценность» на греческом языке впервые употребил Диоген Лаэртский для описания философских воззрений стоиков, делил предметы или человеческие свойства на две категории, такие как: предпочтительные и избегаемые. Предпочтительные — это те, которые имеют ценность, избегаемые — наоборот, не имеющие никакой ценности, неблагоприятные формы среды. Диоген определяет ценность следующим образом: «...Ценность есть, во-первых, свойственное всякому благу содействие согласованной жизни; во-вторых, некоторое посредничество или польза, содействующая жизни, согласной с природой, такую пользу, содействующую жизни, согласной с природой, приносят и богатство, и здоровье; в-третьих, меновая цена товара, назначаемая опытным оценщиком, — так говорят, что за столько-то пшеницы дают столько же ячменя да вдобавок мула» [5].

Из приведенных трактовок понятия «ценность», можно заключить, что в истории поздней античной философии предпринимается попытка сопоставления значений «благого» и «ценного». Траектория понятия терминологии «благого» намного шире и до-

полняет в ней характеристику истинной выгоды, имеющей подлинную пользу для общества. «Благое» есть то ценное, которое помимо прибыльности обладает свойством полезности, а «ценное» — только рентабельное.

В средние века сложилась западно-христианская доктрина ценностей: акцент на изучение смысла жизни, счастье, добродетели и познание высших неземных сил. Если в античной идее земная жизнь возвышалась над смертью, гармонии тела и души, то теологи средних веков, в том числе богослов Августин Аврелий противопоставляют культ бессмертной души телесным наслаждениям. Вечная блаженная жизнь души определялась исходя из занимаемого места в иерархической системе сопричастности души к Богу и принятия его воли [6]. Однако, согласно онтологии богослова, Бог создал мир и человека по образу и подобию своему, и в этой связи человеческая жизнь оценивается как наивысшее благо. Исходя из этого, в христианстве существует заповедь «не убивай», которую необходимо понимать в приложении к человеку как творению божьему. Вопросами о начале и конце жизни человека вправе заниматься только Бог и жизнь дается ему для погружения в глубины своей души для устремленного поиска Бога как единственной точки опоры своего временного пребывания в зыбком мире. Дефиницию ценности человеческой жизни можно понять в концепции Августина в следующем: «Настоящая счастливая жизнь в том, чтобы радоваться Тобой, от Тебя, ради Тебя» [7]. Следует заключить, что по средневековому измерению жизнь человеку даруется только для познания Бога. И слово «ценность» отождествлялось с понятиями «истина», «идея», «справедливость», «закон», «вера» и другими, которые позднее будут отнесены к различным проявлениям ценности.

В эпоху Возрождения происходит переосмысление системы ценностей, догматизация по формуле христианской веры и религиозного господства над общественной жизнью. Гуманисты Возрождения породили идею прогресса человечества и человеческого духа. Смысл гуманизма выявился не в человеколюбии христианского толка, а именно в антропоцентризме, когда создаваемые ценности человека стали рассматриваться в качестве высших [8]. Творчество деятелей данной эпохи проникнуто верой в безграничные возможности человека, его воли и разума, полный «поворот» мироздания к человеку как высшему началу бытия. Вследствие чего интеллектуалы ренессанса оптимистически оценивали божественные качества самого человека, определяющую свою судьбу, опираясь на знания. Итальянский гуманист Пико делла Мирандо-

ла отмечает, что «...счастье человека, которому дано владеть тем, что пожелает, и быть тем, кем захочет... готовы служить ему земля, элементы, животные и небеса, о благе его и спасении пекутся ангелы», возвышая человека над всеми мирскими существами [7, с. 38]. Антропоцентрические взгляды светлых умов гуманизма повлияли на искусство того времени, где начала высоко цениться человеческая телесность, эмоциональное состояние, естественные чувства и стремления. Таким образом, исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть воспроизведение ценностных установок на «красоту», «свободомыслие», «откровенность», «чувствам» и «разуму», что и являлось критериями значимости в социуме эпохи Возрождения [9].

Вслед за Возрождением Новое время диктует правила индивидуализма и рациональности за счет прогрессирующей технократии и происходящей научно-технической революции. Открытия Коперника, Галилея, Ньютона, идеи Бэкона, Декарта, Канта оказали влияние на мировоззренческие позиции общества, «разум стал ценностью индивида для себя самого». С возникновением экономических отношений и реформации норм права человека первоочередными ценностями выступают образование и наука, знание, труд, трудолюбие, денежный доход, свобода совести и другие. Анализируя «дух капитализма» М. Вебер делает справедливый вывод о том, что «труд становится самоцелью и призванием» [10]. Так как неизменным мерилем труда становятся денежное вознаграждение и обладание материальным преимуществом над другими. По словам исследователя капитализма В. Зомбарта, начиная с 15–16 вв. деньги занимают положение «повелителя и земного божества», постепенно вытесняя ценность живого человека, его чувств холодным рационализмом и прагматизмом. В частности, гуманизм заменяется стремлением к успеху, монетизации своих прикладных знаний за материальную выгоду. Главным критерием добродетели Нового времени становится ценность интеллектуального труда, научной мысли, трудолюбия и рационально-индивидуалистического характера.

Дальнейшее развитие промышленной революции привело к возникновению индустриального общества, ценностью которого являлись свобода, труд, производство, образование и демократия. Как отмечает родоначальник теории «индустриального общества», американский экономист П. Друкер «индустриализация подарила человеку свободу, а социалистическое было рабским» [11]. Последователи американского теоретика У. Ростоу, Ж. Еллюль и Р. Арон, излагая собственные концепции общественного разви-

тия, приходят к единому мнению о ценности денежного ресурса, массового потребления и ускорение прироста информации. Однако, Уолт Ростоу, выдвигая теорию стадий экономического роста показывает, что произошедший сдвиг от предложения к спросу, от производства к потреблению привел к переосмыслению ценностной иерархии в человеческой жизни. Так или иначе, процессы индустриализации, капитализации и урбанизации породили глобальные социальные изменения, которые привели к рационализации культуры, что и приобрело характер массовости и унифицированию ценностных установок [12].

В концепциях, описывающих общества индустриального и постиндустриального периода Т. Парсонс, Д. Белл, А. Турен и другие, отмечают, что одной из важных отличительных черт постиндустриального общества является повышение важности знания и информации, а также значимость их «носителей». В данный пласт входит сам человек, так как по обозначению Элвина Тоффлера, родоначальника концепции постиндустриального общества, автора труда «Третья волна», в системе ценностей «человек-носитель» или «человек — производство», творческие и интеллектуальные возможности становятся наивысшей ценностью [13]. В этой связи материальные и вещественные факторы производства перестают быть основным носителем ценностей, так как высококвалифицированная рабочая сила становится наиболее выгодным вложением капитала для усовершенствования схем экономических и производительных отношений.

Так или иначе, генезис понятия «ценность», реконструируемый на основе обозначающих его слов, показывает, что в нем соединились три аспекта значения: 1) характеристика внешних свойств человека; 2) психологические качества человека; 3) отношения между людьми, межличностные отношения.

Ценностно-составляющую структуру можно обозначить в табличной форме в соответствии с историческими этапами развития общества и академического дискурса о ценностной системе человечества (таблица).

Выводы

Ценности как философское понятие эволюционировало со временем, и в этом выражается многогранность социально-философского понимания ценностей, которые легли в основу социальных институтов в процессе общественного развития. Интерпретация понятия «ценность» менялась на разных ступенях исторического

Таблица 1.

Структура ценностных установок на разных этапах развития общества

Этимология слова «ценность» в индоевропейских языках	«значение», «стоимость», «дорожить», «ценить»
<i>Изменение значения «ценность» на разных этапах развития общества</i>	
Античный мир	познание, благо, разумная жизнь, блаженство, познание благ
Средние века	истина, идея, справедливость, закон, вера, вероубеждение, исповедание
Эпоха Возрождения	красота, свободомыслие, откровенность, чувствительность, разумность
Новое время	рациональность, прагматизм, интеллектуальный труд, научная мысль, трудолюбие
Период индустриализации	природные ресурсы, свобода, трудолюбие, предприимчивость, промышленность, образование, здоровье, способность и готовность к новациям
Период постиндустриализации	объективная наука, информация, знание, творческий потенциал, интеллект, квалификация, коммерция

развития и отличалась в зависимости от научных школ и течений. Можно выделить несколько исторических этапов в зависимости от особенностей подхода к ценностной проблематике: античность, средние века, эпоха возрождения, новое время, эпоха рыночных отношений.

Изучение ценностей служит своеобразным мерилom, признаком, по которому можно охарактеризовать степень изучения и понимания трансформации социальных институтов. Ученые формируют и развивают классификацию норм и ценностей, как шкалу измерения социальных преобразований.

Происходящие в обществе изменения, развитие технологий, инновации в системе образования и иные процессы, протекающие в современном мире, наиболее сильно отражаются на ценностном поле молодежи.

Библиографический список

1. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев. Ценности и смыслы 2018, № 1 (53), С. 78–90.

2. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. — 2011. — № 2 (11). — С. 82–96
3. Маркс К. Теория прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. — М.;, 1962. Т. 26. Ч. III. С. 307
4. Лисович И. Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени // Изд. дом Высшей школы экономики. — 2015. — С. 47
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1979. С. 300–301
6. Августин Блаженный. О граде Божием. Мн.: Харвест, 200. С. 164
7. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Гендальф, 1992, С. 268
8. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. Изд.: Высшая школа. 2015. С. 37
9. Педагогическая наука: история и современность: учебное пособие / М.А. Лукацкий. — М: ГОЭТАР-Медиа, 2012. С. 16
10. Баева Л.В.. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Монография. Изд-во АГУ, 2004. С. 162
11. Друкер П. Постэкономическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 19
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/02.php
13. Соболевская А.А., Попов А.К. Постиндустриальная революция в сфере труда. М., ИМЭМО РАН, 2009 — С. 69

Кара-Мурза С.Г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ О «МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ»

EPILOG ABOUT «MANIPULATION WITH CONSCIOUSNESS»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом манипуляции массовым сознанием в условиях информационного общества.

Abstract. In article the questions connected with process of manipulation with mass consciousness in the conditions of information society are considered.

Ключевые слова: массовое сознание, манипуляция, исторический дискурс.

Keywords: mass consciousness, manipulation, historical discourse.

Еще недавно понятие «манипуляция сознанием» считали обозначать важную технологию господства «современных» государств Нового времени, то есть, государств ареала западного капитализма. В традиционных государствах властители имели другие средства господства, а манипуляция сознанием — технология сложная, она создавалась и развивалась в лоне современной науки вместе с идеологиями капитализма.

Но в последнее время технология манипуляции духовной сфере людей быстро усилилась и перешла на другой уровень (хотя и прежние приемы тоже эффективны). В периоде краха СССР и кризисов в России вышли несколько крупных книг (в многих изданиях) о манипуляции сознанием, но сейчас необходимо срочно изучить, обсудить и предоставить новые и обновленные знания обществу и системе образования.

Эта статья — не оригинальна, это, скорее, короткий обзор этой проблемы, ссылки на суждения многих наших авторов и преподавателей невозможно, их очень много. Но заявить эту проблему надо.

Основа технологии манипуляции сознанием в западных культурах соединяет научную картину мира, особую антропологию (собственнический индивидуализм), особые социальную философию и этику, особую рациональность политики и права. Эта основа — часть «центральной матрицы» современного западного капитализма, и народы других культур еще до сих пор очень мало знают о сущности, целях и приемах этой технологии. А главное, люди

незападных культур считают, что «манипуляция сознанием» — это ловкие обманы, соблазны и виртуозное воровство. Ну, что ж, это есть во всех культурах, у всех разные — всем нам надо лучше смотреть, а не моргать. Но в действительности, большинство людей не подозревают, что за маской «манипуляции сознанием» скрывается мощное оружие, посредством которого можно вести целые общности туда, куда им не надо идти — и по разуму и по совести, и этого они не видят.

В XVII–XX вв. на Западе соединились наука с властью и экономикой, а далее стали возникать интегральные междисциплинарные области науки и практики. Так, власти США уже в 1860 г. привлекали антропологов к изучению культур аборигенов и для решений задач по управлению индейскими сообществами. Но систематически использовать антропологов и этнологов стали англичане. Необходимость познания этничности с помощью *научной методологии* обострилась в ходе «второй волны глобализации» — *империализма*. Когда интенсивное вторжение западного капитализма дестабилизировало традиционные общества и вызвало множество конфликтов, и структуру и динамику которых уже было нельзя понять с помощью здравого смысла, потребовалась научная технология.

В период между Первой и Второй мировыми войнами значительное число антропологов служили в МИДе и Министерстве по делам колоний Англии. Быстрое развитие этих областей происходило после Второй мировой войны в период разрушения мировой колониальной системы. С 1950-х годов специалистов по антропологии, этнологии и культурологи стали активно привлекать правительство и спецслужбы США для прикладных исследований в Латинской Америке, а также в разработках, связанных с войной во Вьетнаме. Шире всего исследования проводились в США. В 1970-е годы считалось, что в США работали две трети специалистов в антропологии и этнологии всего мира. Они имели достаточные ресурсы, чтобы вести работы во всех частях света.

Огромный массив эмпирического и теоретического знания науки США позволил эффективно воздействовать на сознание населения самих США и на общности разных стран и культур. Некоторые программы таких воздействий становились функциями интенсивных войн. Классическим примером был цепной процесс изменения сознания значительной части населения Германии, которая примкнула к фашизму. Этот пример был тщательно изучен именно в США.

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых не учитывалась уязвимость общественного сознания.

Крупный психолог XX века Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 г., до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что «белокожая бестия», мечущаяся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями» [1, с. 231].

Потом он внимательно следил за фашизмом и все же в 1946 г. в эпилоге к своему трактату «Вотан» (1936) признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему... Поведение немцев в целом ненормально; если бы это было не так, нам уже давно пришлось бы признать подобную форму войны нормальным положением вещей» [1, с. 231]. Таков был результат I Мировой войны в Германии. Юнг знал все «разумные» экономические, политические и пр. объяснения фашизма, но видел, что дело не в реальных «объективных причинах». Он сказал, «то, что наступило после войны, показалось бы нам настоящим шабашем ведьм». Загадочным явлением был именно массовый захвативший большинство немцев психоз, при котором целая разумная и культурная нация, упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Феномен германского фашизма нам очень важен потому, что к концу XX века этот необычный феномен стал моделью. Она позволила разработать много типов технологий гибридных войн и прокси-войн, которые ведут группы или общности, чьи сознание сдвинулось к иррациональной агрессии. Это уже не только воздействие на сознание граждан своей страны, но и создание целых армий боевиков, которые и не знают, что их картина мира деформирована институтами и центрами иных держав.

Массовое использование этих технологий обеспечивают в основном в США, но есть и международные центры и научно-технические бюро, которые берутся за крупномасштабные задачи. Этот период состояния рисков, угроз и бедствий открылся в ходе кризиса и краха СССР, и в его судьбе сыграли важную роль технологии манипуляции сознания. Чтобы понимать эти технологии и их методы, которыми воздействовали на наше сознание, требуется анализ нашего собственного восприятия этих действий. Они называются скучным термином **манипуляция общественным сознанием**.

В ходе подготовки этих программ сделано огромное количество находок и даже открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, об информации и языке, об экономике и экологии. Например, прежде чем начать решающие действия

в СССР и России в «перестройке», было получено ценное знание по этнографии и антропологии. Так, в какой-то мере, разрушение государства и советского народа произошло с неожиданной скоростью благодаря этому знанию. Но мир изменился не только из-за краха СССР — сама невидимая деятельность по манипуляции общественным сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула практически каждого жителя планеты. И особенно культурный слой людей — читателя, телезрителя и погруженного в интернет.

Таким образом, книги о «манипуляции сознанием» (в том числе моей такой книги) завершили прошлый период этой проблемы и подошли состоянию нового «оружия массового поражения» мирного населения. И мы еще о нем мало знаем. Здесь представим несколько аспектов этого состояния, чтобы подготовиться к большому потоку литературы о том, как развивалась эта технология и как можно ограничить ее разрушительные возможности.

«Бархатные», «цветные» революции и так далее

Это специфический тип революций, который иногда обозначается словом «бархатные», «цветные» («оранжевые», «революция роз» и т. д.)¹. Но первая основная и самая крупная революция нового типа была «перестройка СССР», результат ее привел к разрушению Советского Союза и всего блока социалистических стран и их союзников. Разработка доктрины и стратегии была огромным проектом западной науки в ходе холодной войны. Кроме того, большой вклад в западный проект создали интеллектуалы-диссиденты (в основном левые и даже т. н. «экзальтированные коммунисты»), которые изучали свои общества и культуры внутри своих стран и государств.

Почему значительная часть советских гуманитариев, начав свою миссию с марксизма, плавно сдвинулись к антисоветизму, затем антикоммунизму, проникнутому революционной страстью, а одержав победу, почти все не увлеклись строительством буржуазного общества — это особая проблема и даже загадка, а может быть, даже угроза. Многие из них признали, что во время перестройки Горбачева их протесты и оппозиция были неконструктивны и затем разрушительны. Сейчас многие изучают этот процесс, но об этом надо говорить позже.

¹ Мы используем термин «революция» без апологии и без проклятий. Это — технология, инструмент, чтобы изменить важные системы страны, общества и народа.

Предшественницы «цветных» революций — «бархатные» революции 1980-х годов в восточноевропейских странах. Эти *неклассические* революции по многим важнейшим признакам отличаются от прежних и классовых, и цивилизационных революций. Те, кто следуют представлениям о революциях, принятым в историческом материализме, даже отрицают за «бархатными» и «цветными» операциями статус *революций*.

На деле «цветные» революции не просто приводят к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а и меняют основание легитимности всей государственности. Более того, меняется даже местонахождение *источника легитимности*, он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма. Например, США утверждают, что Каддафи — диктатор, а «народом Ливии» будет назначена небольшая группа «повстанцев», и ради утверждения их «легитимной власти» НАТО будет почти год бомбить всю страну — и большинство населения Запада с этим соглашается.

Да, «цветные» — это не *классические* революции. Но общественные явления и не ограничиваются классикой. Смена власти и в Грузии, и на Украине сопровождалась глубокими структурными изменениями не только в государстве и обществе этих стран, но и в структуре *мироустройства*. Две *постсоветские* территории резко изменили (хотя бы на время) свой цивилизационный тип и траекторию развития — они вырваны из той страны, которая еще оставалась на месте СССР, пусть и с расчлененной государственностью. Они перестали быть постсоветскими. Как же изменилось сознание значительной части населения Украины?

Политизация этнического чувства на Украине даже в конце перестройки была еще очень слабой. Вот вывод социологических исследований в СССР 1989–1990 гг.: «Наибольшую значимость этих [этнических] вопросов выразило население Прибалтийских республик (максимальное значение — 23%, минимальное — Украина — 6%) ... [На Украине] кроме гуманитарной интеллигенции (писателей, журналистов, педагогов) этими вопросами мало кто встревожен... Проблематика «крови и почвы» волнует преимущественно националистические почвенные группы. ... В целом их позиция мало значима для основной массы населения (на Украине этот пункт анкеты получил наименьшее число голосов — 1%; близкие данные по Казахстану — 2%)» [2].

Еще в середине 1990-х годов население Украины имело устойчивые просоветские установки, гораздо более определенные, чем в РФ. В постсоветских республиках с 1993 года в рамках про-

екта «Барометры новых демократий» работала большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 году было сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлую и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе» [3]. Точнее, положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88% и на Украине — 90%.

Более того, сравнительно недавно русские и украинцы вместе составляли ядро армии, которая выиграла Великую Отечественную войну. В числе погибших солдат и офицеров в войсках СССР русские и украинцы составляли 83% (5,76 млн русских и 1,38 млн украинцев). При этом в той войне на Украине захватчиками было преднамеренно истреблено мирного населения 3 091 987 человек, из них детей 73 887.

Мы сейчас точно не знаем распределения населения Украины по действительному отношению к России. Но есть основания принять, что часть населения украинцев за 10–15 лет была индоктринирована в ненависти к русским и России. И тот факт, что этот сдвиг произошел вопреки *интересам* жителей Украины, без внятных оснований и без всякой враждебности со стороны русских — чрезвычайно важный культурный феномен, до сих пор никак не объясненный. Его нельзя включить в анализ современного процесса как рядовой тривиальный параметр. Он говорит о такой степени лабильности и уязвимости духовной сферы человека, которую наша культура и не могла представить.

Для описания «бархатных» и «цветных» революций, которые сложились как технология свержения власти в самые последние десятилетия (*на пороге постмодерна*) — нет необходимости вдаваться в детальную классификацию множества революций второй половины XX века. Перед нами явление качественно новое, однако в него включены многие элементы прежних революций.

Для понимания хода революций надо вглядываться не только в противоречия, созревшие в базисе общества, но и в процессы, происходящие или возбуждаемые в надстройке общества — в культуре, идеологии и сфере массового сознания. Антонио Грамши дал сильную теорию таких революций, а в последние полвека накапливается и систематизируется богатый эмпирический материал. Эта работа достигла того уровня зрелости, когда появилась возможность быстро разрабатывать технологии таких революций применительно к конкретной обстановке. Для всех стран, не входящих в «метрополию» современного Запада и пытающихся про-

тивостоять втягиванию их в периферию этой метрополии, именно технологии этих «цветных» революций будут в среднесрочной перспективе представлять главную опасность их независимости, пока они не изучат новые подходы манипуляции сознанием. Эти технологии обеспечиваются мощью западных наук о человеке и его сознания, а также СМИ. Эти технологии обходятся гораздо дешевле, чем обычные войны, и почти не вызывают протестов в своих западных обществах.

В предельном состоянии *Смуты* в умах царит хаос — государство-жертва и его общество становятся беззащитными, т. к. граждане перестают видеть реальные угрозы и не могут соединиться для их отражения. «Цветные» революции — это революции *смуты* и *хаоса*.

Понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае узкое и ограниченное понятие служит фильтром, который не позволяет увидеть целые типы реальных революций, определяющих судьбу народов. Образованные люди часто не видят даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть вызревающей угрозы.

«Бархатные» и «цветные» революции не могут быть описаны в понятиях, взятых из теорий революции Маркса и Ленина. Даже Грамши задал лишь методологическую канву для их понимания. Это — революции *постмодерна*, они многое восприняли у фашизма. Главное заключается не в каких-то отдельных аспектах этого явления, а в том, что оно представляет собой совершенно новую, неизвестную государству и обществу систему.

«Бархатные» революции (и т. д.) как продукт постмодерна

Принято говорить, что «бархатные» революции — продукт эпохи постмодерна. Что это значит?

Революции эпохи модерна — как буржуазные, так и антибуржуазные — вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Под доктринами революций был тот или иной *центральный текст*, корнями уходящий в ту или иную мировую религию. Революционные силы могли объединяться или раскалываться в связи

с трактовкой этого текста, но все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с достаточно жесткими утверждениями.

Постмодерн разрушил главные центральные тексты, произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом и формул исчезла, исчезли и сами аксиомы, они не складываются в системы. Цели и аргументы могут игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными. Этот переход был на индивидуальном уровне ознаменован всплеском немотивированных преступлений, так что категории юриспруденции, возникшей как продукт Просвещения, зачастую просто неадекватны природе социальных патологий. На коллективном уровне мы наблюдаем всплеск немотивированных конфликтов, вспышек насилия, бессмысленных бунтов и терроризм.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции просто не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением писали: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало» [4].

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика *«толпообразования»*, превращение больших масс людей в толпу и предмета манипуляции ею. Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций. Появились странные виды искусства, сильно действующие на психику (например, *перформанс*, превращение куска обыденной реальности в спектакль).

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение *уголовного мышления* политиками и даже учеными — мышления с нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели в разных частях мира заговоры и интриги

ги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга. Мы видим резкое ослабление национального государства, одного из важнейших творений эпохи Просвещения. Едва ли не главным признаком этого ослабления является *приватизация насилия* — использование и морального, и физического насилия негосударственными структурами и коллективами (политическими и преступными). Зачастую уже государство втягивается как один из актеров в политические спектакли с применением насилия, поставленные теневыми режиссерами (как в случае терроризма).

Все это вместе означало переход в новую эру — *постмодерн*, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. Один из философов постмодернизма сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Это само по себе — постмодернистская метафора. Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован.

В известном смысле постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*. Постмодернистский характер политических технологий, применяемых при «демократизации» государств переходного типа, проявляется в разных признаках архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в «цветных» революциях и, видимо, немало удивил наблюдателей: «появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью». Ранее он был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии страны с все еще высокообразованным населением.

Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно пре-

пятствует работе власти вообще — борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства. По свидетельству наблюдателей общажи, «что протестующие толпы людей нападают на правительственные здания и уничтожают их и государственное имущество, парализуя общественные учреждения и службы, то есть тот самый общественный капитал и инфраструктуру, которые созданы якобы для их обслуживания».

Умами интеллигенции и рабочих во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы овладели иррациональные установки, которых не ожидали в стране, пережившей интенсивную модернизацию. Люди ломали структуры развивавшегося общества и расчищали дорогу капитализму, вовсе того не желая. Польские социологи пишут, что это противостояние имело «неотрадиционалистский, ценностно-символический характер, «борьба добра со злом»» и было овеяно «ореолом героико-романтическим — религиозным и патриотическим». Сам феномен «Солидарности», вдруг исчезнувшей, относится к постмодерну.

В данный момент западные державы завершают цикл революций под названием «арабской весны». Этот цикл был начат с 2011 года. Коротко отметим один из элементов новых технологичных экспорта революций от «бархатных» до «арабской весны».

На первых этапах разработки концепции и технологии «цветных» революций подчеркивался их *ненасильственный* характер или, по меньшей мере, целенаправленное создание иллюзии безопасного ненасильственного развития событий. Поскольку на практике регулярно наблюдалось применение силы (иногда в очень крупных масштабах), эту характеристику стараются не акцентировать. Однако смысл ее важен. Принципиальная трактовка «бархатных» революций как ненасильственных обращается к мировоззренческой слабости государственной бюрократии стран переходного типа. Образ политического противника, отвергающего насилие, парализует главную силу, которую государство готовит для отражения революции — его силовые структуры.

В 1980-е годы XX века организация и технология «бархатных» революций стали объектом изучения и разработки в крупных государственных и полугосударственных учреждениях Запада. Примером служит Институт Альберта Эйнштейна в США (ИАЭ). Он был основан в 1983 г. на деньги «благотворительных фондов» Сороса и правительства США. В официальной декларации его целями названы «исследования и образование с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур,

войны, геноцида и репрессий». Возглавляют его бывший офицер разведки, полковник, и профессор Гарвардского университета Джин Шарп. Он с помощниками постоянно ездит в намеченные для переворотов регионы для «поддержки революций». С 2000 по 2004 год к ИАЭ обращались за помощью группы диссидентов из 34 стран.

Технология «бархатных» революций использует слабость большинства современных государств, в которых была осуществлена «демократизация» и была декларирована свобода слова и собраний. В этих государствах в умы работников правоохранительных органов внедрена идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто допускает только «мягкие» правонарушения. Эта *неполноценность государственности* была заложена, как программа-вирус, в механизм власти всех стран переходного типа, в которых правящий слой впал в соблазн быть принятым в глобальную элиту «мирового сообщества». Они отказываются от продолжения большого проекта, альтернативного «либерально-демократическому проекту Запада».

Перестройка и начальная фаза рыночной реформы в СССР — чистый случай революции регресса, и советское обществоведение, исходя из теорий революции Маркса и Ленина, совершенно не могло предсказать. Такая *революция регресса* это вовсе не возврат к досоветской российской цивилизации, это выражается в демонтаже главных структур современной цивилизации — промышленности, науки, образования, больших технических систем.

В целом, речь идет о мощных политических технологиях нового, нам малоизвестного типа. Чтобы противостоять этим технологиям, нужны срочные усилия в изучении философии и культуры постмодерна, а также изучать практическое исполнение уже произведенных «цветных» революциях, как удачных, так и сорванных.

«Цветные» революции как спектакль

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, невидимый режиссер втягивает нас в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь.

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни

черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией.

Использование технологий **политического спектакля** сейчас стало общим приемом и власти, и оппозиции. В каждом случае проводится предварительное исследование культуры того общества, в котором организуется изменение или свержение власти. На основании этого подбираются «художественные средства», пишется сценарий и готовится режиссура спектакля. Если захват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных» выборов — с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля «на площади». Последнее время дало нам ряд классических примеров.

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

Анализ использования воображения для превращения людей в толпу, как выше сказано, дал в 1967 г. французский философ Ги Дебор [5]. Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его образом реальности, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время.

Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние поддерживается искусственно, возник даже особый жанр и особая способность — *непрерывное говорение* (часто в форме talk-show). Человек, слушающий его, просто не имеет возможности даже мысленно вступить с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении,

на митингах и массовых собраниях появились настоящие виртуозы этого жанра.

Общество спектакля — это «вечное настоящее». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. Режиссеры спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Это общество из людей «мозаичной» культуры, людей *постмодерна*. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики — как же можно выработать общее мнение?

В версиях «цветных» революций режиссеры сначала ставят спектакли радостные, толпу соединяют чувством восторга. Вот — свойство хорошо поставленного спектакля эпохи постмодерна — сами зрители становятся «инструментом производства иллюзии». Достаточно небольших начальных инвестиций, чтобы запустить двигатель спектакля, а затем он работает на энергии эмоций, самовоспроизводящихся в собранную на площади толпу. Объект манипуляции сам становится топливом, горючим материалом — идет цепная реакция в искусно созданном человеческом «реакторе».

В следующей фазе людям показывают кровавый спектакль, и этот контраст наносит массе населения культурную травму и распад структур рационального сознания. В действительности на последних этапах такая революция становится все менее «бархатной». Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией. Последнее время дало нам два классических примера — «революцию роз» и «оранжевую революцию».

Разработка и применение этих технологий стали предметом профессиональной деятельности больших междисциплинарных групп специалистов, которые выполняют заказы государственных служб и политических партий. Эти разработки ведутся на высоком творческом уровне, сопровождаются оригинальными находками и в настоящее время стали важным проявлением высокого научно-технического потенциала Запада. В самые последние годы для постановки кровавых спектаклей привлекаются (неважно, прямо или косвенно) организации террористов.

От классов — к этничности

«Цветные» революции, как революции эпохи постмодерна, отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплывающий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи сплывали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в идеологии. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет *класс — этносом*. Это и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины — она заменяется этнической мифологией.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры. Создание «нового народа» (или даже *новой нации*) в ходе подобных революций — один из ключевых постулатов их доктрины.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» вместе с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность по своей интенсивности несравненно сильнее той, что обеспечивают социальные мотивы. При этом массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности, с такой толпой не способна конструктивно говорить (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов).

В ряде случаев сдвиг к постмодерну провоцирует этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит в странах, переживающих всплеск *трайбализма*, родоплеменного сознания и организации. Не менее сложные проблемы обещает неожиданный возврат

этнического сознания в странах Запада. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают и антропологи. Антисоветские революции в СССР и в Восточной Европе, сходная операция против Югославии опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и попыток их интеграции.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «цветная революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества — разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества — «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу.

Проблемы сознания политиков и населения западных держав

После краха СССР Запад, который не может существовать без врага, на время оказался в мировоззренческом вакууме. С 1990 г. мы видим небывалый всплеск производства фильмов, в которых на «цивилизацию» наступают самые различные фантастические враги — ящеры, инопланетяне, вампиры, пауки и пр. Схема *наступления Зла* «из-за фронта» от фильма к фильму не меняется, но в совокупности вся эта культурная продукция отражает психопатическую потребность буржуазного общества во враждебном *ином*.

Поиски закончились созданием образа вселенского зла в виде *международного терроризма*. Для этого общества в его картины мира это зло распространяется в порах во всех обществах, и оно не имеет конструктивных целей. Оно — воплощение хаоса, наступающего на порядок цивилизации. Будучи непонятным и вездесущим, оно внушает ужас. Терроризм оживил латентный «страх Запада».

Можно провести аналогию с той парадигмой, которую выразил роман Уэллса «Война миров». Он так точно выразил мироощущение западного человека в момент острого кризиса индустриализма, что в 1938 г. даже простая передача по радио инсценирован-

ки романа вызвала в США массовый психоз и панику. Но разница между двумя случаями существенна. Марсиане Уэллса были явно *Иными* — могучими, но хорошо обозначенными и в этом смысле понятными. Террористы начала XXI века, скорее, воспринимаются как *Тень*, которая нападает на своего хозяина. Она невидима и неразличима, что внушает особый страх. Уэллс внушал оптимизм — марсиане погибли от бактерий, которые были безопасны для людей. Сейчас положение другое — цивилизации угрожают ее же «бактерии», с которыми произошла мутация. Ведь бен Ладен и талибы — создание самих США, а международный терроризм — «непристойный двойник» транснациональных корпораций.

Вот наглядный эпизод. В 1988 году, в разгар перестройки Горбачева, социологи США провели исследование «Советская и американская молодежь: сравнительный взгляд» [6]. Результат был таков: 42% американцев опасались, что ядерная война произойдет при их жизни, и лишь 14% надеялись, что ее не будет никогда. В СССР молодежь ответили так: 9% опасаются войны и 56% — уверены, что войны не будет. И вскоре крах СССР снял ограничение для попытки Западу установить глобальный либеральный международный порядок. Однополярный мир во главе с США был объявлен тотальным и всеобъемлющим. Но реальный мировой порядок уже четыре века уравнивался двумя несоизмеримыми категориями свободы: либерализмом Запада и суверенитетом государств, утвержденным Вестфальским миром.

Либерализм Запада был в мировой политике признан как реальность, но жизнеустройство незападных стран было защищено суверенитетом. Невмешательство во внутренние дела суверенных государств было фундаментом международного права и было признано в идеологии либерализма. Нарушение его приводило к войнам, вплоть до мировых. После 1945 г. Вестфальская система была укреплена ялтинскими соглашениями, но после 1990 г. ценность права и суверенитета для незападных стран была отброшена (если они не успели обзавестись ядерным оружием).

Более того, верхушка США уверяла свое население, что его держава стала гегемоном Земли — и в то же время нагнетает страх в среде своих граждан. Сейчас можем было бы реконструировать этот процесс со времен Рейгана, но для политологии остается загадкой: почему руководство и элита великой державы США, по окончании холодной войны и ликвидации СССР с его военным блоком, резко сдвинулись от парадигмы *realpolitic*, которая гарантировала Западу спокойное развитие с преодолением всех частных кризисов индустриализма. Что толкнуло либераль-

ную и неоконсервативную элиту Запада начать глобальную программу лавинообразной дестабилизации международного права и разрушения жизнеустройства многих регионов мира? Ведь было почти очевидно, что создаваемые этой программой риски обернутся нарастающим ущербом самому Западу с неопределенным исходом.

В 1990 г., когда был запущен проект «однополярного мира», американский политолог Дж. Миршаймер написал статью «Почему мы вскоре затоскуем по холодной войне» [7]. Он предвидел, что в мире будет не хватать «того порядка, какой холодная война вносила в анархию международных отношений». Почему достижение советским блоком военного паритета с Западом «заморозило» глобальные проекты мирового господства? Почему державы Запада за короткий отрезок XX века организовали две мировых войны, а баланс сил США и СССР стабилизировал мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны?

Н. Хомский обращает внимание на такой сдвиг политиков США в иррациональность. Он излагает рекомендации Стратегического командования США в 1995 г., вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны». Идея их такова: если жизненно важные интересы США поставлены под угрозу, «выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [государства] могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады» [8].

Н. Хомский добавляет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле».

Понятно, как трудно найти общий язык для диалога с такими иррациональными хитрецами. Еще труднее верно понять, каковы ценности, интересы, чаяния, страхи и предрассудки довлеют над элитой Запада.

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» (1991) предсказывается такой ход событий: «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имею-

щая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего... Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря... Приток мигрантов может вызвать резкое усиление «оборонительного» расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов...

Технологические нововведения дают преимущества передовым странам в ущерб тем, которые находятся на более ранней стадии экономического развития...

Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество» [9].

Таков был в 1991 г. пессимизм элиты Запада!

Вестернизация и архаизация

В последнее время в культуре элиты США произошел резкий сдвиг, который очень трудно объяснить, но он влияет и на сознание большой массы населения. Дело в том, что уже при Рейгане верхушка США в отношении к СССР, а затем и в отношении многих других стран, приняла иррациональный и архаический дискурс, а затем вплоть до нынешнего момента развивала это представление уже о постсоветской России.

Американский историк и теоретик вестернизации Т. фон Лауэ высказал такое тяжелое суждение: «Как мало людей на бесконечно привилегированном Западе понимают всю глубину отчаяния, разочарования и ненависти, в которые мировая революция вестернизации ввергла свои жертвы; общественное мнение, снимая с себя ответственность, до сих пор предпочитает видеть лишь позитивные аспекты вестернизации» [10].

Но теперь вестернизация сочетается с архаизацией. Еще в Древнем Риме для оправдания его экспансии сложились понятия *справедливой войны* (*bellum justum*) и «*незаконного врага*» (*hostis injustus*). В средневековые римские понятия соединили с ветхозаветным понятием «обязательной священной войны», которую ведут против врагов Бога, т. е. против **зла**. Иммануил Кант добавил, что «право государства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». Исходя из этих средневековых категорий, США и стали действовать в конце XX и начале XXI вв.

Так, НАТО совершало бомбардировки Югославии в 1999 г. без мандата ООН, а в 2003 г. — вторжение США в Ирак, также без мандата ООН. А в последние годы — предприняли военную интервенцию в Ливию, присеем, во время разгрома Ливии из риторики Запада были радикально вычищены. А ведь население Ливии было обеспечено социальными стандартами, небывало высокими для большинства арабских стран. В войне на уничтожение Сирии не было ни одного требования социального типа, как и вообще никакого рационального аргумента. Запад организовали военную поддержку одной из сторон гражданской войны в Сирии, и требовали отстранения законного президента. Во всех случаях военные действия были представлены как война со злом, против незаконного врага, *hostis injustus*. Международное право отброшено, действовала норма «право Запада по отношению к несправедливому врагу не имеет ограничений». В «однополярном» мире роль судьи, жандарма и палача возлагается на США.

С XVII по XX вв. попытка упразднения понятия *justa causa* и отказ понятия *законного врага (justus hostis)*, — суверенного государства. Но старое международное право сменилось мировыми войнами, ведущимися на истребление и до полного разгрома противника. Версальский мир возвратил в международное право доктрины справедливой войны, теперь представления Запада реализуется это древнее учение в полный рост — уже в конце XX столетия, в начале XXI в.

Примеров много. Западные режимы утверждают, что эти операции ведут некие условные силы «Добра» против выдуманных ими же сил «Зла», что военные действия направлены на незаконного врага, *hostis injustus*, а международно-правовые нормы второстепенны. Военная операция в любой момент может быть объявлена законной с позиций «международного сообщества». На горизонте замаячила угроза права сильного.

Еще одно распустье для Запада — 11 сентября 2001 г.

До сих пор мы не знаем точно, кто организовал и кто выполнили эту немислимую операцию, но она сдвинула развитие политики и сознания властной элиты Запада. Что же показало изучение событий 11 сентября? Для нашей темы он высветил социокультурную сущность общества постмодернизма, независимо от того, кто в действительности совершил теракт. Такому анализу была посвящена большая литература и выступления видных философов и культурологов. Почти все философы сошлись в том, что глобали-

зирующийся мир производит террор как *свой собственный продукт*; терроризм не является явлением внешним и автономным от глобализации. Исполнители терактов владеют не только техническими и финансовыми средствами постиндустриального общества, но и соответствующими интеллектуальными технологиями.

Так, они эффективно программируют масс-медийное воздействие своих символических жестов, то есть, обладают структурами мышления самого продвинутого информационного общества и владеют современным информационным оружием Запада. Они действуют в культурном пространстве постмодернизма и глубоко проникли в сущность «общества спектакля». Таким образом, современный терроризм имманентен постиндустриальному обществу. Американское общество, как говорят, действительно «грезило» терроризмом.

Художественными средствами это предчувствие было выражено в большом числе фильмов, которые точно, вплоть до деталей, создали апокалиптический образ того, что произошло 11 сентября (несколько подобных фильмов были еще в производстве и их запретили к прокату). По словам Бодрийяра, США «питали террористическое воображение» буквально во всем мире. Они и породили явление, которое ударило по ним самим. «Нас уверяли: «Бог не может объявить войну самому себе, — сказал в этих дебатах Бодрийяр. — Нет, может. Запад, ставший Богом (обладающий божественным всесилием и абсолютной моральной легитимностью) ... объявил войну самому себе»» (см. обзор [11]).

Но терроризм только начал показывать Западу масштаб тех последствий для него, которые порождает глобализация. Это обнаружило хрупкость и незащищенность постиндустриального информационного общества. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном искусственном мире, вызывает к жизни представление, что некий зловеющий агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне». Этот страх неизвестности консолидирует средний класс Запада и оправдывает политические решения.

После теракта в Нью-Йорке в 2001 г. в элите США произошел резкий сдвиг к имперской идеологии, который начался в 1980-е годы. В Белом доме президенту Бушу предположили тему мирового лидерства Америки и ее гегемонии, изложенная в книге (2002 г.) «Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса». Автор книги Р. Каплан пишет, что США стали «более безжалостны в решении задач экономической турбулентности», равно как и в вопросах «демографического роста развивающихся стран,

в отношении к природным ресурсам этих стран». В 1990-е гг. этот сдвиг ускорился, и была сделана ставка на «идеологию страха», консолидирующую Запад синдромом «осажденной крепости». Был создан устрашающий образ «варваров на пороге» — *международный терроризм и мигранты*. Кульминацией этой кампании было идеологическое использование теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Эта идеология «архаизирует конфликт», представляет его в терминах *фундаментализма*, как борьбу *Добра* (демократии) против *Зла* (тоталитаризма). Террористический ответ на террор Нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия идентичностей, которые были репрессированы нынешней глобализацией. Ислам — не более чем грубое идеологическое обозначение антагонизма, который разлит везде и пребывает, по словам Бодрийяра, «в каждом из нас». Этика накопления богатства должна была стать силой, цементирующей *глобальное* меньшинство. «Терроризм богатых», желающих гибели миру, стоящему на этике наживы, ставит крест на доктрине такой глобализации — она неадекватна сложности структуры человеческих стремлений и культур. Конфигурация общественного конфликта стала сложной, и загнать ее в модель борьбы *Добра* со *злом* невозможно.

Идеология сдвигается к иррациональности — государство создает условия для паники. Так, в США увеличился страх стать жертвой преступления. Признаком этого сдвига стало «усиление экспрессивной жестокости наказания преступников». До начала 1990-х гг. большинство среднего класса было настроено либерально в отношении преступников, теперь сострадание к преступнику сменяется гневом и страхом. Поддержка смертной казни в США за 1974–1994 гг. выросла с 58 до 74% опрошенных. В 2010 г. поддерживали смертную казнь 83%, противники составили всего 13%. Число заключенных растет, достигнув в 2007 г. 2,3 млн. В 2010 г., в США было 730 заключенных на 100 000 населения, а в Западной Европе от 59 (Финляндия) до 150 (Англия).

Социологи и философы (С. Лэш и Дж. Урри) считают, что глобализация принесла с собой «конец организованного капитализма». Эта «глобальная дезорганизация» и отступление национального государства — продукт глубокого кризиса. В момент краха СССР снова стали появляться предупреждения: вектор мирового развития тяготеет к катастрофе. Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны — не мировой, а всемирной «*молекулярной*», которую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Аф-

рике, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война — уже огромное предприятие. Признаки «гибридной» глобальной войны уже видны.

Те кризисы, которые возникают, как цепной процесс, по всему миру, отличаются от кризисов модерна. Они вырастают из хаоса или неопределенности финансовых потоков в необычных масштабах и с необычной динамикой. Ж. Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 г. и особо отмечает роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию.

Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей» [12].

О людях, преобразованных катастрофой

Культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной *культурной травмы*. После перестройки и «бархатных революций» эта категория вошла в социологию как обозначение необходимого фактора для анализа кризисных явлений в обществе. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние *неустойчивого равновесия*, возникает «подвижность отношений и правил». В этом состоянии вся система «чаяний» некоторых общностей может быть при малом усилии сдвинута в иной коридор. Для этого всегда имеются исторические предпосылки, но не они являются причиной неожиданных изменений вектора мыслей целых народов. Рассудительные немцы не собрались бы под флагом фашизма из-за того, что кучка интеллектуалов читала Ницше, хотя это кто-то может посчитать предпосылкой. Но более правдоподобно, что точкой бифуркации стала культурная травма унижения Германии после поражения в войне и последовавший кризис.

Катастрофическое изменение системы — вот что порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным». Это — суждения С. Московичи в его книге «Машина, творящая богов» (1988) [13].

Известно, что нельзя описать «население» (человеческие общности) только посредством социальными и культурными индикато-

рами — с ними неразрывно связаны и психическое. В стабильные периоды обе эти ипостаси человека в массе мирно сосуществуют, а девиантное поведение отдельных личностей воспринимается как неприятная аномалия. Но неожиданные обширные кризисы, социальные бедствия и катастрофы потрясают сознание, и духовная сфера значительной части населения получает «контузию». Возникают большие общности с «измененным сознанием». Картина мира этих людей сдвигается к иррациональному, поведение становится неопределенным или непредсказуемым.

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о травмах социальных потрясений: «Известный немецкий психиатр и философ Карл Ясперс проанализировал изменения психического состояния населения Германии после её поражения в I Мировой войне. Он сопоставил их с психическими явлениями в беспокойные времена среди населения других стран — после эпидемии чумы в XIV веке в Европе, во время Великой французской революции, а также после революции 1917 года в России. Ясперс пришёл к заключению, что наблюдаемые в такие периоды глубокие эмоциональные потрясения касаются всех. Они «воздействуют на людей совершенно иначе, чем потрясения сугубо личного свойства». В первую очередь происходит «девальвация ценности человеческой жизни. Это выражается в равнодушии к смерти, снижении чувства опасности в угрожающих ситуациях, готовности жертвовать жизнью без всяких идеалов». Наряду с этим Ясперс отмечает «неуёмную жажду наслаждений и моральную неразборчивость» [14].

Явления этого типа различаются масштабом и оттенками в разных культурах, но ядро их структуры в главном одно и то же. Люди, пережившие катастрофу, получают сильную культурную травму. В этом состоянии многие из них легко поддаются манипуляции.

Ю.А. Александровский так классифицирует травмы современной российской реформы: «[После 1991 г.] наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. Эти причины, а главное, затянувшийся характер негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества... Отсюда — тревожная напряжённость и развитие «кризиса идентичности личности»...

Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчуждённости, чрезмерной тревожности или депрес-

сии. Второй вариант — разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант — развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания» [14].

Это — проблема социальной психологии: «Воля индивида, загипнотизированного тем, что он считает своей миссией, может привести к экстремальному разрушению и резне. Мы видели это на примере Гитлера в Германии, Пола Пота в Камбодже» [С. Московичи].

Здесь мы кратко рассмотрим третий вариант сдвига в результате культурной травмы — «развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями». Во всех странах, которые прошли через бедствия и катастрофы, как Афганистан или Сирия, возникают кризисные общества со «сверхценными идеями мистического, иррационального содержания», с разными направлениями, интенсивностью и масштабе. Такие люди легко поддаются манипуляции их сознанием. Особая часть — активные радикалы, которые рвутся силой улучшить мир или хотя бы его уничтожить.

Вот признание известного американского экономиста Джеффри Сакса: «Больно это признавать, но Запад, особенно США, несет значительную ответственность за создание условий, в которых ИГИЛ расцвел... Общественности, действительно, никогда не рассказывали истинную историю Усамы бен Ладена, Аль-Каиды, или подъема ИГИЛ в Ираке и Сирии. Начиная с 1979 года ЦРУ мобилизовало, набирало, готовило и вооружало молодых людей из суннитов для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. ЦРУ усиленно вербовало молодых людей из мусульманского населения (в том числе Европы), чтобы сформировать моджахедов... Бен Ладен, из богатой саудовской семьи, был доставлен туда, чтобы помочь провести и совместно профинансировать операцию... Ничем не спровоцированная война Америки в Ираке в 2003 году высвободила демонов. На основе лжи ЦРУ была начата не только сама война, ... много сделали для порождения хаоса, кровопролития и гражданской войны. Именно эти потрясения позволили ИГИЛ, захватить и удерживать территорию Сирии, Ирака и части Северной Африки» [15].

Российский социолог Н.С. Седых, изучающая методы вербовки террористов, пишет: «Мотивационной доминантой «экстремистского сознания» является вера в обладание высшей, единственной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, социальной группы или всего человечества...

Крайняя нетерпимость к инакомыслию, а также всякого рода сомнениям и колебаниям, перерастающая в убеждение, что нормальный, полноценный человек просто не может видеть вещи в ином свете, чем тот, который открывается благодаря обладанию абсолютной истиной» [16].

В населении, получавшем «культурную травму», психика у большинства пограничная. Но какая-то часть «переходит границу», из общества вырывается группа извергов, одержимых разрушительными мессианскими идеями, и которых ведут ловкие пророки. Перед нами разворачивается драма мирового масштаба.

Юнг писал (11 мая 1945 года): «Германия всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. При национал-социализме давление демонов настолько возросло, что человеческие существа, подпав под их власть, превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший этим всех остальных. Все нацистские лидеры одержимы в буквальном смысле слова, и, несомненно, не случайно, что их министр пропаганды был отмечен меткой демонизированного человека — хромотой» [17].

Юнг поставил Реформацию на первое место, но это и была системная катастрофа. Она потрясла и продолжает потрясать весь Запад. В мифологизированной истории англо-саксонской культуры замалчивалась та роль, которую сыграла в «протестантской науке» проблема *ведьм и демонов* — поскольку ученые принимали непосредственное участие в жестоких репрессиях. Ричард Бакстер («самый великий из пуритан») представлен Мертоном как выразитель духа новой науки. Но именно Бакстер в 1691 г. опубликовал книгу «Доказательство существования мира духов», в которой призывал к крестовому походу против «секты Сатаны». В Германии «настольным руководством в процессах о ведьмах» были труды «отца германских криминалистов» лейпцигского профессора Бенедикта Карпцов — он как судья лично подписал двадцать тысяч смертных приговоров.

Фанатичной иррациональностью отмечены установки некоторых сект (включая научные коллегии), которые перебрались в Америку. Реальность обстановки в пуританской Новой Англии самого конца XVII века описана историками в таких выражениях: «К середине 1692 г. процессы над «ведьмами» получили наибольший размах. Тюрьмы были переполнены, жизнь любого уважаемого гражданина зависела от тайного или открытого доносчика, «видевшего» призрак и сообщившего властям об этом. Ничто не могло стать гарантией социальной безопасности. Никто не смел вста-

вать на защиту жертв — самовольных защитников немедленно обвиняли в пособничестве дьявольской силе» [18].

Идеологами этих процессов был ректор Гарвардского университета Инкрис Мезер и виднейший американский ученый того времени, естествоиспытатель, философ и историк Коттон Мезер. Осенью 1692 г., по завершении сейлемских процессов, К. Мезер написал трактат «Чудеса незримого мира», где давал богословское обоснование казней: «Полчища бесов, к ужасу нашему, вселились в город, являющийся центром колонии и в известном смысле первенцем среди наших английских поселений».

А в наше время мы часто забываем, что кроме разума и сознания в нашей духовной системы существует тонкая, сложная и сфера — *психика*. Ее надо оберегать, поддерживать и соединять с сознанием. И защищать ее от *манипуляций* от мошенников всяких типов. Это чрезвычайный и тяжелый долг.

Таким образом, наши книги последних годов о «манипуляции сознанием» — это лишь пролог для рассуждений о новых измененных воздействиях на сознания массовых общностей людей в разных странах и культурах. За последние 30 лет мы увидели драматические операции с новыми политическими технологиями, но только сейчас поняли, что отстали от процессов созданий инструментов господства и разрушений общностей, культур и образов жизни.

Нынешнее время нередко называют «переходным периодом». В этих словах скрыт большой смысл. Переход — между чем и чем? Сегодня мы застряли в пространстве между разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет **манипуляция сознанием**.

Мы должны оценить риски и альтернативы наших выборов. И обдумать эти варианты должны все.

Библиографический список

1. Карл Густав Юнг о современных мифах: Сб. тр. / Под ред.: М. О. Оганесяна, Д. Г. Лахути. М.: Практика, 1994), с. 231.
2. Есть мнение (ред. Ю. А. Левада). М.: Прогресс. 1990, с. 198–199.
3. Роуз Р., Харпфер Кр. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократи-

- ческому обществу // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.
4. *Маслов О., Прудник А.* «Бархатная революция» как неизбежность // Независимая газета, 13.05.2005.
 5. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: ЛОГОС, 2000.
 6. *Браунгарт Р.Д., Браунгарт М.М.* Советская и американская молодежь: сравнительный взгляд. // Политические исследования. 1991. № 4.
 7. *Mearsheimer J.* Why we will soon miss the cold war // Atlantic. Boston. 1990. Vol. 266, № 2.
 8. *Хомский Н.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003, с. 29.
 9. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991.
 10. *Von Laue, Th.* The World Revolution of Westernization. N.Y., 1987, p. 72.
 11. *Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г.* Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР. М.: УРСС. 2012.
 12. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер. 2009, с. 76.
 13. *Московичи С.* Машина, творящая богов / Пер. с фр. — М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998.
 14. *Александровский Ю.А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.
 15. *Сакс Дж.* Как остановить ответный ход терроризма / <https://www.project-syndicate.org/commentary/islamic-state-blowback-terrorism-by-jeffrey-d-sachs-2015-11/>.
 16. *Седых Н.С.* Информационно-психологические способы вовлечения молодёжи в терроризм // Вопросы безопасности. 2014, № 3.
 17. *Юнг К.Г.* Обретут ли души мир? // Die Weltwoche, 11 мая 1945 / <https://monocler.ru/karl-yung-demonov-privlekayut-massyi>.
 18. *Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. М.: Высшая школа. 1989, с. 165–166.

Каримова А. Б.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПАРАДИГМАХ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL RELATIONS
IN THE PARADIGMS OF BEHAVIOR AND ACTIVITY

Каримова Алла Бекмухамедовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, albecar@yandex.ru

Karimova Alla, Doctor of Political Sciences, Prof., Principal Researcher, Primakov National Research Institute, of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Prof. of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, albecar@yandex.ru

Аннотация. Дискурсивный анализ процесса становления социологии международных отношений показал отчетливое движение от идеи о возможности применения в исследованиях связей и отношений между государствами социологических методов к специальной социологической теории, руководящим принципом которой является человеческое измерение международных отношений. Цель настоящего исследования состоит в обновлении социологического подхода к фактам и событиям международной жизни, поскольку усиливающиеся неопределенность и неустойчивость международной ситуаций заставляют признать: объяснительные пределы консенсусных гипотез достигнуты.

Abstract. The discursive analysis of the process of discipline formation showed a clear movement from the idea of the possibility to use sociological methods in studying the relations between states to a special sociological theory, the guiding principle of which is the human dimension of international relations. The purpose of this study is to update the sociological approach to the facts and events of international life, because the increasing uncertainty and instability of international situations make it necessary to recognize: the explanatory limits of consensus hypotheses have been reached.

Ключевые слова: отношения и связи между государствами, межгосударственные отношения, модели социологии международных отношений, человеческое измерение, переходная группа, трансграничные связи.

Key words: relations and relations between states, interstate relations, models of sociology of international relations, human dimension, transitional group, cross-border links.

Истоки формирования научного подхода к феномену международных отношений в России и на Западе

На протяжении долгого времени подход к международным отношениям, представлявшим собой один из самых развитых видов человеческой деятельности уже в XVIII в., ограничивался юридическим прагматизмом. Вместе с тем, первые эвристики построения теоретических моделей международных отношений, учитывающие социальные аспекты, появились в юридической среде. В России — в работах профессора Карла Генриха Лангера (вторая половина 1730-х — после 1792 г.), преподававшего в Императорском Московском университете (1764–1774) право и политическую науку. На Западе — в трудах британского правоведа Иеремии Бентама (1748–1832), основоположника теории политического утилитаризма.

К. Лангер, придерживаясь системы научного рассмотрения социальных феноменов, разработанной его учителем Христианом фон Вольфом, создал конструкцию комплекса политических дисциплин, помогающих государству решать проблемы власти, изменять социальную организацию жизни своих граждан, определять способы ведения хозяйства для умножения общественного блага. В этот перечень были впервые введены *международные отношения* как учебная дисциплина. Замыкая международными связями и отношениями «весь строй наук, которые включает в себя Политика», московский профессор включил в ее предметное поле *связи и отношения государства с другими странами*, результатами которых являются «дружеские договора и союзы, или обмен посольствами, или конфликты и войны» [1, с. 56].

Несмотря на то, что К. Лангер не приложил отдельных дефиниций к понятиям «связи» и «отношения», он отразил и передал смысловые различия основных форм межгосударственного взаимодействия через *деятельностные признаки*. Эвристика *связь-отношение* явилась ядром парадигмы международных отношений, выразила научный подход к решению международных проблем, обусловила дифференцированный подход к анализу качества взаимодействий сторон, конвертируя уровни коммуникаций во внешнеполитические стратегии.

Анализ идей И. Бентама в западных школах длится более двух столетий. Современные международники находят немало научных поводов для обращения к его философскому наследию. Наибольшую активность проявляют представители американской и британской традиций международных исследований, связывая с его именем изобретение слова «international» [2, p. 226], имевшего

**Классификация общественных дисциплин К. Лангера,
составляющих науку о политике**

Порядок	Название дисциплин	Предметное поле
1	Статистика	Количественные показатели деятельности государственных институтов и качественные характеристики населения.
2	Гражданская история	Воспроизводство и конструирование прошлого: ценностный анализ гражданского состояния общества
3	Управление	Институциональная инфраструктура социального порядка.
4	Экономика и ее отрасли: торговля, транспорт, сельское хозяйство, народонаселение	Коллективные практики деятельности кооперации: качество использования естественных ресурсов развития.
5	Военная наука	Ресурсы безопасного развития: качество безопасности.
6	Общественная экономика	Социальные ресурсы развития: качество условий жизни.
7	Связи и отношения между государствами	Внешние ресурсы развития общества.

Составлено по тексту доклада К. Лангера

ключевое значение в оригинальном проекте *кодекса поведения между государствами*, который не исключал возможности войны, но и отвергал ее неизбежность.

Все попытки классифицировать И. Бентама оказались неудачными. Так, американский «классический» реалист А. Уолферс относил его к утопистам, но при этом выделял реалистичность его футурологической конструкции международной организации. Британский политический мыслитель Э. Карр приписывал его к лагерю идеалистов. Несмотря на то, что все критики его воззрений на общественные процессы указывают на принадлежность утилитаризма к либеральному течению, однако в их оценках пропадает важное для социологии признание И. Бентамом значения общественного мнения (международной федерации и торговли), выступающего, как правило, против войны.

И. Бентам жил в эпоху нарастающей потребности измерения социальных процессов и прогностической точности их развития. Созданная им теория утилитаризма изложена в стиле, близком

к «языку» эмпирического анализа общественных явлений. Так, например, он предлагал оценивать любое решение политической проблемы с позиций *количества пользы* обществу и человеку. При этом польза в утилитаризме исполняет роль фундаментальной ценности. По определению И. Бентама, польза — «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, добро и счастье (все это в данном случае сводится к одному), предупреждает вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества; если это — отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица» [3, с. 10]. В этом фрагменте политические и социальные характеристики приобретает категория интереса, завоевавшая центральное место в теориях реализма (национальный интерес) и либерализма (экономический интерес, свободная от контроля государства торговля).

Вводя в деятельность государства мерило пользы, И. Бентам пришел к радикальному выводу об ошибочности применения *естественного права* к оценке межгосударственного поведения и выбору способа действия. Работая в этой логике, он увидел необходимость создания «международной юриспруденции»¹, допускающей рационализацию выбора между сотрудничеством и войной. Позже эта эвристика послужила появлению новой отрасли — *международного права*.

В методологическом плане И. Бентам ближе к эволюционизму Жана Бодена, отвергавшего макиавеллианскую интерпретацию государственной политики как сферу бесконечного возвращения к войнам.

Исследователи наследия И. Бентама считают его причастным к созданию концепции *международной безопасности*, артикулированной в плане «вечного мира» как фактор процветания нации.

Таким образом, дискурс проблем международных отношений, в котором намечился социологический «уклон», начал складываться за два столетия до появления социологии международных отношений.

Предметные поля социологии международных отношений (СМО) в России и на Западе

Конструирование предметного поля социологии международных отношений в России началось во втором десятилетии XX в.

¹ Там же. С. 390.

вместе с теоретическими оценками результатов первой мировой войны. Возник интерес к поведению государств, к процессу сложения отношений между ними в трансграничных пересечениях. К моменту появления первой модели СМО социология была практически единственной общественной дисциплиной с развитым понятийным аппаратом. Поэтому проблема анализа международных отношений рано или поздно должна была найти социологическое решение.

Мировая эволюция vs мировая революция

Феномен мировой политики рассматривался русским правоведом и теоретиком международных отношений Ю.В. Ключниковым (1886–1938) как центральный элемент его модели «социологии международных отношений» (*термин Ю.В. Ключникова — А.К.*). Поэтому определить референтность объекта с позитивистскими установками возможно, применив в анализе текста алгоритм метода асинхронной репликации, привлекая распределенные знания социологической теории к тексту рассматриваемой концепции, необходимо отвлекаясь от авторской интерпретации конкретных фактов.

Постулируя проблемой исследования поиск научных инструментов, способных предотвратить мировую революцию, физические и социальные потери от которой будут превосходить показатели любой военной кампании, Ю.В. Ключников обращается к теории эволюции. Работая в этой парадигме, он выделяет триаду — *политика, мораль и право*, — синергия которой, по мнению исследователя, способна противостоять революционизму и запустить эволюционные механизмы развития.

Применение теорий эволюции и прогресса в анализе послевоенной мировой ситуации позволяет определить методологические рамки замысла автора. Приложенные категории указывают на использование контовского определения социологии, смысл которой в раскрытии «причины покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой» [4, с. 20]. Логическая последовательность использованных в концептуализации идеи мировой политики терминов указывает на стремление выявить возможности управления социальными процессами посредством создания институтов, адекватных условиям изменившейся реальности. К оценке изменений привлечен многофакторный подход.

Являясь участником беспрецедентного на тот момент международного события — Парижских мирных конференций 1919 г., —

Ю.В. Ключников имел возможность наблюдать и оценивать живой процесс возникновения Версальского порядка, выработки 27 государствами-участниками универсальных правил политического поведения в международных сношениях.

Повестка совещания предполагала принятие общей оценки результатов мировой войны, революции в России и создании Лиги Наций. Ю.В. Ключников интерпретировал эти события как эмпирические факты феномена мировой политики, главной категории его социологической схемы макросдвига. Акцентируя влияние человеческого фактора через категорию «международного сознания» на характер международного порядка, он сумел выделить в этом симбиозе предметное поле новой науки — социологии международных отношений.

Автор признавал недостатки своей теории и видел необходимость ее дальнейшего уточнения. Однако этого сделать не удалось. В конце 1930-х годов преподавание социологии в Советской России было прекращено. Определенную роль в том, что концепция СМО получила известность только в начале 2000-х годов, сыграла эмиграция Ю.В. Ключникова. Ее первая публикация была осуществлена в 1922 г. в Берлине.

Даты выступлений Ю.В. Ключникова, приват-доцента Московского университета, управляющего министерством иностранных дел при Директории¹, эксперта советского правительства на Генуэзской конференции с лекциями по теории и социологии международных отношений в Брюсселе и Париже в 1921 г., а также с концепцией о мировой политике в Москве в 1918 г. [5, с. 6] позволяют зафиксировать начало формирования социологического подхода² к международным отношениям в России на четыре десятилетия раньше, чем это принято считать, а мирополитического³ — более чем на полстолетия.

В 1960-е гг. начался советский этап конструирования методологической основы СМО. Этому во многом способствовало ее конституирование на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция, 1966).

В работах Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, Д.В. Ермоленко, И.Г. Тюлина, Н.А. Косолапова и др. вновь появляется социологи-

¹ Директория — орган государственного управления, коллегия из 5 министров Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским (Совет пяти), 1 (14) сентября — 25 сентября (8 октября) 1917. 1 сентября 1917 г. объявила Россию республикой.

² Социологический подход к международным отношениям разработан норвежским исследователем Й. Галтунгом в 60-е годы XX столетия.

³ Монография The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics («Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике») Хэдли Булла (британская школа международных отношений в которой представлена теория мировой политики, впервые опубликована в 1977 г.

ческий абрис международных отношений. В то же время опора исследователей на системный подход не позволила развиваться предметному полю, адекватному постулатам социологической теории. Это надолго определило судьбу СМО в России как промежуточной дисциплины, располагающей методиками социологических исследований, но не имеющей методологических скреп с социологической теорией.

На Западе «исследовать поле международных отношений как таковое» в 60-х годах XX в. «рискнули» социологи Р. Арон, П. Хайнц, Й. Галтунг, Г. Лагос и А. Этциони [6, р. 6]. Однако и это не привело к признанию СМО как субдисциплины науки о международных отношениях.

Альтернатива теории международных отношений

Французский мыслитель Р. Арон (1905–1983) пришел в социологию с полей военных сражений Второй мировой войны, что обусловило его интерес к международной проблематике. Сам ученый выделял четыре главных области в своих исследованиях: современные идеологии, индустриальное общество, современные политические системы и международные отношения.

Выстраивая траекторию движения от индустриального к постиндустриальному обществу, он восхищался М. Вебером, но был заподозрен в желании стать соавтором его теории политической социологии. Критиковал К. Маркса и попал в изоляцию в среде французских и советских социологов. Заявлял о своей принадлежности к французской «школе либеральных социологов», созданную, по его мнению, Ш. Монтескье, А. Токвилем и Э. Алеви [7, с. 30], но не использовал «ни Токвиля, ни Монтескье, чтобы систематически разработать четкую концепцию социальных явлений» [8, р. 20].

Влиятельный британский социолог Э. Гидденс отмечал: размышления Арона не подкреплены «системной критикой многих трудностей и двусмысленностей, присущих трудам различных социальных теоретиков, чьи работы им представлены» [9, р. 134]. Менее критично настроенные американские авторы скорее пытались объяснить его социологическую непопулярность, чем выяснить эвристичность социологического стиля, хотя и отмечали, что его концепция «планетарного века» предвосхищает многие недавние исследования о глобализации» [10, р. 95–98].

Основной упрек западных коллег Р. Арона состоит в том, что он не создал значимых социологических теорий. Однако сам ученый

ставил иную цель: Ш. Монтескье, О. Конт, К. Маркс, А. Токвиль, Э. Дюркгейм, В. Парето и М. Вебер интересовали его как «основоположники социологической доктрины», в рамках которой он выявлял способы внесения разумного порядка «в беспорядочное многообразие явлений» [7, с. 36]. Стремясь доказать необходимость распространения многофакторного подхода и на международные отношения, он выявлял их специфику, но и определял их как явления социального опыта. В этой связи Р. Арон подчеркивал важность контовой мысли, «что общества могут поддерживать свою связность только общими верованиями», имевшей значение для его тезиса об ошибочности введения в государстве «импортированных» представительных институтов¹.

В трудах А. Токвиля Р. Арон особенно выделил постановку вопроса об общественном порядке после революционного разрушения старых институтов. Его также заинтересовала концепция демократического общества. Найденное А. Токвилем определение демократического общества как «общества всеобщего наемного труда», в котором «нет профессий, которыми не занимаются ради денег»² он считал очень точным и актуальным.

Р. Арон указывал на диалектическую ценность целевых установок социальной революции, сформулированных К. Марксом; поддерживал «признание решающей роли государства», определяя его как «распорядительную централизованную машину», которую социалистическая революция должна разрушить; отмечал теоретическое стремление «свести политику с ее конфликтами к классовым отношениям и классовой борьбе»³.

Сталкивая социальные контексты Э. Дюркгейма, В. Парето и М. Вебера, живших в эпоху «спокойной Европы», Р. Арон обнаружил разные, по сути, общества и их социологические модели. Так, Э. Дюркгейм пришел к заключению о необходимости «создания морали, вдохновляемой научным духом». В. Парето, напротив, доказывал, что людей нельзя побудить к действиям с помощью рациональных соображений. Совсем по-другому представлял общественное развитие М. Вебер, акцентировавший неповторимость рационализма западной цивилизации.

Выявляя особенности каждой из шести привлеченных к анализу социологических доктрин, Р. Арон всякий раз приходит к выводу о необходимости плюралистического консенсуса, не делая видимой попытки обеспечить социологию основополагающим утверж-

¹ Там же. С. 276–277.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 293–295.

дением. Понятие многообразия случайностей и факторов становится ключевой эвристикой ароновской модели социологии международных отношений.

В его интерпретации наука о международных отношениях не может не признавать многочисленные связи, пронизывающие межгосударственные отношения, которые «несут в себе альтернативу войны и мира» [11, с. 55], тем самым, отрицая монополию какого-либо государства в мире. В работах Р. Арона еще нет термина полицентричный порядок, но его субъекты определены как *политические сообщества*, имеющие способность «навязать свою волю другим и способность не поддаваться такому навязыванию и парировать его»¹.

Именно это само собой сбывающееся предвидение заставляет критиков А. Арона выталкивать его на задворки социологической теории. Но «в дальнейшем международное теоретизирование требует обращение к Арону, совершившему политическое увольнение книги Ганса Моргентау как “вклада в продвижение теоретических знаний”, хотя и признававшего, что в ней содержится “политический анализ самого первого порядка”» [12, р. 339]. В этой оценке полувековой давности, сделанной Г. Киссинджером, возможно, под влиянием вьетнамской войны, звучит не только признание социологического метода Р. Арона, но и грядущих изменений.

Социология международных отношений: контуры специальной социологической теории

Иренология: методология социологического подхода

В 1960-х гг. норвежский социолог Й. Галтунг (1930) разработал и внедрил социологический подход к международным отношениям.

В предложенной им методологии мирного разрешения международных конфликтов (*иренология, социология мира*) актуализирована корреспонденция исходного момента «между личностными элементами на социальном уровне и национальными на международном уровне, и соответствие межличностного и международного взаимодействия» [13, с. 136].

Автор социологического изучения международных отношений выстраивает конструкцию, в которой элементы международной системы «находятся во взаимном соответствии и по этой причине уподобляются социальным структурам, взаимодействующим

¹ Там же. С. 135.

на национальном уровне». В его определении феномена *взаимодействие* оно представлено как деятельность, направленная не только на анализ поведения каких-либо объектов, но и на изучение неписаных законов, закрепленных в общественном сознании.

Опорным в методике социологического анализа и прогнозирования международного конфликта является математическая интерпретация понятия *изоморфизм* (др.-греч. ἴσος — равный, одинаковый, подобный и μορφή — форма).

Изоморфизм позволил перейти к исследованиям подобных элементов международной системы, в которую Й. Галтунг включил нации (государства) «и около 80 крупных образований».

Математическая наука определяет изоморфизм как тождественность структур объектов, характеризующихся симметричным отношением равенства, когда каждому элементу одной структуры соответствует лишь один элемент другой. Он играет важную роль в институциональной теории, сфокусированной на синтезированном понимании социальной среды.

Понятие изоморфизма включает организационные практики, которым следует определенное количество организаций и структур. Принцип изоморфизма обуславливает возможность замещения теорий и даже парадигм, что исключает системный анализ. В то же время изоморфные величины измеряются математическими методами, результаты которых получают поведенческую интерпретацию.

Ключевым в методологии Й. Галтунга является понятие *малая группа*. По мнению ученого, мягкая организация международной среды и показатель количества государств позволяет применять в аналитических целях понятия как «малые», так и «группы» для объективации взаимодействующих акторов. Для Й. Галтунга малые группы и международные системы являются изоморфными величинами. Извлекая из теории малых групп инструменты исследования объекта, он выдвинул шесть положений социологического рассмотрения феномена международных отношений:

- Социология — одна из двух опорных дисциплин ТМО.
- Социальные взаимодействия — формы деятельности.
- Международная система — социальная структура, элементы которой взаимодействуют на национальном уровне.
- Малые группы — элементы международной социальной структуры.
- Изоморфизм — инструмент прикладного анализа структурного взаимодействия в международных отношениях.
- Миростроительство — социальная деятельность.

В его методике исследования предложен специальный словарь соответствий. Например, индивид — нация, межличностное взаимодействие — международное взаимодействие. В его социологическом арсенале три модели взаимодействия:

— взаимодействие, устанавливающее формальные статусы (международные договоры);

— взаимодействие, выходящее за рамки формальных статусов (неправительственные объединения);

— взаимодействие, связанное с деятельностью отдельных людей (межличностные контакты).

Определить тип взаимодействия следует, выявляя постоянный остаток при замене людей в группе, а также зависимые от поведения отдельных людей. Деятельность каждого элемента моделей взаимодействия исчисляется с помощью четырех компонентов: национального, формального, неформального и личного, выраженных формулой $V=N+F+I+P$. Информация по компонентам N и F может быть получена из документов, а по двум другим компонентам I и P добывается из научной, биографической и мемуарной литературы.

Применение теории социальных групп к международным отношениям позволило сформулировать несколько выводов, касающихся внутренних процессов в международных группах, правил поведения их членов, взаимоотношений между лидерами и маргиналами, инфраструктурными компонентами взаимодействия.

Одним из наиболее значимых вкладов Й. Галтунга — его методика исследования международных конфликтов. В отличие от навязанного классическим реализмом вывода о естественном характере войн, их причину исследователь обнаруживает в структурном насилии, в зависимости между рангом и взаимодействием в межгосударственных отношениях, согласно которому, например, отчуждение и агрессия могут являться следствием рангового несоответствия.

Й. Галтунг подчеркивает, что основной причиной социальных конфликтов являются связанные между собой культурный, структурный и прямой (личный) виды насилия, свойственные социальным системам.

По мнению Й. Галтунга, наиболее эффективным способом решения структурных конфликтов, является регулярное изменение сети взаимодействий в социальной структуре. Экстраполируя свою гипотезу о причине конфликтов на международные отношения, ученый приходит к выводу, что наиболее действенным средством остановить войну является трансформация внутренних структур враждующих сторон.

Новизна галтунговского метода разрешения конфликта заключается в моделировании условий *позитивного мира* в противовес *негативному миру*, не исключающему повторения войны.

Операционализация теоретических знаний о международных отношениях — главное обстоятельство, обусловившее становление СМО как специальной социологической теории. В этом контексте социология международных отношений оправданно переместилась из сферы исследований международных конфликтов в предметное поле политической социологии.

Политическая социология международных отношений

В 90-е гг. XX в. социологическую интерпретацию международных отношений рельефно обозначил в своих работах Павел Афанасьевич Цыганков (МГУ). Одним из первых в России он проанализировал движение теоретической мысли от представления международных отношений как отношений между государствами к их пониманию как взаимодействия широкого круга акторов и агентов, выступающих субъектами и объектами международных отношений.

Практически до конца 80-х гг. прошлого века этот процесс не отличался динамичностью. Ситуация изменилась в 90-е, когда под натиском глобальных трансформаций «классическое» предметное поле теории международных отношений окончательно раскрошилось. Наступило время быстрого формирования социологии международных отношений как на Западе, так и в России.

Настаивая на необходимости социологического осмысления международных отношений, П.А. Цыганков обосновал автономность социологии международных отношений тремя тезисами:

- процесс социализации международных отношений как общий знаменатель их эволюции;
- преемственность с политологией, вытекающая из констатации того, что государства и межправительственные организации остаются на сегодня главными участниками международных отношений;
- теоретическая доминанта, позволяющая представить науку о международных отношениях как целостную и относительно автономную дисциплину.

В его трактовке, СМО наиболее близко примыкает к политической социологии и является преимущественно теоретической наукой междисциплинарного характера, исследующей любые социальные общности, взаимодействующие на мировой арене. Ее ос-

новая функция — систематизация и обобщение знаний о своем объекте, полученных другими науками о международных отношениях. Опираясь на данный подход, ученый включил в предметное поле своей модели:

— поведение специфических социальных общностей государств, межправительственных и неправительственных организаций, других участников международных отношений и их систем;

— взаимосвязи и взаимодействия социальных общностей за пределами их территориальных образований;

— социальные основы функционирования международных отношений;

— современное состояние глобальной международной общности.

Однако подъем новой — *глобальной формы человеческих взаимодействий* — актуализировал обновление подходов к феномену международных отношений, включая социологический.

Человеческое измерение международных отношений

В середине первого десятилетия «нулевых» годов в политических и научных кругах сложилось два полярных представления о грядущем миропорядке — порядок централизованного управления на основе глобальных норм и стандартов и полицентричный порядок, подразумевающий государство или группу государств, способных оказывать влияние на динамику международных отношений. При этом обе конструкции, сосуществуя с множеством неформальных сетей, не достигли баланса между международным правом и мировой политикой. Оценка *международной реальности* перестала обеспечиваться инструментами классических теорий международных отношений и системного анализа. Все более непродуктивными для практической работы и прогнозирования становятся наблюдения за поведением государств и международных организаций.

На этом фоне выявилась необходимость «исходить прежде всего из представлений о международных отношениях как человеческих отношениях», рассматривая их как «превращенную форму *межличностных отношений*» [14, с. 49].

Вместе с этим существенно изменилось представление об участвующих в международных отношениях социальных группах. Был выявлен феномен *внешнеполитического сознания*. Гносеологически, подчеркивает введший в научный оборот эту категорию Н.А. Косолапов (ИМЭМО), становление внешнеполитического со-

знания началось вместе с процессом формирования отношений между государствами [15]. Однако узкая социальная база (военный и дипломат) доглобальных международных отношений делала его невидимым.

В 80-е гг. западные социологи зафиксировали уникальную с социологической точки зрения характеристику будущей реальности: «общество перестает единицей общего анализа». В конце XX в. ключевыми характеристиками международной реальности стали *транзисторность* и *процессуальность*. В современных оценках доминирует категория *неопределенность*, не имеющая эмпирического основания и адекватного теоретического объяснения.

Однако нельзя не заметить, что большинство изменений международной среды происходит под влиянием движения человеческих групп и потоков, активность которых становится чувствительной в трансграничных пересечениях интеграционных и дезинтеграционных процессов. По сути, трансграничные эффекты усилили тенденцию признания влияния человеческого фактора на все пространство международных отношений, обусловив необходимость учета *особенных* переменных человеческой активности, возникающих при пересечении национальной границы¹.

Отмеченные особенности указывают *объектом СМО формальные и неформальные социальные общности (коллективы, группы, потоки), действующие через политические границы.*

Попытки ввести человеческое измерение в анализ международных отношений предпринимались социологами. Одним из первых это сделал американский психолог и социолог Р. Бейлс, разрабатывая эмпирические нормы исследований динамики групп. Его доводы основывались на результатах исследований, синтезированных в логик-теории (logic theory machine), соединившей инструменты экспериментальной психологии человека, теоретической лингвистики и компьютерного моделирования. По мысли ученого, кибернетика сделала возможным создание математического «организма поведения» [16, 338] и управляющих им приложений. Парадокс заключается в том, что математическое моделирование группового поведения сделало необходимыми примене-

¹ См.: Каримова А.Б. Латентные функции международных образовательных рейтингов // Социологические исследования. №6. 2016. С. 110–120; Эпоха услуг в образовании: прогноз Д. Белла / Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГУ, 2016. С. 299–309; Постсоветский дизайн человеческой мобильности // Мировая экономика и международные отношения, 2017. Том 61, №8. С. 85–95; Шелковский путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика и геополитика, 2017. №2. С. 108–118; Трансрегиональное «сечение» международных отношений / «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016) В 5 т. Т.2: Россия и современный мир: политика и безопасность Ч. 1 / под общей редакцией А.В. Мальгина. МГИМО-Университет, 2017. С. 326–336 и др.

ние социологических наблюдений за человеческой деятельностью в дисциплинах, изучающих международную среду. Тем самым человеческое измерение международных отношений привело к открытию превосходства реально-виртуального человекомерного пространства над форматами теории международных отношений.

В концептуальной работе о сложившемся корпусе социологии малых групп американский социолог Т. Миллз интерпретировал население земного шара, насчитывавшего в то время (1960-е гг.) 3,5 млрд человек, через малые группы. По его расчетам, общее количество групп могло бы насчитывать 4–5 миллиардов, «опережая по количеству и число обществ, и число людей, которые когда-либо жили и которые когда-либо будут жить на Земле» [17, с. 82–83].

С позиций современных теоретических представлений о межличностных коммуникациях в идее Т. Миллза содержатся начатки сетевой теории. К сожалению, дальнейшей интерпретации эта эвристически полезная для обновления социологического подхода к международным процессам идея не получила. Но ее архитектура позволяет выделить уникальные качества описываемой группы — способность переходить из одного пространства в другое; передвигаться во времени, размещаться в разных территориальных, социальных и культурных контекстах; распознавать и исследовать трансграничные связи, вносить будущее в «щели настоящего». К этой категории, например, относятся мигранты, чья повседневная жизнь сильно зависит от контактов по обе стороны границы. Эмпирическую реальность этих социальных групп ежедневно подтверждают СМИ.

Иными словами, *трансграничные связи отвечивают человеческое измерение масштабного сдвига реальности настоящей к реальности будущей*, проводниками которой являются переходные группы.

Переходная группа — измеряемый элемент любых человеческих потоков (миграционных, туристических, образовательных и пр.), «переливающая» международный контекст во внутреннее пространство и играющая исключительную роль в транснациональных, трансграничных и трансрегиональных процессах, возбужденных глобальной конкуренцией за жизненные ресурсы — человеческий капитал и землю.

Интерпретация трансграничных связей обеспечивает отбор и анализ основных индикаторов внешних связей на микро- (между небольшими городами, поселениями, районами приграничных государств), мезо- (между регионами, анклавами и эксклавами сопредельных государств) и макроуровне (транспортная логистика,

экономические, социальные и культурные связи). Поэтому *трансграничные связи* как таковые могут быть определены как пространственная проекция международных связей, осуществляемых на многосторонней и двусторонней основе между государствами или субъектами государств, качество которых зависит от соотношения контактной и барьерной функций политической границы.

В региональном рельефе, придающем аналитический и интерпретативный смыслы глобальному полю — происходит превращение трансграничных связей во всеобщий вид международных отношений вовлеченных в них стран и внутренних «социально-территориальных комплексов» (*термин Н. А. Косолапова — А. К.*).

Учитывая функциональные качества описываемых понятий, сочетающих деятельностный и поведенческий подходы, предметом социологии международных отношений является *зафиксированная общественным сознанием, соглашениями или иными формами взаимодействия совокупность существенных трансграничных связей.*

Предлагаемое определение учитывает фундаментальные категории места, пространства и движения, подчеркивает через трансграничность доминантную специфику современных международных отношений, вводит через человеческое измерение эмпирический уровень социологического анализа; позволяет учитывать параметры инклюзивного развития [18], индикаторами которого среди прочего являются социальная сплоченность и интеграция.

В целом результаты дискурсивного анализа показывают, что СМО прочно встала на плечи социологической методологии и развивает ее как специальная теория, стремясь ответить на «*инновационные вызовы* существующему порядку, выражающиеся в стремлении что-то изменить к лучшему» [19, с. 24].

Библиографический список

1. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. М.: Nota Bene, 2000.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1993.
3. Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
4. Бейлс Р. Теория и исследования малых групп / Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века / Сокр. перевод с англ. / Общая ред. и предисловие проф. Г.В. Осипова. М.: Издательство «Прогресс», 1965. С 323–339.

5. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1998.
6. Галтунг Й. Теория малых групп и теория международных отношений (Исследование проблемы соответствия) / Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 135–146.
7. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности, вызовы безопасности: монография / [С.А. Кравченко, Н.Н. Зарубина, А.И. Подберезкин и др.]; под общей редакцией С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. 274 с.
8. Каримова А. Инклюзивный девелопмент: концепция сдвига // Россия и новые государства Евразии, 2018, № 2, сс. 130–153. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-2-130-153
9. Ключников Ю.В. На великом историческом перепутье / Сост. О. А. Воробьев. 3-е изд. М.: Вузовская книга, 2017.
10. Ковалевский М.М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика / Социология в России XIX-начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет Бизнеса и Управления, 1997. С. 15–39.
11. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность / Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Гл. 10. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 207–222.
12. Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой. 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
13. Миллз Т. Социология малых групп / Американская социология сегодня. Перспективы, Проблемы. Методы / Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского / Ред. и вступ. статья доктора философских наук Г.В. Осипова. М.: Издательство «Прогресс». С. 82–92.
14. Baehr P. British Sociology and Raymond Aron. / *Sociological Amnesia: Cross-Currents in Disciplinary History*, Chapter: 2, 2015. Publisher: Ashgate, Editors: Alex Law and Eric Royal Lybeck. pp. 17–36.
15. Baehr P. Special Issue on the Thought and Legacy of Raymond Aron // *Journal of Classic Sociology*. May 23, 2011; pp. 95–98.
16. Frost B.-P. Raymond Aron's Peace and War, Thirty Years Later // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. Т., Vol. 2, 1996, Jun 1, 1996; pp. 339–361.
17. Giddens A. Recent Works on the History of Social Thought // *European Journal of Sociology*. Vol. 11. May 1970. 130–142.
18. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications, 1992.
19. Suganami H. A Note on the Origin of the Word «International» // *British Journal of International Studies*. 1978, vol. 4, n. 3. P. 226. P. 226–232.

**Рыбаковский О.Л.,
Кожевникова Н.И.,
Таюнова О.А.**

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

TO THE QUESTION OF THE STRATEGY OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
AND THE CONCEPT OF DEMOGRAPHIC POLICY OF RUSSIA

Рыбаковский Олег Леонидович, д. э. н., зав. отделом демографии, ФГБУН Институт Социально-Экономических Проблем Народонаселения РАН; гл. науч. сотр-к ФГБУН Институт социально-политических исследований РАН, 1246185@mail.ru

Таюнова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики, государственного и муниципального управления Самарского государственного экономического университета, tayunova_olga@mail.ru

Кожевникова Наталия Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии ФГБУН Институт социально-политических исследований РАН, dema1@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость управления демографическими процессами в современной России и разработки в этой связи корректных документов политического планирования. К этим документам относятся стратегия демографического развития и концепция демографической политики. Первый документ так до сих пор не разработан. Лишь в научных публикациях обсуждаются его принципиальные моменты. Концепция демографической политики, напротив, работает, но имеет недостатки. В статье предпринимается попытка устранить эти недостатки и привязать концепцию к стратегии демографического развития. Формулируется цель стратегии демографического развития России. Она состоит в обеспечении, в первую очередь, за счет воспроизводственной компоненты, во вторую очередь, за счет миграционной компоненты, восходящей динамики населения, необходимой для неуклонного наращивания социально-экономической и оборонной мощи РФ.

Abstract. The article substantiates the need for population management in modern Russia and the development in this connection, the correct policy planning documents. These instruments include the demographic development strategy and the concept of demographic policy. The first document is still not developed. Only scientific publications discuss its fundamental aspects. The concept of demographic policy, by contrast,

works, but has flaws. The article attempts to address these shortcomings and bind the concept of demographic development strategy. The aim of the strategy is formulated in the demographic development of Russia. It is to ensure, primarily at the expense of reproductive components, secondarily, through the migration components of population dynamics, necessary for the steady build-up of socio-economic and defense strength of the Russian Federation.

Ключевые слова: демографическое развитие; политическое демографическое планирование; стратегия демографического развития; концепция демографической политики; цели, принципы, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области

Key words: demographic development; political population planning; demographic development strategy; the concept of population policy; objectives, principles, tasks and basic policies of the Russian Federation in the field of population.

Введение

Конкретная демографическая ситуация, ее тенденции и перспективы обуславливают определенный характер и целевую направленность демографической политики, которую вследствие этих обстоятельств нельзя рассматривать в отрыве от анализа динамики численности, структуры и расселения населения.

Демографическое развитие в современных условиях

Спонтанное демографическое развитие в условиях суженного режима воспроизводства населения и открытости межгосударственных и межрегиональных границ для миграции населения может привести к негативным последствиям во всех сферах жизнедеятельности общества. Если демографическим развитием не управлять или на него не воздействовать косвенно, то оно начинает протекать лишь под влиянием детерминирующих его, в первую очередь, экономических факторов. Если экономика страны рыночная, то и демографическое развитие происходит в рыночном русле. Это значит, что миграция устремляется лишь в те места, где есть ощутимые различия в «прибыли» — уровне жизни, доходах. Дети становятся экономически невыгодными, и рождаемость падает до минимальных потребностей женщин или семей. Смертность у большей части населения, которая в рыночных условиях имеет относительно низкие и сверхнизкие доходы, — растет либо снижается гораздо меньшими темпами, чем у более обеспеченных слоев общества. Достаточно привести пример 1990-х гг., когда фактически в условиях попустительства

властей в России резко упала интенсивность рождаемости, выросла смертность, миграционные потоки перечеркнули всю предшествующую историю целенаправленного освоения территории страны и оставили за рубежом более 30 млн. соотечественников «по крови». И лишь 15 лет спустя Российское государство озабочилось их возвращением.

Демографическим развитием в современных условиях необходимо постоянно управлять, напрямую и косвенно, воздействуя непосредственно на демографические явления и процессы, либо опосредованно — на их наиболее существенные факторы, а также на сознание и поведение людей.

Как говорил один из персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», «для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок». Этот план в советское время закладывался в «очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, основные направления развития народного хозяйства» на ближайшие пять лет (XXV съезд КПСС); или в «основные направления экономического и социального развития» на 5 лет и на перспективу — на 15 лет (XXVII съезд КПСС). В постсоветское время после десятилетия управленческого бездействия (1990-х гг.) на смену партийным документам пятилетнего планирования пришли различные правительственные документы с новыми и не совсем привычными для советского времени названиями, такими как стратегия развития и концепция политики. Ранее, до конца 1990-х гг. термины в таком сочетании совместно и не применялись, встречались лишь по отдельности. Была, например, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, либо стратегия каких-либо действий, но не демографического развития.

Составители политических государственных документов в постсоветское время вначале достаточно долго не совсем корректно использовали эти словосочетания, меняли слова. Были, к примеру, в РФ. «Концепция демографического развития на период до 2015 года», разработанная на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г.; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). Эта путаница сохранилась до сих пор, но уже, правда, не в названиях документов, а в их структуре и содержании.

Понятие «стратегия» и «концепция»

Разъяснению сущности и корректности использования понятий, относящихся к политическому демографическому планированию, способствовали публикации известного российского демографа Л.Л. Рыбаковского (напр., [1]), который также содействовал их активному распространению в федеральных и региональных программах демографического развития.

Согласно определениям, широко распространенным во многих словарях, а также в статье Л.Л. Рыбаковского, стратегия — это общий (без деталей) план действий или способ достижения сложной цели — в определенной сфере деятельности на длительный период времени. Таким образом, стратегия является долгосрочным документом планирования, не имеющим конкретных количественных ориентиров и задач, но включающим основную цель (или несколько целей) и способы, пути её (их) достижения.

Выбор стратегии развития для любой сферы деятельности общества обусловлен фундаментальными интересами государства, внутренними и внешними. Под стратегией также понимается «долгосрочное качественное определенное направление развития, выбранное направление деятельности, функционирование, в рамках которого должно привести к достижению стоящих целей, или по другому — это избираемый и поддерживаемый вектор и характер развития на исторически длительный период» [2].

Таким образом, стратегия это план, вектор, маяк для реализации государственных интересов в одном из направлений развития на длительный период времени.

Стратегия демографического развития, или демографическая стратегия, если опираться на данное определение, — общий долгосрочный план демографического развития, наиболее принципиальные установки, направления демографического развития, а также способы, пути достижения основных целей этого развития.

Еще более многогранное понятие, чем стратегия, — концепция — пришло из латыни, где «con-» — приставка, обозначающая обычно связь, соединение, а «septio» — восприятие. Перевод дословно звучит как «связанное целостное восприятие» какого-либо сложного явления либо процесса. Представляет собой совокупность взглядов, то или иное понимание, единый определяющий замысел, ведущую мысль какой-либо сложной жизнедеятельности либо общественного явления. Концепция это также «определённый способ понимания и трактовки явлений, основная точка зрения, руководящая идея, теоретическое построение, конструктив-

ный принцип различных видов деятельности, комплекс способов достижения целей, система путей решения выбранной задачи» [2]. Не совсем понятно, каким образом авторы из данного определения делают далее вывод, что «концепция — это ситуационный замысел, обосновывающий необходимый комплекс способов реализации в данный отрезок времени общей стратегической цели» [2]. Такой вывод сам по себе напрашивается не из контекста определений стратегии и концепции, а из применительной практики, т. е. из близости использования в данном случае понятий концепция и тактика.

Дело в том, что понятия стратегия и концепция исторически, по происхождению не были ранее связаны. Термин «стратегия» пришел из древнегреческого языка, а термин концепция — из латыни. Первый исходно относился к военному делу, второй — к философии и Римскому праву. Вследствие чего для стратегии ближе и роднее понятие «тактика», также древнегреческое, чем «концепция». В военном деле стратегия — основная цель и путь ее достижения, а тактика — промежуточные задачи, теория и практика подготовки и ведения отдельного сражения. При формировании демографических документов подмена явно военного понятия «тактика» философским понятием «концепция», на наш взгляд, была произведена не совсем равнозначно, ибо синонимами они не являются. Но, как говорится, за неимением лучшего пользуются тем, что есть. Вследствие этого и, по всей видимости, из-за некоторой любви к красивым и малопонятным для многих иностранным словам, сблизилась в русском языке слово латинского происхождения «концепция» с древнегреческим термином «стратегия» в терминологии государственного демографического планирования.

Рассматривая концепцию «в русле понятия стратегия», её можно считать тактической составляющей последней. При таком понимании этих терминов и их трактовок можно полагать, что концепция носит ситуационный замысел и привязана к тому или иному отрезку времени.

Стратегия это тот вектор, в ключе которого формируется и концепция политики, и сама политика. Можно ли стратегию называть долговременной политикой? Лишь отчасти, поскольку политика предполагает конкретные меры на конкретный период времени, она должна быть достаточно гибкой, зависеть от обстоятельств, от факторов постоянно меняющейся действительности. Стратегия же полагается на некоторые маяки развития, но отнюдь не предполагает выработку конкретных мер. Естественно, что стратегия политически обоснована. Но, тем не менее, рассматривать её лишь как политику в чистом виде не совсем корректно.

Демографическая стратегия включает в себя основные цели или одну основную цель на необозримо длительный период времени. Но это не значит, что она бессрочна. Например, можно предположить, что наступит время, когда и в России будет перенаселение. Тогда стратегическая цель демографического развития — «неуклонный рост численности населения» — будет изменена.

Характер взаимодействия тактики и стратегии, в данном случае концепции демографической политики со стратегией демографического развития, обуславливается текущей демографической ситуацией в стране и её тенденциями. Политика является инструментом реализации стратегии по каждому отдельному тактическому периоду времени. Политика включает концептуально обоснованные меры, применяемые на определенный период. Этот период в демографии имеет предел — он, как правило, ограничен продолжительностью статистического прогноза, рассчитанного, прежде всего, с помощью метода передвижки возрастов, т. е. 25–30-тью годами. Концепция политики это совокупность направлений, целей, основных задач и приоритетов в той или иной области на определенный этап, период времени. Она имеет конкретные количественные ориентиры, по достижению которых исчерпывает себя. И тогда разрабатывается новая концепция.

Если не быть категоричным, то можно допустить, что и стратегия, и концепция как некий общий замысел — синонимичные понятия, поскольку они представляют собой некое представление о пути достижения цели сложного общественного явления или процесса. Стратегия — это путь, способ достижения цели, а концепция это общий замысел пути, способа достижения этой цели. Отличие состоит в том что, когда речь идет о политике как о способах достижения цели, то сразу возникает привязка к конкретному периоду времени и к конкретному набору задач. Поэтому концепция политики также привязана ко времени, как и сама политика.

Л.Л. Рыбаковский иногда совмещает в своих работах два понятия, стратегия и концепция, используя одно из них для обозначения другого. Например, «концепция — это некий подход, стратегический замысел, это — то поле, в параметрах которого только и должны реализоваться соответствующие государственные проекты» [3].

Концепция и стратегия демографической политики Российской Федерации

Таким образом, концепция демографической политики представляет собой совокупность направлений, целей, основных задач

и приоритетов в демографической сфере на определенный этап, период времени. В Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, разработанной на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г., она определялась как система «взглядов, принципов и приоритетов в сфере регулирования демографических процессов». Позже, в Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351, добавили еще и задачи: в концепции «определяются цели, принципы, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области народонаселения».

Стратегия демографического развития для современной России состоит в обеспечении, в первую очередь, за счет воспроизводственной компоненты, во вторую очередь, за счет миграционной компоненты, «восходящей динамики населения, необходимой для неуклонного наращивания социально-экономической и оборонной мощи государства, устойчивого повышения уровня заселенности страны» [2]. Обеспечение восходящей динамики населения России, как за счет естественного прироста, так и за счёт миграционного прироста, не должно идти врознь с «рационализацией структуры размещения постоянного населения по территории РФ с учетом ее национальных интересов» [4]. Следствием достижения (приближения к) основной цели являются: неуклонное наращивание социально-экономической и оборонной мощи государства, устойчивое повышение уровня заселенности страны.

Обеспечение восходящей динамики населения России — это необходимое и практически обязательное условие для достижения более общей цели Российского государства. Такая цель — выжить в современных рыночных «джунглях». В них, как по Дарвину, так и по Марксу, — выживают лишь сильнейшие. Мелкие, слабые, стоящие на месте, — вымирают в прямом или в переносном смысле, попадают в экономическую и политическую зависимость и т. п. Примеры: вымирающие естественным и миграционным путем страны Восточной Европы; нефтегазоносные страны Африки, Азии и Южной Америки, поверженные в хаос носителями демократии.

Заключение

Уязвимость государств напрямую зависит от размеров их экономического, военного потенциала и численности населения. Чем многолюднее государство, тем у него больше политический

вес, больше исходных условий для того, чтобы стать самодостаточным, противостоять любым внешним вызовам, отстаивать свои национальные интересы, проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Никто в современном мире не может диктовать свою политику таким крупнейшим и быстроразвивающимся государствам с полутора миллиардным населением как Китай или Индия, — нет таких «хищников», которые бы осмелились рассматривать их сейчас в качестве «добычи».

Только при устойчивом возрастании демографического потенциала РФ сможет эффективно использовать свои естественные преимущества — крупнейшую в мире по площади территорию, богатую природными ресурсами, выгодное географическое положение с выходами в мировой океан, связывающее Азию с Европой. «Благодаря этим преимуществам Россия сможет остаться самодостаточным государством, способным не только создать комфортные условия жизни своему населению, но и оградить его от внешних угроз и посягательств на её территорию» [2]. Последнее — возможный результат не только успешного демографического развития, но и научно-технического, экономического, военного-технического развития России.

Успешное демографическое развитие является необходимым условием, стержневой компонентой всего развития России, движения её по пути к сохранению самостоятельности, самодостаточности и к процветанию. Сохранение таким путём России как самостоятельного государства — необходимое условие для сохранения от вымирания российских наций, их многообразия и самобытности. Со слабой демографией не может быть сильной России.

Успешное демографическое развитие необходимо для того, чтобы России выжить в сложных современных ухудшающихся условиях из-за перенаселенности населения отдельных частей земли, сокращения запасов природных ресурсов, агрессивности политики развитых капиталистических стран, ищущих дополнительные источники сырья на территории всей земли. Внешние условия, внешнее окружение, социально-экономическая и политическая ситуация в современном мире всё в большей степени усложняется и ухудшается, особенно на границах с РФ.

К примеру, плотность населения в северных регионах Китая, граничащих с Россией, в десятки раз превышает аналогичную плотность населения на Российской территории. Высокий уровень безработицы и нехватка земли выталкивает китайских граждан в поисках любой работы, любых средств существования на смежную малозаселенную территорию юга Дальнего Востока и Забай-

калья. Земельные угодья через совместные предприятия скупаются китайскими предпринимателями, нелегально вырубается и вывозится в Китай российский лес. Рабочие места сферы обслуживания и сельского хозяйства, связанные с физическим трудом, заполняются китайскими трудовыми мигрантами. Если эти тенденции не изменятся, то с южными районами Дальнего Востока и Забайкалья может произойти то же самое, что произошло в свое время с Макао.

Дальний Восток, особенно, его южный сектор, должен быть полностью освоен и в связи с этой освоенностью заселен. Уровень заселенности должен быть достаточным для решения социально-экономических и оборонных задач, для импортнезависимого существования. Территории, пригодные для освоения, должны быть полностью освоены россиянами либо соотечественниками-переселенцами, т. е. при «одновременном использовании, как внутренней, прежде всего, межрегиональной миграции, так и иммиграции из-за рубежа» [4]. Более того, демографическое возрождение Дальнего Востока должно идти не только миграционно, но и воспроизводственно. Нужны «опережающие льготы в сфере рождаемости, как это, например, было в 1981 г. в СССР» [5].

Библиографический список

1. Рыбаковский Л. Л. Концепция демографической политики: (Методологические вопросы) / РАН, Ин-т соц.-полит. исслед. — М.: ИСПИ, 2002.
2. Рыбаковский Л.Л., Хасаев Г.Р. Стратегия демографического развития России, понятие и содержание // Народонаселение. М. № 2 (68). 2015. Сс. 52–63.
3. Демография для практических работников / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — М.: Экон-информ. 2014.
4. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Цели стратегии миграционного развития России // Народонаселение. 2018. № 1. Сс 22–33.
5. Постановление ЦК КПСС, СОВМИНА СССР от 22.01.1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=14785>

Григорьев Н.Ю.,
Родюков Э.Б.

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

MODERN TERRORISM AS SOCIAL PHENOMENON

Григорьев Николай Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, Высшая школа печати и медиаиндустрии, ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», г. Москва, nugrig@mail.ru

Родюков Эдуард Борисович — кандидат социологических наук, член-корреспондент Академии военных наук РФ, член союза писателей России, полковник, г. Москва, groro@mail.ru

Grigoryev Nikolay, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Higher School of Press and Media Industry, FGBOU VO «Moscow Polytechnic University», Moscow, nugrig@mail.ru

Rodyukov Eduard, Candidate of Sociological Sciences, member correspondent of academy of soldiery sciences of RF, member of union of writers of Russia, colonel, Moscow, groro@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических основ современного терроризма как социального явления. Терроризм в последнее десятилетие превратился в одну из глобальных проблем современности, дестабилизирующих обстановку в России и за рубежом. Полное искоренение терроризма, как и преступления против человечества вообще, вряд ли достижимо, поскольку существует основной объект покушения террористов — власть и возможность влиять на нее в интересах определенных сил. Но это не означает, что мы должны придерживаться политики ожидания и надеяться, что терроризм исчезнет сам по себе. Речь идет о возможности минимизировать данную проблему.

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical foundations of modern terrorism as a social phenomenon. Terrorism in the last decade has turned into one of the global problems of our time, destabilizing the situation in Russia and abroad. The complete eradication of terrorism, like crimes against humanity in general, is hardly attainable, since there is the main object of terrorist assassination — power and the ability to influence it in the interests of certain forces. But this does not mean that we must adhere to the policy of expectation and hope that terrorism will disappear by itself. We are talking about the possibility to minimize this problem.

Ключевые слова: терроризм, террористическая угроза, методы терроризма, структурные компоненты террористической деятельности, противодействие терроризму, классификация современного терроризма.

Key words: terrorism, terrorist threat, methods of terrorism, structural components of terrorist activity, counteraction to terrorism, classification of modern terrorism.

В последние годы происходит эскалация террористической деятельности. При этом расширяются ее масштабы, усложняется характер, возрастают численность и изощренность терактов, становятся более разнообразными их формы, объекты и цели.

Сейчас в мире по подсчетам специалистов действуют более 500 террористических организаций и групп экстремистской направленности. За последние 10 лет ими совершено более 6 тысяч актов терроризма, в результате которых погибли и получили ранения около 25 тысяч человек [1, с. 325]. География терроризма расширяется, и он начал распространяться по всем континентам, появляясь на территориях, которые ранее отличались внутривнутриполитической стабильностью. Масштабы этой угрозы настолько велики и реальны, что даже риск потенциальных войн, к отошел в массовом сознании на второй план по сравнению с ожиданием новых террористических актов.

Это явление, известное в течение веков, только во второй половине XX в. стало существенным элементом международной напряженности и угрозой для международной безопасности. Современный терроризм выходит за рамки отдельных государств. Жертвой терроризма может стать каждый без учета гражданства, политических взглядов, вероисповедания и цвета кожи.

Термин «террор» впервые был употреблен Титом Ливием в 1 веке н. э. Однако появление терроризма в общественной жизни наиболее часто связывают с периодом великой французской революции.

Словарь иностранных слов толкует понятие террор как политику устрашения, подавления политических противников насильственными методами [4, с. 485].

Российский энциклопедический словарь дает следующее определение этого понятия: насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников. Убийства и др.) с целью устранения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения [5, с. 485].

Характерная особенность современного терроризма — количественный рост преступлений на фоне циничности и жестокости их исполнения. Жертвами террористов чаще всего становятся люди, не имеющие отношения к конкретным политическим событиям. Определяющую роль для террористов играет такой фактор, как обесценивание человеческой жизни в сознании людей, участвующих в войнах и вооруженных конфликтах. Тревожным симптомом

повышения опасности терроризма стало обращение террористов к нетрадиционным средствам насильственного воздействия на значительные сосредоточения людей. Распространяется тенденция изменения целевых установок террористов — совершение террористических актов, не сопровождаемых выдвижением политических требований, ответственности за совершенное преступления. Задача террористов — нанести возможно больший ущерб, не считаясь с человеческими жертвами, посеять панику в обществе, вызвать у людей неверие в способность властей контролировать ситуацию, нарушить спокойную и безопасную жизнь граждан.

Для понимания проблемы терроризма как социального явления нужно знать, что терроризм является самостоятельным социальным институтом, имеет определенную структуру и методы проявления, а также специфику его восприятия и ответные действия со стороны общества и государства в целом.

В понятие терроризма как социального явления входят несколько элементов:

- социальные или политические цели;
- терроризм как социальный институт;
- субъекты террористических действий: отдельные индивиды, террористические организации, государственные органы;
- объекты, к которым применяется террористическое насилие: жертвы, не имеющие к террористическим действиям и их целям никакого отношения и/или материальные ценности, имущество, производственные сооружения и т. п.;
- объекты, на которые оказывается давление с применением средств террора: правительственные или государственные органы, политические деятели или организации, а также отдельные индивиды или массовая аудитория через которых (опосредованно) террористы воздействуют на властные структуры, создавая у всех ощущение опасности;
- непосредственные террористические действия: угрозы, требования от соответствующих структур выполнения каких-либо условий, акты насилия, захват, разрушение или уничтожение объектов, материальных ценностей и т. п. На фоне международных отношений терроризм в основном оказывает влияние на политическую, социальную и военную сферы жизнедеятельности общества.

В политической сфере это проявляется в: давлении и оказании влияния на политических лидеров государств или отдельных их регионов вплоть до физического устранения; принятии военно-политических решений, направленных на удовлетворение требований террористов;

В социальной сфере:

- повышение социальной напряженности в обществе или ее доведение до критического состояния;
- формирование общественного мнения, направленного на не доверие к государственной власти и ее лидерам;
- вселение страха в широкие слои общества; основными жертвами терроризма являются рядовые граждане.

В военной сфере:

- в физическом уничтожении военнослужащих;
- попытки и уничтожение военных объектов;
- использование террористами военного оружия и методов ведения боевых действий;
- применение принципов военной организации в формировании своих подразделений и учебных центров.

Так проявляется терроризм в социальной, политической и военной сферах.

Для получения первичной объективной информации о проблемах терроризма было проведено пилотажное исследование в Московской области. Генеральная совокупность формировалась из общего числа студентов подмосковных ВУЗов. Формирование выборочной совокупности основано на случайном бесповторном пропорциональном отборе, поскольку генеральная совокупность по своим качествам, показателям и признакам однородна. Случайный отбор обеспечивает собственно случайность и непреднамеренность попадания требуемого количества единиц совокупности в выборку. Бесповторный отбор предполагает условия, при которых имеется абсолютная гарантия что одна и та же единица совокупности дважды в выборку не попадет. Пропорциональный отбор создает такие условия, когда единицы совокупности попадают в выборку в такой же пропорции, как в генеральной совокупности. Случайный, бесповторный и пропорциональный отбор делает выборку более представительной, репрезентативной, а результаты точными. Всего было опрошено 317 респондентов. Результаты показывают, что студенческая молодежь не совсем вникает в проблематику такой глобальной проблемы, как терроризм. Под термином терроризм, респонденты понимают: — захват заложников, взрывы домов, насильственную смерть (63%); — это глобальная проблема современности (22%); — это просто раздутая СМИ проблема (12%).

Таким образом, молодежь имеет представление о том, что такое терроризм и каковы его социальные последствия и только небольшая часть опрошенных (3%), затруднились ответить на вопрос о том, чем для них является термин «терроризм». Тем не менее,

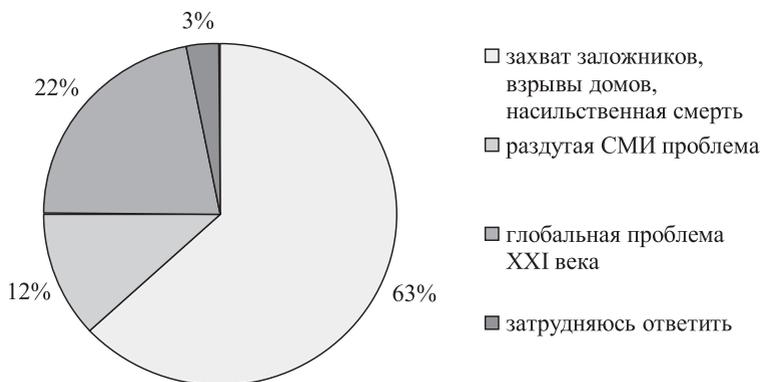

Диаграмма № 1. Отношение респондентов к понятию терроризм

более 80% респондентов знают, что терроризм представляет сегодня реальную угрозу для них лично, а также для родственников. Около 17% опрошенных такой угрозы не видят и считают, что силовые структуры российского государства смогут их защитить.

Большая часть опрошенных (80%) уверены, что современный терроризм реально угрожает их жизни и жизни их близких, но около 17% считают, что такой угрозы нет. И такая уверенность существует благодаря активной деятельности органов государственной власти России по противодействию терроризму. Велико здесь и влияние средств массовой информации. В особенности респонденты отметили роль телевизионных программ об актах терроризма во всем мире. Так большая часть опрошенных (61%) считает, что за последние 10 лет усилилось влияние на аудиторию телеви-

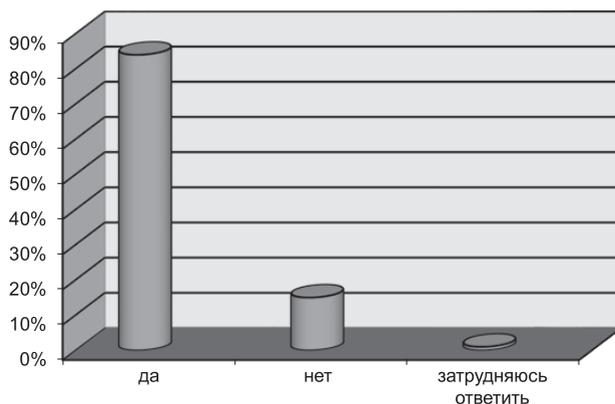

Диаграмма № 2. Представления респондентов о реальной угрозе жизни современного терроризма

сионных программ, где исследуются проблемы террористической направленности. Только 20% считает, что внимание к терроризму на телевизионных каналах осталось прежним, но были и те, кто этими вопросами не интересуется совсем (11%). Половина респондентов (51%) считают, в ежедневных новостных каналах по телевизору имеется достаточно информации о различных актах террористической угрозы. Все возможные меры, проводимые органами государственной власти для предотвращения актов терроризма, способствуют тому, что граждане России, в том числе и молодежь, стали более внимательно относиться к собственной безопасности. Почти 73% респондентов обращают внимание на подозрительные предметы в общественных местах. Около 25% считают, что этим должны заниматься компетентные органы государства, причем из всех опрошенных только 46% доверяют деятельности правоохранительных органов связанной с предупреждением террористической угрозы. При этом, у 2–3% молодежи наблюдается полная отстраненность от всех проблем, связанных с терроризмом. Толерантные отношения в современном российском обществе среди молодежи еще не так актуальны, как в Европе и США. У 73% респондентов появляется настороженность при виде подозрительных лиц, с которыми может ассоциироваться образ террориста. И только, 24% опрошенных спокойно ведут себя в любой ситуации, хотя в их жизни не было случаев, которые могли быть названы как — «террористическая опасность». При этом у 3% респондентов никакой настороженности нет и они, кроме своего близкого окружения

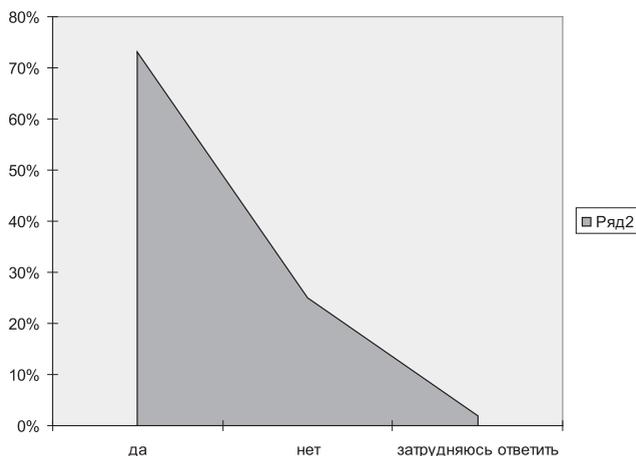

Диаграмма № 3. Внимание молодежи на подозрительные предметы (одиноко стоящие сумки, пакеты, коробки) в общественных местах?

ни на кого внимания не обращают. Данная категория по наивности считает, что их эта проблема «обойдет стороной».

У современной российской молодежи проблема антитеррористической безопасности занимает приоритетное значение (у 33% респондентов), но не единственной. Так, опрошенными были определены такие важные деструктивные явления, которые их беспокоят и требуют скорейшего разрешения: — наркомания (22%); — истощение природных ресурсов (19%); — алкоголизм в молодежной среде (12%); — заболевание СПИДом (9%); — ухудшение экологической ситуации (5%).

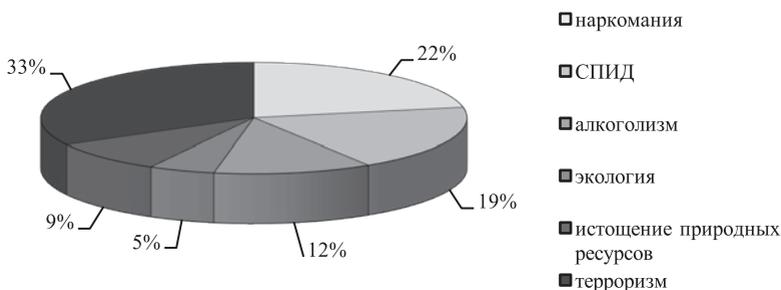

Диаграмма №4. Проблемы, волнующие современную российскую молодежь

Аналогичные исследования были проведены ранее. В 2015 году Майнуловой О.В. было проведено пилотное исследования рефлексии у студентов от 16 до 25 лет в количестве 200 человек (в равном количестве девушки и юноши), выходцев Северного Кавказа, Закавказья, Адыгеи, Ставропольского, Краснодарского краев, Ростовской области, в том числе приграничных украинских территорий, еще до начала военных действий [2, с. 46]. С целью создания условий для индивидуального развития рефлексивного потенциала личности, изучение собственного поведения в фрустрирующей ситуации угрозы террористического акта или проявления экстремизма, также с целью выявления культурных и мифологических стереотипов и установок, характерных для субъектов — участников рефлексивной игры, относящихся к разным общественным и молодежным организациям, органам власти, студентам.

Были получены следующие результаты, свидетельствующие о том, что доминирующим типом реакции студенческой молодежи на вовлечение в экстремистскую группировку, проявление экстремизма и угрозы террористического акта являются: реакции самозащиты с направленностью на источник фрустрации (в 40% случаев), фиксация в виде переживания на источнике фрустрации

(в 35% случаев, реакция, свойственная в основном девушкам), и в 25% случаев реакции распределились между самозащитой с принятием на себя ответственности за разрешение возникшей ситуации (15% — юноши) и надеждой на то, что ситуацию должны разрешить компетентные органы полиции, МЧС, спецназа и т. д. (10% случаев) [2, с. 50].

Таким образом, о терроризме, в том числе и прежде всего в России, знают все слои общества. И особенно молодежь понимает, что это одна из самых серьезных проблем современности, с которой бороться надо всем и каждому. Но прежде всего, следует дать теоретическую оценку этому социальному явлению. И в научной литературе таких исследований достаточное количество.

Сегодня совершенно очевидной является необходимость определить и проанализировать причины, проблемы, сущность и тенденции терроризма, как можно скорее разработать формы, методы и эффективные средства борьбы с ним. Главные направления предупреждения терроризма должны включать:

- прогнозирование террористической активности с определением ее возможных субъектов;

- воздействие на основные явления и процессы в обществе, способствующие росту терроризма;

- пресечение совершающихся террористических актов в отношении государственных и общественных деятелей, задержание виновных и предание их суду, причем крайне важно наказание не только рядовых исполнителей и пособников, но и организаторов, и вдохновителей террора, а также тех, кто занимается финансированием террористической деятельности;

- предупреждение и пресечение сходных с терроризмом преступлений (захват заложников, геноцид, диверсия и др.);

- сотрудничество международных организаций в предупреждении и пресечении террористической деятельности.

Действительно, терроризм есть явление социальное. Современная практика показывает, что он обусловлен борьбой за власть или стремление оказать на нее воздействие. Глубинные корни терроризма кроются в самом обществе и государственной политике. Не уделяя необходимого внимания политико-значимым интересам и существующим проблемам, не разрешая их вовремя и в полной мере, само государство способствует возникновению экстремистских способов их решения. Появление терроризма обусловлено неадекватной политикой государственной власти, ее неумением, неспособностью или нежеланием регулировать существующие социальнополитические противоречия, предоставить

определенным социальным интересам легальные способы их выражения и реализации. В такой ситуации терроризм становится асоциальным, противоправным и антигуманным средством воздействия на конкретные властные структуры. Своими действиями он способствует привлечению внимания широкой общественности к выше отмеченным проблемам. Важно понимать, что терроризм, политика и общество — три неразделимых элемента единой цепи.

Специфику терроризма как формы насилия помогают понять его структурные элементы. К их числу относятся: субъекты, цели, средства, методы, масштабы, причины и мотивацию террористов.

Исследование выше перечисленных элементов позволяет определить и описать различные формы террористической деятельности.

Так, в зависимости от субъекта, терроризм можно разделить на государственный и оппозиционный; на терроризм подготовленный и осуществляемый террористами — одиночками и хорошо организованными террористическими группировками.

Цели позволяют классифицировать терроризм как религиозный, националистический (расовый) и социальный. Все выше перечисленные виды террористической деятельности есть проявления политического терроризма, ибо они касаются борьбы за власть или вопросов воздействия на нее с позиции определенных социальных интересов, опираются на четко разработанный политико-идеологический фундамент, не сводимый к корыстным интересам.

Масштабы терроризма позволяют выделять внутренний международный терроризм, вышедший на первый план на современном международном этапе развития.

Сточки зрения средств и методов, используемых террористами, можно говорить о химическом, биологическом, информационном и ныне доминирующем вооруженном терроризме, представленном в виде убийств, покушений, вооруженных нападений, взрывов, захватов заложников и т. п.

Терроризм как социальное явление имеет свои этапы развития и особые черты на каждом из них.

Период с момента появления властных отношений в человеческом сообществе и вплоть до средневековья можно рассматривать как этап государственного терроризма. На данном этапе доминирующим субъектом терроризма являлись органы государственной власти, террористическая деятельность не выходила за пределы государства, основным методом политического устрашения было убийство политических противников.

Религиозно инквизиционный этап — второй период развития террористической деятельности. На этом этапе католическая цер-

ковь стала основным субъектом терроризма. Она создала мощную идеологическую основу и инквизиционный орган для контроля методами террора за всяким инакомыслием.

На этапе социально-классового терроризма появился новый субъект террористической деятельности. В руках отдельных индивидов и групп террор превратился в основной инструмент воздействия на власть. Изменились цели. На первый план вышли социально-политические преобразования. Усовершенствовались и усложнились методы террористического воздействия на государственную политику.

С 60-х годов XX века можно говорить о начале качественно нового современного международного этапа развития терроризма. Данный этап террористической деятельности кардинально отличается от своих предшественников.

Сегодня государство, социальные группы, социальные общности и отдельные личности используют террор для достижения своих целей.

Важно учитывать, что полное искоренение терроризма, как и преступления против человечества вообще, вряд ли достижимо, поскольку существует основной объект покушения террористов — власть и возможность влиять на нее в интересах определенных сил. Но это не означает, что мы должны придерживаться политики ожидания и надеяться, что терроризм исчезнет сам по себе. Речь идет о возможности минимизировать данную проблему. Нужно учитывать ошибки прошлого, свидетельствующие о бесперспективности методов силового воздействия на террор. Военные мероприятия не обеспечивают окончательного решения данной проблемы. Ибо сила не в состоянии изменить социальных, политических и экономических отношений, способствующих появлению терроризма.

Соответственно минимизация глубинных социальных и политических причин, являющих питательной средой роста террористической активности должна превратиться в стратегическую цель противостояния терроризму на национальном и международном уровне. К достижению данной цели следует стремиться правительству, органам региональной власти и международным организациям.

Предложим ряд рекомендаций по противостоянию терроризма:

- 1) Объединение усилий российской и мировой общественности в борьбе с терроризмом.
- 2) Минимизация социальных, политических, экономических и иных причин, вызывающих терроризм;
- 3) Создание бюджета для решения проблем, болезненной реакцией на которые является терроризм;

4) Можно рекомендовать активную работу с населением в виде социальной рекламы, обращенной против терроризма, образовательных программ и фильмов по основам безопасности жизнедеятельности с целью обучения граждан методам противостояния терроризму;

5) Нужны качественные и количественные ограничения в отношении освещения террористических событий средствами массовой информации.

Видимо, следует законодательно урегулировать работу информационных каналов по вопросам освещения террористических сюжетов, способных вселить страх и панику, а также репортажей, рассказывающих о проводимых контртеррористических и анти-террористических операций;

6) Образование единого банка данных, в котором будут накапливаться сведения о террористических организациях, лицах работающих в них, средствах, методах, каналах связи, финансовом обеспечении, а также террористах — одиночках и лиц склонных к совершению терактов.

Таким образом, современный терроризм — это деструктивный феномен общественного бытия, целью которого является манипуляция социальными субъектами в локальной или глобальной ситуации посредством создания и нагнетания атмосферы личного и социального страха путем использования явного и латентного элементов насилия, направленного против гражданских людей. Терроризм носит ярко выраженный характер агрессивного социального действия, которое выходит за рамки традиционно этических и законодательно принятых норм поведения человека или социальной группы [3, с. 23].

Библиографический список

1. Горбачев М.С. и другие. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003.
2. МАНУЙЛОВА О.В. Методологические аспекты психологической рефлексии в проблематике антиэкстремистской и антитеррористической направленности // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 2.
3. Пашкевич И.Л. Современный терроризм как объект социально-философского анализа //автореф..дис...кандидата философских наук 09.00.11 / Пашкевич Игорь Леонидович; Волгоградский государственный технический университет М.: Волгоградский государственный технический университет, 2009.
4. Словарь иностранных слов. М., 2003.
5. Российский энциклопедический словарь. Книга 2. М., 2001.

Сергеев В.К.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ: ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ, ДУХОВНОСТИ, ГУМАНИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

STATE AND CHURCH: EDUCATION OF CULTURE,
SPIRITUALITY, HUMANISM AND CITIZENSHIP

Сергеев Владимир Кириллович, доктор социологических наук, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ
Sergeev Vladimir, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Historical Sciences, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовного, культурного воспитания в современной России в контексте трансформации российской государственности и общества, возрождения Церкви и взаимодействия государственных и церковных институтов в этом направлении.

Abstract. The article deals with the problem of spiritual, cultural education of Russians in the context of the transformation of the Russian state and society, the revival of the Church and the interaction of state and church institutions in this direction

Ключевые слова: Государство, Церковь, культура, духовность, культурная политика, культурные традиции, масс-культура, просвещение, воспитание

Key words: State, Church, culture, spirituality, cultural policy, cultural traditions, mass culture, education, upbringing.

Латинское слово «cultura», означающее «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие», происходит от слова «cultus» — «почитание», «поклонение», «культ», что указывает на духовные истоки культуры. Культура как сохранение, возделывание окружающего мира и воспитание человека является основой самого его существования, именно болезни культуры ведут к болезням или гибели цивилизаций.

Национальные культурные традиции служат сохранению и умножению духовного наследия, накопленного на протяжении веков многими поколениями людей в стремительно меняющемся современном мире. Это относится к разным видам жизнедеятельности общества и творчества: литературе, изобразительному искусству, музыке, архитектуре, театру, кино.

Религия всегда была и остается сегодня значимым фактором культуры любого социума. Значим этот фактор и для российского общества. Церковь, активно участвуя в процессе развития культуры, в свою очередь, восприняла многое из созданного человечеством в этой области, переплавляя плоды творчества в горниле религиозного духовного опыта, стремясь очистить их от губительных для общества элементов, а затем, с использованием своих специфических возможностей, преподать людям.

В новых условиях развивающейся демократии в России Церковь, после долгих десятилетий гонения, получила возможность располагать более широкими организационными, техническими и финансовыми ресурсами, вести активную культурную, просветительскую, издательскую деятельность, принимать активное участие в борьбе с негативными общественными явлениями.

Взаимоотношения Церкви и мира культуры, искусства не всегда складывались и складываются позитивно на основе сотрудничества, взаимообогащения, понимания. Они расходятся там, где культура и искусство носят деструктивный характер, разрушая основы государственности, общественные устои, личность. Они расходятся и тогда, когда Церковь не вполне способна или отдельные её служители не стремятся глубоко вникнуть в суть происходящих в сфере духовной культуры и искусства процессов, явлений и перемен. И то, и другое в конечном итоге наносит урон обществу и человеку, приводя к метаниям и неуверенности в поиске культурных образцов, утрате национальных культурных образцов и традиций. Ведь человек не всегда обладает достаточной духовной зоркостью, чтобы отличить подлинное — возвышенное и возвышающее — вдохновение от «вдохновения» экстатического, за которым часто скрывается зло.

Основные подходы, оценки и направления сотрудничества Церкви, государства и общества, нашедшие отражение в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», изложены в разделах «Церковь и государство», «Светская наука, культура, образование», «Церковь и светские средства массовой информации». Однако это сотрудничество всё ещё затруднено в связи с тем, что Церковь на многие десятилетия была изолирована от воспитательного и культурного процесса. В наши дни упущенное навёрстывается, вечные истины, подлинные духовные, культурные, традиционные для России ценности вновь оказываются востребованными, и служат на благо российского общества и государства.

Московским институтом социально-культурных программ под руководством автора было проведено социологическое исследование «Церковь и культура».

В ходе исследования выяснилось, что среди респондентов верующими себя считают 56,6% опрошенных, 30,3% респондентов отметили, что они скорее верят, чем нет, 7,4% сомневающихся более склонны к неверию, чем к вере, и 4,9% участников опроса оказались атеистами.

Церковные институты постоянно адаптируются к условиям формирующегося гражданского общества, совершенствуют арсенал аналитических, информационных, культуротворческих средств, развивая диалог с деятелями светской культуры, политики, работниками средств массовой информации, общественностью. Будучи хранительницей традиционной морали и культуры, Церковь стремится стать образцом нравственности для всё большего числа людей.

Н.А. Бердяев писал: «В христианском мире государство не может претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит Церкви, а не государству».¹ Это высказывание стало особенно актуально в наше время — эпоху общества потребления, формируемого на государственном уровне.

Духовная составляющая человека сегодня подвержена суровым испытаниям — постоянному прессингу пропаганды, рекламы, электронных средств массовой информации, некоторые коммерческие учреждения досуга также формируют в человеке примитивные, бездуховные запросы, противоречащие нравственным нормативам.

Церковь учит человека добру, стремится совершенствовать, одухотворять его внутренний мир. Принадлежность человека к той или иной религиозной конфессии оказывает значительное, иногда решающее влияние на формирование его мировоззрения, нравственной, культурной ориентации. Так, например, исследования М.П. Мchedалова свидетельствуют, что люди, считающие себя православными, являются большими государственниками, острее ощущают свою российскую национальную и культурную принадлежность.

Современное государство не может быть успешным без осмысленной религиозной и культурной политики, закреплённой законодательно, без системы учреждений, осуществляющих эту политику и обеспечивающих взаимодействие Церкви и культуры.

В современной России, где идёт процесс формирования гражданского общества, воспитания толерантности, межконфессионального взаимодействия, культурные и религиозные институты

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. — М.: 2006.

в сложных условиях переходного периода находятся в поиске новых, отвечающих требованиям времени форм и направлений духовного становления личности.

Духовные ценности и постулаты религиозной культуры являются важнейшей составляющей культуры светской, духовного мира каждого человека, даже не приобщённого к той или иной религии. Попытки вытравить духовное наследие религиозной культуры из сознания людей оказались безуспешными, несмотря на гонения, которым подвергалась Церковь и религия атеистической наукой в советские годы. В то же время лучшие умы прошлого и настоящего считали и считают, что наука и религия лишь дополняют друг друга.

Моральные, духовные ценности наднациональны и межконфессиональны. А вера — одна из насущных духовных потребностей человека вне зависимости от его религиозных представлений, одна из основ духовного развития.

Луи Пастер был уверен: «Настанет день, когда будут смеяться над глупостью нашей современной философии. Чем больше я занимаюсь изучением природы, тем более я останавливаюсь в благоговейном изумлении перед делами Творца».

Н.И. Пирогов в своём известном «Дневнике» пишет: «Вера в Высшее Существо, как источник жизни, во вселенский Разум не противоречит научным убеждениям. Если бы я захотел не признать теперь существование Бога, то не смог бы этого сделать, не сойдя с ума».

Альберт Эйнштейн отмечал: «Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющей себя в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны лишь частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в высшей — логической стройности устройства вселенной и есть моя идея Бога».

Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II писал, что в новой России открылись «беспрецедентные возможности для творческого развития церковно-общественного диалога во всех его областях». «Церковь, — отмечал он, — провозглашает безусловную ценность человеческой личности, её свободы и достоинства, недопустимость низведения человека исключительно до уровня объекта экономических, социальных и иных отношений».¹

¹ Основы социальной концепции РПЦ // Инф. бюлл № 1 — М.: 2001. — С. 4, 5.

Церковь сегодня не на словах, а на деле обращена к человеку, к душам и духовным нуждам миллионов россиян, напоминая власть предрержащим, ради чего и ради кого затевались реформы в России, а также о том, что полученные результаты реформ оказались не совсем такими, какими ждали их миллионы людей, — ни в духовном, ни в культурном аспекте.

Сегодня Церковь играет значительную роль в культурном воспитании, считают 30,3% участников нашего опроса. Однако эта роль незначительна для 32,8% респондентов. При этом для 25,4% она не играет никакой роли в культурном развитии, а для 9,1% роль Церкви стала решающей.

Мы часто оперируем такими понятиями, как «культура», «духовная культура», «духовное общество» и т. п. Так что же такое «духовность»?

Святитель Игнатий Брянчанинов, истолковывая понятие духовности, ещё более приближает его к человеку, к подлинной культуре, к жизни: «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнью, вечной жизнью. Когда же из красоты дышит смерть, он отвращает от красоты свои взоры...».¹

Как часто сегодня отечественные и зарубежные деятели культуры и искусства в своём труде, своём творчестве упаковывают в обёртку ложной красоты, привлекательности смертоносную начинку духовного уродства, убивая тем самым души читателей, зрителей, слушателей их произведений, низводя их до животных, материальных инстинктов.

И сегодня служителям подлинной, высокой культуры, духовного искусства нельзя забывать и не использовать тысячелетний российский опыт христианской духовности, под воздействием которой формировались Российское государство, культурное единство народа, литературный язык, общественный и семейный уклад, гражданское, уголовное, имущественное и брачное право, деловые отношения. Духовной культуре России во все времена было свойственно стремление к идеалу. Материальное всегда оставалось вторичным. Так формировались представления о душевной чистоте, искренности, открытости, мужестве, доблести, свободолюбии, справедливости. И не было расхождений в толковании этих понятий, как нет их и сейчас между служителями рели-

¹ Игнатий Брянчанинов. Собрание писем. — М.: — СПб, 1995. — С. 473.

гиозной культуры и лучшими представителями светской духовной культуры.

Вера с испокон веков являлась источником чистоты и вдохновения для творчества великих писателей, поэтов, художников, философов нашей страны, таких, например, как Гоголь, Лесков, Пушкин, Достоевский, Репин, Васнецов, Соловьёв, Хомяков, Ломоносов, Менделеев, Павлов, Ильин, Бердяев...

Однако в начале прошлого века духовная преемственность в России была прервана, была утеряна значительная часть культурно-исторических традиций, уничтожены или вынуждены были покинуть Родину многочисленные носители этих традиций — интеллектуально-духовная элита нации.

В современной России граждане вновь получили возможность вернуться к своим духовным истокам, однако долгий отрыв от веры дедов и отцов стал причиной того, что значительная часть народа и сегодня всё ещё не вернулась к прежним фундаментальным историко-духовным и культурным идеалам. Ситуация осложняется и тем, что Россия сегодня находится под системным прессингом извне вестернизированной бездуховной масс-культуры, разрушающей духовный мир россиян и, прежде всего, подрастающих поколений. Под этим воздействием и при пособничестве многих доморощенных негосударственных учреждений культуры, творческих объединений, СМИ, антигосударственно, антиобщественно ориентированных деятелей политической сцены, культуры, искусства, средств массовой информации в стране долгое время продолжают иметь место опасные процессы, ставящие под сомнение основополагающие ценности российского бытия и представляющие реальную угрозу для духовного единства нации, государственной целостности, самого будущего России. И здесь открывается широкое поле деятельности и сотрудничества для государства, общества и Церкви в деле воссоздания и преумножения духовных традиций, укрепления духовных основ нации.

Одни мировоззренческие идеи могут помогать созиданию благополучного общества, а другие идеи могут его разрушать и тормозить. Поэтому государство и общество должны быть заинтересованы в поддержании ценностей, способствующих общественному развитию. Но ценности социально-экономической деятельности не могут утвердиться в умах людей сами по себе, если общество и государство не будут тратить усилия на воспитание и поддержание подобных стандартов. Это значит, что нужно, не боясь, тратить национальные средства на поддержание духовной сферы страны.

Во все времена — и наше время не исключение — Церковь открыта для страждущих, нуждающихся в поддержке, помощи. Многие ли сегодня обращаются в Церковь со своими нуждами?

Около половины участников исследования (47,5%) отметили, что им не приходилось обращаться в церковь за помощью. Каждый четвёртый (25,4) изредка обращаются в церковь, ожидая помощи.

Из обратившихся за помощью в церковь подавляющее число респондентов (91,8%) отмечают, что её получили.

В последние годы мы наблюдаем рост доверия, взаимопонимания и сотрудничества государства и Церкви.

За короткий отрезок времени на ниве сотрудничества государства и Церкви в деле воспитания человека сделано многое. Всё больше и больше людей приобщаются к традиционной светской и религиозной культуре, расширяя свой кругозор, получая новое видение мира.

В свою очередь Церковь включается в общекультурные процессы мирового и национального уровней. Всенародными праздниками, например, стали Дни славянской письменности и культуры, Рождественские, Пасхальные, Крещенские торжества, когда народ выходит на улицы, когда звучат народные песни и мелодии, когда воскресают традиции народного танца, древних обрядов. Прогресс в культуре возможен при условии обеспечения диалектического единства традиций и новаций. Взаимодействие светской и религиозной духовности и культуры является залогом успешного решения этой задачи.

Церковь учит тому, чтобы человек осознал, что масс-культура в отличие от подлинной культуры является всего лишь товаром, вместо духовного воспитания она воздействует на самые примитивные, часто низменные чувства и инстинкты. В ней нет места гуманистической морали, эстетике, нравственности. Этот факт в равной мере вызывает беспокойство как у здоровой части светского общества, так и в церковной среде. Если высокая культура, как светская, так и религиозная, — средоточие духовности, то масс-культура — всего лишь бизнес, форма обогащения одних за счёт оглушения других. Если высокое искусство — это культивация таланта и с его помощью культурное воспитание, взращивание миллионов на образцах красоты и добра, то масс-культура — это фабрика бесталанных звёзд-однодневок, зовущих за собой миллионы людей в никуда.

Церковь, как и лучшие представители культуры и искусства, учит человека духовно трудиться, судить себя строже, чем других, учит творить добро, сострадания, милосердию, призывает во-

площадь возвышенные идеи в творчестве, вызволяя свою паству из духовного рабства общества потребления, в том числе потребления суррогатов культуры.

Патриотизм — одна из возвышающих человека духовных черт.

«В современном мире есть множество таких несчастных безродных людей, которые не могут любить свою родину потому, что инстинкт их служит лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересам, а духовного органа они лишены. И вот идея родины ничего не говорит их душе. Идея родины предполагает в человеке начало духовности. *Родина есть не что от духа и для духа*, а в них — духа нет: он или безмолвствует, или мёртв. — Писал замечательный русский философ И.А. Ильин. — Истинному патриоту драгоценна не просто сама «жизнь народа» и не просто «жизнь его в довольстве», но именно жизнь *подлинно духовная и духовно-творческая*; и поэтому, если он когда-нибудь увидит, что народ его утоп в сытости, погряз в служении малому и от земного обилия утратил вкус к духу, волю и способность к нему, то он со скорбью и негодованием будет помышлять о том, как вызвать духовный голод в этих сытых толпах павших людей...

Именно духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность родины, та сущность, которую стоит любить больше себя, которую стоит жить именно потому, что за неё стоит и умереть.»

Большую работу проводит Церковь в деле патриотического воспитания допризывной молодёжи и в армейской среде.

Её представители сотрудничают с работниками военкоматов, командованием воинских частей, борются с негативными явлениями в армии — грубостью командиров, дедовщиной, неуставными отношениями, стремятся придать осмысленность воинской повинности, помочь понять допризывникам и солдатам, что выполнение воинского долга, защита Отечества — священная обязанность каждого гражданина. Какой вклад, по мнению участников нашего исследования, вносит Церковь в дело воспитания патриотизма подрастающих поколений, раскрывают их ответы на вопросы анкеты.

Около трети респондентов (35,2%) считают этот вклад значительным.

Всё большее число государственных и общественных организаций и учреждений в своей работе взаимодействуют с Церковью, постепенно осознавая социальную и духовную значимость и эффективность такого сотрудничества. Что думают по этому поводу наши респонденты? Почти половина (45,9%) опрошенных одно-

значно положительно оценивают эту взаимную работу учреждений культуры и Церкви; 41,8% затруднились дать определённый ответ; и лишь незначительная часть (12,3%) не видит перспектив в таком сотрудничестве.

В современных условиях роль и влияние на человека и общество реальных и виртуальных произведений искусства многократно возросли. Это влияние носит как позитивный, так и негативный характер. Деятели, творцы в своём стремлении к самовыражению, в поисках материальной выгоды, тех или иных преимуществ, преобладающих часто навязывают личности и обществу, цивилизации в целом губительные в духовном и физическом плане образы, стереотипы, модели. И всегда это связано с попранием основополагающих принципов существования и развития культуры, взаимоотношения её с человеком.

Государство и Церковь единодушны в своём стремлении к нравственному очищению российского общества, воспитанию поколений на национальных высокодуховных нравственных основах. В этом деле, к сожалению, в стороне, а часто на противоборствующей позиции оказываются отечественные СМИ. В связи с чем в обществе всё активнее нарастает призыв введения нравственной цензуры на телевидении, в прессе. Эту идею безоговорочно поддерживают 86,9% респондентов.

Церковь считает, что информирование зрителя, слушателя и читателя должно основываться не только на твёрдой приверженности правде, но и на заботе о нравственном состоянии личности и общества, что включает в себя раскрытие положительных идеалов, а также борьбу с распространением зла и порока. Недопустимыми являются пропаганда насилия, вражды и ненависти, национальной, социальной и религиозной розни, а также греховная эксплуатация человеческих инстинктов, в том числе в коммерческих целях. СМИ, обладающие огромным влиянием на аудиторию, несут величайшую ответственность за воспитание людей, особенно подрастающего поколения. Журналисты и руководители средств массовой информации обязаны помнить об этой ответственности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в итоге произошедших в стране политических и социальных перемен роль Церкви в жизни людей значительно выросла и продолжает возрастать. Церковь принимает активное участие во многих сферах жизнедеятельности государства и общества. Да и сами люди испытывают всё большее доверие к ней, их жизнь становится более одухотворённой. Велика роль Церкви в сохранении национальных

и культурных традиций, в деле формирования исторического и патриотического сознания народа и прежде всего подрастающих поколений. Всё теснее и продуктивнее сотрудничество учреждений культуры и досуга, государственных и общественных организаций этой сферы с Церковью. Подобное сотрудничество развивается по многим направлениям. Лучшие представители отечественной культуры, искусства верны национальным культурным и духовным традициям.

Известный писатель Валентин Распутин пишет, что духовность в светском понимании берёт свои истоки и черпает чистоту стремлений и дел в духовности религиозной, православной, в тысячелетних православных традициях, основополагающих ценностях, которые сберегались людьми, поколениями и в атеистические советские времена. И сегодня там, где нет духовного начала, не может идти речи о подлинном творчестве, истинной культуре.

Основополагающие понятия культуры и творчества — духовность и вдохновение. Сверхзадача культуры — возделывание человеческой личности, главный объект исследования художественного творчества — душа человека. Во все времена писатели, художники, музыканты пытались заглянуть в человеческую душу, понять ее поиски, сомнения, подъемы и падения, радости и скорби, умение сорадоваться и сострадать. И этот интерес, этот поиск — точка соприкосновения для культуры и Церкви.

Библиографический список

1. Ерасов Б.С. Социальная культурология. — М.: 2000.
2. Иванов В.Н., Левашов В.К., Сергеев В.К. Москва. Россия. Русский мир — М.: «Академика», 2012.
3. Сергеев В.К., Сергеев В.В. Российская культура: на рубеже, на грани, на перепутье — М.: «Серебряные нити», 2008.
4. Россия в поисках стратегии: Общество и власть. — М.: 2010.
5. Мчедалов М.П. Вера в России в зеркале статистики // НГ — Религии. — 2000.

Капто А.С.

ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО ВОЗМУЖАНИЯ

Капто А.С., доктор философских наук, почетный профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, почетный доктор Днепропетровского университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Kapto Alexandr, Doctor of Philosophy, Honorary professor of faculty political science of Lomonosov Moscow State University, Honourable doctor of the Dnipropetrovsk university, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, 19mip90@mail.ru

Аннотация. Основываясь на личных впечатлениях, автор рассказывает о комсомольце 60-х годов XX в.

Abstract. Based on personal impressions, the author tells about the Komsomol member of the 60th years of the 20th century.

Ключевые слова: история комсомола, история СССР.

Key words: history of Komsomol, history of the USSR.

Мои строки — это не «плач» по прошлому, тем более и не призыв к возврату назад (что вообще невозможно), а стремление честно и максимально объективно передать понимание того, каким был комсомол в мои годы, и прежде всего в тот период, когда в 1966 году я был избран вторым, а чуть позже и первым секретарем ЦК комсомола Украины.

Подчеркну в самом начале: мировой истории ни в прошлом, ни в новейшее время неведом опыт создания и функционирования такой как комсомол общественно-политической организации молодежи для решения ее потребностей в органическом единстве с интересами всего общества. В принципиальном плане мою однозначно положительную оценку об этом историческом эксперименте может изменить только одно-единственное обстоятельство — появление на политическом пространстве новой, столь же массовой организации, способной объединить молодежь с целью решения как никогда обострившихся ее социальных проблем, с таким как у комсомола весом в обществе и государстве, в международном молодежном движении.

Да, комсомол подвергся беспрецедентно жестокому суду истории, но все же он не получил и не мог получить от нее (истории) отрицательной оценки. Зададимся вопросом (и пусть это не прозвучит риторически): какие преступления можно поставить в вину ком-

сомолу, которые были бы основанием для его разрушения. Что он совершил неблагопристойного перед государством, перед обществом, наконец, перед самой молодежью, интересы которой он выражал. Весь парадокс заключается в кричащем несоответствии «исторической вины» комсомола (кстати, так никем и не доказанной), и вердиктом, вынесенным политическими геростратами. Налицо прискорбный исторический факт: признанная обществом, авторитетная молодежная организация, деятельность которой была построена исключительно на созидательных и гуманистических началах, стала заложником и жертвой противоборства находящихся у власти политиканов. Если в 20-е годы определенные политические силы пытались навязать молодежи идеи политической «нейтральности», вбить клин между поколениями, если в хрущевские времена разрушение комсомола происходило путем чудовищного его разделения на «комсомол городской» и «комсомол сельский», то после горбачевской «перестройки» от комсомола, как и от всех государственных и общественных институтов общества, остались сплошные руины.

При этом я далек от того, чтобы на прошлое смотреть через розовые очки, находиться в плену отживших идеологических догм и неоправдавших себя форм организации социальной жизни и политической деятельности. Трагедия страны и народа коснулась своим обжигающим крылом каждого моего нерва, каждого микромиллиметра моего сердца. Но история потому и является историей, что она остается навсегда; и если даже из отдельной песни невозможно выбросить какую-то строчку, так и из исторической памяти преступно выжигать страницы человеческого бытия, каким бы оно противоречивым и трагическим ни было.

Итак, каким для меня остался комсомол Украины шестидесятих годов XX столетия? Готовясь отмечать в 1969 г. его 50-летие, мы работники ЦК комсомола республики, используя аналитический подход, решили на основе различных данных воссоздать своеобразный социальный портрет нашей организации. Привожу его штрихи из сделанного мной доклада на торжественном пленуме ЦК ЛКСМУ, состоявшемся по сему случаю 26 июня 1969 г. в Октябрьском дворце г. Киева, в том дворце, где собирались делегаты первого комсомольского съезда. Если к началу первого съезда в республике было всего девять тысяч комсомольцев, то к 50-летию юбилею — около четырех миллионов. Весьма показательным оказалось сопоставление характеристик социального состава: в начале 20-х годов каждый второй комсомолец был наемным работником или кустарем-одиночкой; в 60-е же годы в структуре нашего обще-

ства такие социальные группы и прослойки вообще отсутствовали, а комсомольцами были высококвалифицированные рабочие и хлеборобы, ученые, студенты, учащиеся. К тому времени в составе ЛКСМУ было 300 тысяч высококвалифицированных специалистов ведущих отраслей народного хозяйства, науки и культуры. Вспомни одно сравнение, которое приводил я на торжественном пленуме. В дореволюционных паспортах была графа: «Если обладатель документа не может писать, то его признаками должны быть рост, цвет волос, особые черты». К 50-летнему же юбилею с каждых ста работающих комсомольцев Украины семьдесят семь имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование.

О высокой социальной активности членов союза свидетельствовал такой весьма показательный факт: около 59 тысяч комсомольцев было избрано депутатами местных органов власти республики, а 12 членов ВЛКСМ — в высший орган власти — Верховный Совет Украины. Благодаря этому молодые депутаты проходили школу государственного управления, отстаивали интересы молодежи на различных уровнях властных структур, активно воздействовали на государственную молодежную политику. Весьма существенным было и то, что в те годы комсомол обладал правом законодательной инициативы, что позволяло ему разрабатывать проекты законов по проблемам молодежи и добиваться их принятия высшим законодательным органом страны. Для полноты картины необходимо напомнить и о том, что в выборных органах власти функционировали депутатские комиссии по делам молодежи, а в состав коллегий министерств и ведомств обязательно входили представители комсомола. Столь внушительный набор конкретных инструментов привлечения молодежи к государственному управлению способствовал повышению роли и авторитета союза молодежи в жизни общества, в развитии его как активного и деятельного субъекта политики, в гражданском воспитании юношей и девушек.

Неслучайно многие молодые люди, получив опыт организаторской и политической деятельности, становились со временем крупными государственными и общественными деятелями. Скажем, взять к примеру бюро ЦК ВЛКСМ того периода, когда я входил в его состав как первый секретарь ЦК комсомола Украины: первый секретарь ЦК ВЛКСМ Тяжельников Е. М. после комсомольской работы занимал посты заведующего отделом пропаганда ЦК КПСС и Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Румынии; второй секретарь Пастухов Б. Н. — председателя Госкомиздата (ранг министра), Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Дании и Афганистане, затем заместителя министра иностранных

дел и министра по делам СНГ; секретари ЦК ВЛКСМ Везиров А.Х. и Арутюнян С.Г. стали первыми секретарями ЦК партии соответственно в Азербайджане и Армении; член бюро ЦК ВЛКСМ, председатель Комитета Молодежных организаций Янаев Г.И. стал в горбачевские времена вице-президентом страны. Подобная практика наблюдалась на всех уровнях политической структуры общества — секретари райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК комсомола союзных республик становились соответственно руководителями партийных комитетов, органов советской власти, директорами крупнейших заводов, ректорами вузов.

Говоря о комсомоле шестидесятых годов прошлого века, не могу не коснуться проблемы «шестидесятников». Напомню читателю, что этим термином обозначалась относительно небольшая группа творческой молодежи, для которой характерными были актуализация социально весомых тем в их произведениях, публицистическая заостренность авторской позиции, определенный критицизм к некоторым сторонам современной жизни и истории. Ядро этих «шестидесятников» составили одаренные молодые люди, со временем занявшие достойное место в литературном процессе, театральном и изобразительном искусстве. Их вклад в критическое осознание обществом существовавших тогда социальных «болячек», административно-командных методов руководства различными сферами общественной жизни, в том числе и творческим процессом — несомненны. Многие из них были кумирами молодежи, со временем же они стали настоящими мэтрами художественной культуры. И все же как человек самым непосредственным образом общавшийся в 60-е годы с этой категорией молодежи, не могу не высказать два, на мой взгляд, существенных суждения.

Во-первых, обращает на себя внимание ставшее практически традиционным подчеркивание в СМИ особой «страдальческой доли» «шестидесятников» и их подчеркнутой оппозиционности по отношению к властям. Действительно, различного рода бюрократический произвол имел место, но он проявлялся абсолютно в одинаковой мере по отношению к разным возрастным группам и разным слоям интеллигенции и не имели «специального адреса» — «только для молодых шестидесятников». Равно как и оппозиционность была свойственна представителям разных возрастов интеллигенции, причем не только творческий, но и научной и технический. К тому же не следует забывать, что «шестидесятники» не были обделены тогдашними благами и вниманием: они имели широкую общественную трибуну в лице газет и журналов, их рукописи не залеживались в издательствах, книги издавались

большими тиражами с довольно приличными гонорарами, да и зарубежные поездки для них не были единичными. «Шестидесятники», сами себя назвав этим термином, стремились как бы запатентовать в общественном мнении за собой «особую» историческую роль на политическом пространстве общества.

И, во-вторых, представляется некорректным выделение «шестидесятничества» в качестве «самого гражданского» и «самого» наиболее социально активного феномена тогдашней молодежи. Поэтому, если уж и применять термин «шестидесятники» в качестве нравственно-политического эталона молодого поколения 60-х годов, то его надо трактовать с широких общественно-политических позиций, не допуская при этом стимулирования наряду с межпоколенческим конфликтом еще и внутриспоколенческого противостояния. Ведь в истинном смысле слова «шестидесятниками», т. е. людьми, наиболее ярко отразившими облик того поколения, было куда большее число молодых людей, причем не только из творческой среды. Разве первый в истории человечества дерзновенный выход в космос, совершенный воспитанником комсомола Юрием Гагариным, не является блистательной характеристикой поколения 60-х годов. Напомню, как это прокомментировал известный американский художник Рокуэлл Кент: «Юрий подарил нам небо. А многие его полет сравнили с подвигом мифического героя древности Прометея».

А подвиг Павла Поповича, который вместе с Адрианом Николаевым осуществили первый в мире групповой продолжительный полет в космос? А общепланетарная спортивная слава самого сильного в мире человека — Леонида Жаботинского? А Иван Стрельченко — выдающийся донецкий шахтер, отмеченный всеми знаками отличия (Герой Труда, многие ордена и медали, депутатство в Верховном Совете и т. д.), человек, влюбленный в гриновские «Алые паруса», и сам написавший две книги «Добытки солнечного камня» и «Зажги свою звезду», в которых он показал молодежи, какое счастье зажигать среди людей свою звезду, свою зарю, какого это требует огромного и доблестного труда? Гордостью молодежи 60-х стал и подвиг украинского комсомольца Николая Пяскорского, сапера-добровольца, принимавшего в разминировании, оставшихся после обретения независимости Алжиром 12 млн. мин. Он лично обезвредил десятки тысяч мин, расчистив поля, на которых алжирские крестьяне стали выращивать пшеницу и виноград. Но одна из мин оборвала молодую жизнь Николая, и в последний путь юношу провожал весь Алжир. А молодой макевский металлург Владимир Гребиниченко, бросившийся спасать

сталевара, когда горячий поток металла неожиданно перевернул ковш и брызги раскаленного металла посыпались на людей, накрывая огненной массой подручного сталевара. Владимир вытащил из огненного пекла коллегу-металлурга, но сам упал у печи и погиб.

Или такой примечательный факт: в шестидесятые годы прошлого века Академия наук Украины стала самой молодой по возрасту в мире; в 1965 г. половину ученых в институтах Академии составляла молодежь до 30 лет; комсомолец Александр Гузь за четыре года прошел путь от выпускника Киевского университета до известного ученого, защитившего в 26-летнем возрасте докторскую диссертацию и написавшего к тому времени 50 важнейших научных работ.

Названные выше факты и примеры — лишь отдельные грани облика комсомола шестидесятых годов, достойные того, чтобы независимо от нынешних политических бурь, прокатившихся по нашей земле, относятся к ним уважительно и заботливо.

Базовыми нравственными ценностями поколения шестидесятых были культ честного и самоотверженного труда, острое чувство преемственности поколений, высоко развитый гражданский долг и ответственность за общезначимые дела, готовность к самопожертвованию во имя общественного блага. В этом же ряду: борьба (с использованием исключительно воспитательных средств воздействия) с хулиганством, пьянством, преступностью, бездуховностью и бескультурьем. Большим богатством стало многогранное общение молодежи Украины со своими сверстниками из тогдашних союзных республик и различных стран мира. Международные контакты расширяли политический горизонт молодежи, способствовали формированию гуманистических общепланетарных мировоззренческих установок, четкому пониманию того, что происходит в мире и какова роль молодежи в этих процессах. Словом, поле деятельности комсомола было широким, не побоюсь сказать плодотворным и высоко почитаемым в обществе.

И еще один вопрос, который на фоне настоящего бурелома исторических событий может показаться не только прозаическим, но и малозначительным. В нынешние «купи-продажные» времена первым и неизбежным условием создания и функционирования любой молодежной организации (независимо от ее общественно-политической ориентации) является спонсорская поддержка со стороны какой-то партии, объединения или индивидуального толстосума. Без спонсорской поддержки — как в песне из одного кинофильма советского времени: что без воды — и не туды и не сюды. Комсомолу тоже требовались деньги, причем немалые — на опла-

ту многочисленного аппарата сотрудников комитетов разных уровней (от первичных заводских, фабричных, вузовских и т. д. — до Центрального комитета), на содержание помещений, канцелярские расходы, на строительство комсомольских музеев (не за счет госбюджета), на комсомольские премии для наиболее талантливой творческой и научной молодежи, на оказание помощи детским домам, домам сирот, наконец, на финансовую поддержку международных мероприятий — Всемирных фестивалей молодежи и студентов, различных форумов, летних лагерей молодежи и т. д.

Словом, выражаясь современным языком — целые финансовые потоки. Откуда же брались эти деньги? Ныне в мутных потоках лжеправды как в печатных, так и электронных СМИ нередко можно услышать сотканное из фактов в одном случае, может быть, от незнания сути дела, а в другом из-за злонамеренной фальсификации утверждение о том, что комсомол всегда «сидел на шее» у государства, получая от него материальную поддержку и именно таким образом обеспечивая себе «процветание в жизни». Истина же заключается в том, что к тому времени, о котором я пишу, комсомол полностью (подчеркну трижды — полностью) перешел на самофинансирование, которое стало возможным, благодаря тому, что он сам стал зарабатывать деньги — за счет сбора металлолома и макулатуры (это давало огромнейшие суммы, не говоря уже об общественной значимости такой работы и большой экономической пользе для экономики страны), издательской и концертной деятельности и др. Такие приобретения определялись легитимным в те времена термином «привлеченные средства»», которые, кстати, ввиду их важности и необходимой отчетности о расходовании, выделялись во всех комсомольских финансовых документах даже отдельной строчкой. Еще подчеркну — суммы этих «привлеченных средств» были большими. Да плюс еще комсомольские взносы. Поэтому на комсомольских счетах, после расходов на указанные выше «статьи», как правило, всегда лежали определенные финансовые резервы.

В этом контексте вспоминаю примечательный эпизод. Когда мы, работники ЦК Комсомола, пригласили руководящих лиц республики на торжество по случаю завершения строительства в Краснодоне масштабного центра «Молодая гвардия», со стороны представителей Совета Министров Украины последовал ответ: за приглашение спасибо, но объясните нам откуда появился этот объект: в планах строительных работ, утверждавшихся Советом Министров, он никогда не значился, никакое его финансирование не осуществлялось. В этой ситуации я, как первый секретарь

ЦК Комсомола, в подготовленной мной краткой записке пояснил: стройка была объявлена комсомольской, ударной, в государственные она не включалась, объект сооружался исключительно и только за счет т. н. «привлеченных средств».

Все сказанное говорит о финансовой независимости комсомола от государственной казны и партийной кассы, о высоком уровне самообеспечения в функционировании всех структур молодежной организации, о способности комсомола как активного субъекта политических отношений в обществе строить свою общественно-политическую деятельность, опираясь на все свои, в том числе и материальные возможности, не допуская при этом иждивенчества, паразитирования, коррумпированности. И я думаю, что подобные факты — это предмет пристального внимания не только для исследователей-историков, сдувающих пыль с залежавшихся без движения архивных источников о нашей не столь уж далекой истории.

Не побоюсь утверждать: названные вопросы отражают базовые ценности для молодежного движения: о зависимости политики от источников ее финансирования, о ее (политики) чистоте и меркантильной непорочности, о сочетании молодежного максимализма и критицизма со способностью и готовностью молодежи лично, самой решать свои собственные проблемы. И кто возразит, что эти вопросы не имеют отношения к современной подрастающей политической смене?

...Мне судьба отвела роль шестнадцатого по счету руководителя комсомола Украины. И я считаю своим моральным долгом, говоря о 100-летию ВЛКСМ, назвать имена тех, кто лучшие свои молодые годы отдал служению молодежному делу, кто внес свой достойный вклад в решение насущных политических, социальных, трудовых, гуманитарных проблем подрастающих поколений. Во главе этой «шеренги» под номером один — П. Воробьев-Семенов, который в первой половине мая 1919 г. стал одним из инициаторов создания Оргбюро по подготовке первого съезда комсомола Украины, на самом съезде был избран в состав Центрального Комитета (в составе десяти членов и четырех кандидатов), а на пленуме — председателем президиума ЦК в составе трех человек. Его сменил С. Игнат — активист молодежного движения на Одессине, которому со временем выпала высокая честь проведения III съезда КСМУ — первого съезда, состоявшегося в мирное время и впервые представленного всеми организациями комсомола Украины; на IV съезде УСМУ он выступил инициатором объявления шефства комсомола над вооруженными силами. Первый

опыт участия молодежи в мирном строительстве комсомол приобретал под руководством Д. Марченко, ведя одновременно борьбу с проникновением в молодежную среду троцкизма.

В 1924 г. после V Всеукраинской конференции во главе комсомола Украины в качестве Генерального секретаря ЦК (тогда было утверждено это новое название) стал С. Высочиненко — любимец молодежи, создававший в 1917 г. первые ячейки рабочей молодежи в Харькове и прошедший до избрания на высокий пост школу руководящей хозяйственной работы и секретаря Харьковского губкома комсомола. На этом посту его сменил в 1927 г. А. Мильчаков, получивший большой опыт комсомольской работы в Сибири, на Урале, а также в аппарате ЦК ВЛКСМ (в начале в качестве руководителя одного из отделов, а затем «рядовым» секретарем ЦК). После избрания его в 1928 г. Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ руководителем комсомола Украины стал И. Корсунов, еще в 1918 г. зарекомендовавший себя активным молодежным политиком.

В 1930 г. Генеральным секретарем стал А. Бойченко — секретарь комсомольской ячейки железнодорожного узла Киев-II в 1921 г., затем секретарь райкома, Киевского окружкома и секретарь ЦК ЛКСМУ, человек, повторивший легендарный подвиг Николая Островского, написав, будучи до конца своей жизни прикованным к больничной койке, замечательную трилогию «Молодость» о молодежи двадцатых и тридцатых годов. Затем в 1933 г. первым секретарем ЦК ЛКСМУ (такое название должности утвердилось в начале 30-х годов и сохранилось вплоть до развала комсомола в период горбачевской «перестройки») стал С. Андреев, направленный на эту должность с поста секретаря обкома Центральной Черноземной области и первого секретаря Северо-Кавказского крайкома комсомола.

В условиях осуществления ошибочной установки И. Сталина об обострении классовой борьбы в стране и развернувшихся репрессий 1937 г. сложную миссию руководителя комсомола Украины выполнял Р. Усенко. Сменившему же его Я. Хоменко довелось трудиться на комсомольской ниве не только в тревожные предвоенные годы (состоявшийся в сентябре 1940 г. XII съезд ЛКСМУ призвал молодежь настойчиво овладевать военным делом, максимально приближая обучение к условиям военного времени), но и принимать личное участие в организации молодежи на борьбу с фашизмом. Первым послевоенным руководителем ЛКСМУ, решавшим задачу восстановления комсомола и его организационного укрепления, стал В. Костенко, ощутивший непосредственно на себе, что означало в те годы «украинолюбство».

Яркой фигурой в комсомоле был В. Семичастный, сменивший В. Костенко, но не задержавшийся надолго на посту руководителя ЛКСМУ в виду избрания его секретарем ЦК ВЛКСМ. Судьба сыграла с ним злую шутку: он, выдвиженец Н. Хрущева (в его бытность первым секретарем ЦК КПУ) на пост руководителя комсомола Украины, со временем, уже будучи председателем КГБ, обеспечивал доставку из аэропорта в Кремль вызванного с отдыха Никиту Сергеевича для снятия его на заседании Политбюро ЦК КПСС с поста руководителя партии. В биографии ставшего после В. Семичастного первым секретарем ЦК ЛКСМУ Г. Шевеля — в том числе и участие по комсомольской путевке в партизанском подполье; в послевоенный же период он проявил себя творческим и в высшей степени ответственным работником, способным организатором молодежи по обеспечению ее участия не только в общественно значимых делах Украины, но и в освоении целины, строительстве крупнейших промышленных объектов в Сибири. С именем В. Дрозденко, сменившего на посту руководителя украинского комсомола Г. Шевеля, связаны успехи молодежи в широкомасштабном ее шефстве над крупнейшими объектами промышленности и сельского хозяйства, и прежде всего — сооружением новых 37 угольных шахт в Донбассе, ставших комсомольскими стройками. Талантливым вожаком молодежи проявил себя и Ю. Ельченко, приняв эстафету от которого в качестве руководителя комсомола, я стремился сполна использовать его богатейший опыт честного и добросовестного служения порученному делу, справедливого и внимательного отношения к людям, бескорыстия и человеческой порядочности.

Комсомольский сюжет моей жизни хочу закончить напоминанием об одном историческом факте, свидетельствующем об истоках зарождения комсомола. Как известно, в настоящее время в сознании людей прочно закрепился журналистский штамп о том, что комсомол — это порождение советской системы. Оставив в стороне «перекося» в трактовке советского прошлого (это тема отдельного разговора) обратим внимание на другое: в данном случае истина состоит в том, что комсомол зарождался не на советской почве, а еще в условиях царской России в виде союзов рабочей молодежи, а затем оформился в единую организацию в 1918 году на первом съезде РКСМ. И первоначально он свою деятельность по отношению к партии строил по принципу партнерства и независимости. Такое уточнение необходимо, чтобы подчеркнуть в данном случае крайне существенный момент: возникшие еще в дореволюционное время союзы рабочей и союзы крестьянской моло-

дежи явились ответом на острые социальные проблемы молодежи (безработица, политическое бесправие, нищета, безграмотность и т. д.); молодежь в этих союзах увидела надежного защитника своих прав и свобод, а также трибуну для проявления своей гражданской ответственности и политической активности. Развалился же комсомол под сокрушительными ударами горбачево-ельцинского геростратизма, когда, выражаясь словами В. В. Путина, сказанными применительно к другой ситуации, не удалось «отделить котлеты от мух». А сегодняшние молодежные проблемы — социальные, политические, гуманитарные — не менее остры, чем в далеком прошлом. И неолиберальный лозунг о том, что рынок сам отрегулирует все проблемы жизни, в том числе и молодежные проблемы, не только не верен, но и крайне социально опасен. Рынок, например, (наряду с административным ресурсом) фактически регулирует процедуры избрания в законодательные органы страны, в том числе и парламент. И сколько в нем молодых рабочих, молодых крестьян, молодых инженеров, врачей — (вопрос риторический)?! Рынок все больше и больше завоевывает студенческое пространство, когда все меньшими и меньшими становятся шансы поступления в ВУЗ выпускников периферии (за исключением семей толстосумов). Рынок привел к тотальному уничтожению молодежной инфраструктуры для проведения работы по интересам, организации досуга — молодежные и пионерские лагеря, дворцы молодежи, дворцы пионеров, система профессиональной ориентации и т. д.

Перечень этих «почему» — бесконечен. И что взамен? Стихия рыночных и либеральных отношений с размытыми представлениями об этических ценностях, с культом безнравственности и вседозволенности, с процветанием наркомании, проституции... Одна из причин (далеко не единственная) такого состояния молодежной среды — отсутствие общенациональной консолидации, общенациональных, собственно молодежных рычагов защиты интересов молодежи. Существующие же ныне молодежные формирования, несмотря на их многочисленность, такой объединяющей силой не обладают, более того они воплощают в себе дробление молодежного сегмента социума на основе групповых интересов и часто поют с «чужого голоса».

Отмечая 100-летие комсомола и 50-летие института социологии

*Celebrating the 100 anniversary of Komsomol
and the 50 anniversary of institute of sociology*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

PAGES OF HISTORY OF REVIVAL OF SOCIOLOGY

Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, Заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия, chuprov443@yandex.ru
Chuprov Vladimir, doctor of sociological sciences, professor, chief researcher of department of sociology of youth Institute of socio-political researches of RAS, Honored worker of science Russian Federation, Moscow, Russia, chuprov443@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена 50-летней годовщине создания Института социологии РАН и 100-летию комсомола. В ней рассматриваются события, связанные с возрождением социологии в 60е–80-е годы, в которых комсомол сыграл заметную роль. Они позволяют современному читателю лучше понять условия, в которых происходил процесс возрождения социологической науки. В статье показано, как этому процессу способствовал энтузиазм ученых, как на его основе создавались общественные социологические центры и научные подразделения, в т. ч. Институт социологии АН СССР, как формировались кадры социологов в отсутствие в стране социологического образования, как идеологические доктрины трансформировались в исследование реальных социальных проблем. Не случайным в тот период оказалось доминирование в социологических исследованиях молодежной проблематики, и активное развитие отечественной социологии молодежи. Это свидетельствует, что возрождение социологии сопровождалось становлением отраслевых социологических дисциплин.

Abstract. The article is devoted to the 50th anniversary of the Institute of sociology of RAS and 100th anniversary of Komsomol. It examines the events associated with the revival of sociology in the 60s-80s, in which the Komsomol played a significant role. It assists to better understanding the conditions in which the process of the revival of sociological science in Russia took place. The article shows how the enthusiasm of soviet scientists contributed to this process, and how public sociological centers and scientific units were created on its basis. The Institute of sociology of the USSR Academy of Sciences was one of them. Article

also describes how the staff of sociologists was formed in the absence of sociological education in the country, and how ideological doctrines were transformed into the study of real social problems. It was no accident that the dominance of youth issues in sociological research and the active development of the national sociology of youth turned out to be at that time. This indicates that the revival of sociology was accompanied by the formation of different sociological disciplines.

Ключевые слова: возрождение социологии, комсомол, молодежные проблемы социология молодежи, теории молодежи,

Key words: revival of sociology, Komsomol, youth problems, youth research, sociology of youth, theories of youth

В 2018 году отмечаются две круглые даты — пятидесятилетие института социологии и столетие комсомола. Поводом связать эти даты послужили события, которые сопутствовали возрождению социологии в 60-е-80-е годы. Так случилось, что комсомол сыграл в них заметную роль.

В эти годы политическая «оттепель», наступившая после XX съезда КПСС, все больше распространялась во всех сферах общественной жизни, в т.ч. и в науке. После длительного периода непризнания социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины появились первые попытки проведения социологических исследований: в Москве (Б.А. Грушин, Ю.А. Замошкин, Г.В. Осипов), в Ленинграде (А.Г. Здравомыслов, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов), в Свердловске, (Ю.Е. Волков, Л.Н. Коган, В.Г. Мордкович, М.Н. Руткевич), в Новосибирске (В.Н. Шубкин, В.А. Устинов), в Перми (З.И. Файнбург). Появились первые труды, содержащие результаты этих исследований. В научных журналах велась дискуссия о предмете социологии. Эти первые шаги ознаменовали начало нового периода, названного впоследствии ренессансом отечественной социологии [1].

Однако препятствий в проведении исследований, особенно в регионах, было еще много. Партийные руководители, хотя на словах и провозглашали необходимость открытости, решительной борьбы с недостатками, на деле готовы были объявить любого в ревизионизме, если он, по их мнению, отклонялся от линии партии. Допускалась критика так называемых отдельных недостатков, но пресекались любые попытки их обобщения, в том числе и социологическими методами. И, уж конечно, выстраивались всяческие препоны при попытках создания структурных социологических подразделений.

В этих условиях в сентябре 1964 г. группа молодых ученых и аспирантов в составе В. Васильева, А. Кулагина, В. Мордковича, В. Чупрова, В. Шубкина обратилась в ЦК ВЛКСМ с предложе-

нием поддержать их инициативу о возрождении отечественной социологии. Под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Ю.В. Торсуева было подготовлено письмо на имя Первого Секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева с обоснованием важности развития социологических исследований в стране и об использовании их для практики воспитательной работы с молодежью. Со слов Первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова, вручившего письмо Н.С. Хрущеву, «Никита Сергеевич, прочитав ваше письмо, сказал, — не знаю нужна ли социология, но пусть комсомол попробует. Ваше дело молодое, получится, распространим Ваш опыт». В декабре 1964 года, в ЦК ВЛКСМ была создана группа социологии.

Сам факт создания в структуре центрального органа в Москве социологического подразделения имел громадный эффект, т.к. послужил важным прецедентом для институционализации социологии. В разных городах, преимущественно на базе вузовских кафедр общественных наук, стали создаваться общественные институты, лаборатории, центры для проведения социологических исследований.

Социологическая группа ЦК ВЛКСМ первоначально состояла из трех человек: В. Васильева (руководитель), А. Кулагина и В. Чупрова. В дальнейшем, примерно через два года, в нее включились, сначала Э. Абгарян, В. Григорьев, Т. Порфирьева, а позднее В. Бовкун, Б. Владимиров и Г. Журавлев, впоследствии, возглавивший эту группу.

Были обозначены первоочередные направления в ее работе: разработка в сотрудничестве с учеными методического обеспечения и проведения социологических исследований проблем молодежи; организация региональных социологических служб по молодежной проблематике и координация их работы; подготовка кадров социологов для этих служб.

В условиях отсутствия социологического образования в стране реализация этих направлений работы упиралась, прежде всего, в недостаток профессиональных кадров и социологической литературы, особенно по методике и технике социологических исследований. Для решения этих проблем, по линии бюро международного молодежного туризма «Спутник» были направлены специализированные туристические группы молодых ученых в крупнейшие университетские и социологические центры в Англии, Болгарии, Германии, Италии, Польше, во Франции для изучения опыта проведения социологических исследований. Перевод на русский язык привезенной ими социологической литературы осуществлялся студентами Института иностранных языков под руководством пре-

подавателей. Эта работа была включена в учебный план. Возглавил ее С.Н. Плотников. Размноженные переводы распространялись среди социологов.

В феврале 1965 г., Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «Об участии комсомольских организаций в проведении конкретных социальных исследований по вопросам воспитания молодежи». В нем, в частности, содержалась рекомендация создать при ЦК ВЛКСМ союзных республик, обкомах и горкомах комсомола общественные институты молодежных проблем на базе существующих кафедр и лабораторий высших учебных заведений. Это не могло не дать свои результаты и явилось мощным стимулом для организации в стране сети социологических подразделений по исследованию молодежных проблем. Организация и координация этой работы осуществлялась группой социологии ЦК ВЛКСМ.

Группа сразу же стала центром вокруг которого объединились многие ученые — энтузиасты социологии. Они активно участвовали в подготовке социологических кадров в регионах, в проведении социологических исследований, в обобщении их результатов и в подготовке информационных материалов, направляемых в партийные и государственные органы, в организации семинаров, круглых столов, конференций. Уже через год в стране насчитывалось более 40 общественных институтов, занимающихся в сотрудничестве с комсомольскими органами изучением проблем молодежи. Наиболее активная работа проводилась в Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Перми, Иркутске, Красноярске, Воронеже. К концу 60-х гг. только в системе комсомольских органов в 120 городах страны действовало более 400 социологических лабораторий, отделов, групп, изучающих проблемы молодежи. Над молодежной тематикой работали около 2 тыс. преподавателей кафедр общественных наук ВУЗов, научных и практических работников. Ежегодно проводилось до 300 социологических исследований по самым разным проблемам молодежи.

Широкое распространение получили исследования жизненных планов молодежи. В Белоруссии, в Литве и в нескольких городах России Н.В. Андреевской были проведены исследования проблем социализации подростков. На Украине изучались проблемы общественной активности молодежи (А.С. Капто). В Новосибирске — проблемы профессиональной ориентации учащейся молодежи (В.Н. Шубкин). В Свердловске исследовались проблемы молодежной культуры (Ю.Р. Вишневский, Л.Н. Коган), досуга молодежи (Г.Е. Зборовский), ее социально-политической активности (В.Г. Мордкович). В Ленинграде были проведены исследова-

ния добрачной половой морали молодежи (И.С. Кон, С.И. Голод). В Ростовской области проводились исследования среди студенчества (Г.И. Герасимов, Ю.С. Колесников, Б.Г. Рубин). Результаты социологических исследований публиковались в центральных и местных молодежных газетах, журналах, в издательстве «Молодая гвардия».

Одно из первых комплексных исследований социального облика молодежи, было проведено в 1966 году к XIV съезду ВЛКСМ на основе всесоюзной выборки в 15 союзных республиках (Ю.В. Торсуев, В.Г. Васильев, А.С. Кулагин, В.И. Чупров). Оно позволило получить обоснованное представление о социальном составе этой социально-демографической группы, определить специфику различных категорий молодежи. Результаты этого и других исследований легли в основу централизованной системы сбора и анализа социологической информации в стране по проблемам молодежи. Этому во многом способствовало создание вычислительного центра на базе Высшей комсомольской школы.

В 60-е гг. в системе Академии наук и Министерства высшего и среднего специального образования СССР создаются научные подразделения для изучения различных молодежных проблем. В 1962 г. — в Институте истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР — сектор по проблемам профессиональной ориентации учащейся молодежи (зав. сектором В.Н. Шубкин). В 1965 г. — в Уральском университете — лаборатория по исследованию жизненных планов молодежи (зав. лабораторией декан философского факультета М.Н. Руткевич). В 1968 г. — в Институте комплексных социальных исследований Ленинградского государственного университета — лаборатория по проблемам воспитания студенчества (зав. лабораторией В.Т. Лисовский). В 1969 г. — в реорганизованной на базе ЦКШ Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ (ректор Н.В. Трущенко) — кафедра конкретных социологических исследований (заведующий В.А. Смирнов), социологическая лаборатория (заведующий В.П. Култыгин), а также три научных отдела: труда молодежи (В.И. Мухачев), истории комсомола (В.К. Криворученко), международного молодежного движения (В.П. Мошняга). Результатом тесного сотрудничества группы социологии ЦК ВЛКСМ с этими подразделениями стала разработка новых теоретических подходов к изучению молодежи.

Большую роль в организации творческих контактов между социологами и в координации исследований играли многочисленные научные и научно-практические конференции, проводимые комсомольскими органами, совместно с научными учреждени-

ями. Например, международная конференция «Молодежь и социализм» (май 1967 г.), проведенная ЦК ВЛКСМ, Академией наук СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР, ставшая по общему признанию ее участников, заметной вехой в развитии отечественной социологии молодежи. Она позволила обобщить существующие теоретические подходы к изучению молодежи, определить дальнейшие направления социологических исследований ее актуальных проблем: формирования мировоззрения молодежи; всестороннего развития личности молодого человека; общественно-политической активности и отношения к труду; расширения прав и участия ее в управлении делами общества и государства; досуга и физического развития; реализации жизненных планов рабочей, сельской, учащейся и студенческой молодежи.

Своим становлением в это период социология молодежи во многом обязана Г.М. Андреевой, В.К. Бакшуту, Н.М. Блинову, В.Н. Борязу, Ю.Е. Волкову, Б.А. Грушину, А.В. Дмитриеву, А.Г. Здравомыслову, Ю.А. Замошкину, С.Н. Иконниковой, А.С. Капто, В.М. Квачахия, Л.Н. Когану, И.С. Кону, Г.Г. Квасову, В.Т. Лисовскому, Н.С. Мансурову, В.Г. Мордковичу, В.Б. Ольшанскому, А.Г. Спиркину, В.А. Устинову, З. И. Файнбургу, Ф.Р. Филиппову, А.Г. Харчеву, В.И. Староверову, В.П. Тугаринову, Г.И. Хмаре, А.И. Шендрику, В.Н. Шубкину, В.А. Ядову и многим другим социологам, которые тесно сотрудничая с группой, способствовали развитию теории и методики этой отрасли социологического знания.

Сформировался взгляд на молодежь как относительно самостоятельную социальную группу, разрабатываются различные концептуальные подходы к социологическому определению ее сущности. В них выделяются в качестве группообразующих признаков: прохождение стадии социализации (В.Т. Лисовский); социально-демографические и социально-психологические характеристики (С.Н. Иконникова); особенности социального положения, обусловленные возрастом (И.С. Кон); субкультурные характеристики (А.И. Шендрик).

Существенно расширились в эти годы международные связи в изучении молодежной проблематики. Этому способствовали творческие контакты с такими зарубежными социологами, как Леопольд Розенмайер (Австрия), Иван Велев, Петр Митев, Минчо Семов, Коста Господинов (Болгария), Вальтер Фридрих, Курт Штарке, Ута Штарке, Хельмут Шельский, Рудольф Майер, Инго Рихтер (Германия), Золтан Бекели (Венгрия), Джеймс Риордан, Кристофер Вильямс (Великобритания), Владислав Адамски, Рычард Дьонизяк (Польша),

Владимир Дубский (Чехия), Ладислав Махачек (Словакия), Овидиу Бадина, Фред Малер (Румыния). Важное значение для развития социологии молодежи в те годы имели международные конференции, семинары, круглые столы, проводимые с социологами Болгарии, ГДР, Венгрии, Румынии, Чехословакии, ставших регулярными. Ежегодно проводились международные симпозиумы в Варне и в Приморско (Болгария), на которых обсуждались актуальные проблемы молодежи. Доклады и выступления публиковались в сборниках, которые распространялись в странах участников.

Предпринимались меры, направленные на совершенствование законодательства о молодежи. В 1968 г. ЦК ВЛКСМ вышел с инициативой принятия Закона о молодежи. Под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Ю.В. Торсуева и доктора юридических наук, проф. М.Г. Кириченко был подготовлен проект закона. Хотя он не был принят в полном объеме, получили поддержку содержащиеся в нем статьи о Комиссиях по делам молодежи Верховного Совета Союза ССР и Верховных Советов союзных республик. Учреждение таких комиссий стало важным шагом в создании в дальнейшем служб государственной молодежной политики.

Знаковым событием, повлиявшим на дальнейшее развитие отечественной социологии, стало создание в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР (директор академик А.М. Румянцев). Это стало возможным, в том числе, благодаря энтузиазму его основателей. ЦК ВЛКСМ был в числе организаций, поддержавших идею создания института. Молодежная проблематика была представлена в исследованиях, проводимых учеными института: Н.М. Блиновым — проблемы труда, С.Н. Быковой, В.А. Мансуровым, В.Ф. Сбытовым — проблемы молодой интеллигенции; В.И. Староверовым — проблемы сельской молодежи; Д.Л. Константиновским — проблемы образования, Ф.Р. Филипповым — проблемы социальной мобильности молодежи. В 1973 г. в институте социологических исследований АН СССР создается лаборатория по изучению социальных проблем студенческой молодежи (зав. лаб. В.И. Чупров, с 1976 г. В.А. Мансуров). На основе накопленного эмпирического материала разрабатывались частные социологические теории молодежи, а также других отраслей социологии.

В середине 70-х гг. был создан Совет по координации научных исследований проблем молодежи ЦК ВЛКСМ и Академии педагогических наук СССР. Практическая работа по обеспечению деятельности Совета сосредоточилась в НИЦ ВКШ (И.М. Ильинский).

В начале 1980-х гг. наметился переход от разрозненных исследований различных проблем молодежи к осуществлению фунда-

ментального социологического изучения этой социальной группы. Конкретные меры, направленные на решение данной задачи, содержались в принятом в 1984 г. постановлении Секции общественных наук Президиума АН СССР «О развитии научных исследований проблем молодежи». Важно подчеркнуть, что данное постановление было направлено на исполнение постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышения его роли в коммунистическом воспитании молодежи», принятое в 1984 г. В институте социологических исследований АН СССР (переименованным в 1972 г. ИКСИ) создается сектор социальных проблем молодежи (заведующий сектором В.И. Чупров). Разработанная в секторе концепция социального развития молодежи получила одобрение в результате обсуждения на расширенном заседании Отделения философии и права АН СССР под председательством академика В.Н. Кудрявцева (совместное заседание Отделения философии и права АН СССР, Ученых советов академических институтов: Института философии, Института государства и права, Института психологии, Института социологических исследований, а также НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ состоялось 14 января 1985. г. Обсуждался доклад заведующего сектором ИСИ АН СССР Чупрова В.И. на тему: «Актуальные проблемы социального развития советской молодежи»). Дальнейшая разработка теоретических основ социологии молодежи в секторе была связана с переходом от монопарадигмального подхода, в соответствии с которым молодежь рассматривалась как пассивный объект воздействия со стороны общества, к полипарадигмальному, когда предметом исследования становилась ее социальная субъектность. Разрабатываемые в этот период частные социологические теории молодежи способствовали развитию общей социологии.

Таким образом, творческое сотрудничество ученых с комсомольскими организациями в эти годы в исследовании молодежных проблем и в становлении отечественной социологии молодежи сыграло важную роль в возрождении социологической науки в стране.

Библиографический список

1. Капто А.С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. Изд-во: «У Никитских ворот», 2018.

КОМСОМОЛ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

KOMSOMOL: A LOOK FROM THE 21ST CENTURY

Рогачев С.В., зав. сектором ИСПИ РАН, д. э. н., профессор
Rogachev Sergey, Doctor of Economic Sciences, the Head of Social and
Political Risk Research Methodology Department at the Center of Social
Security and Risk study, The Institute of Socio-Political Research of the Russian
Academy of Science, rogachev33@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется положительный и негативный опыт деятельности комсомольских организаций, отношения КПСС и комсомола, характеризуется комсомольский актив и комсомольские работники.

Abstract. The article analyzes positive and negative experience of the Komsomol organizations, the relation between CPSU and the Komsomol, characterized by the Komsomol activists and Komsomol workers.

Ключевые слова: комсомол, КПСС, комсомольские стройки, идеологическая работа, организационная структура.

Keywords: Komsomol, CPSU, Komsomol construction projects, ideological work, organizational structure.

Сегодня страна отмечает вековой юбилей КОМСОМОЛА. Юбилей самой массовой, влиятельной и эффективной молодежной организации в истории нашей страны и не только.

Первые годы XXI века стали годами смены исторических эпох. На глазах кардинально меняется философия жизни. Активно формируются новые смыслы, ценности, идеалы. В этой динамично разворачивающейся социально — политической реальности исключительно важно объективно без «придыхания» и охаивания проанализировать и осмыслить с высоты сегодняшнего дня богатейший опыт комсомола и сделать необходимые выводы для теории и практики. Керченская трагедия октября 2018 г. дала особый импульс таким сравнениям, резко актуализировала эту проблематику.

В динамично развивающейся революционной обстановке 1917 года идея создания молодежной организации большевистской ориентации молодежи витала в воздухе. В первые ее публично сформулировала Н.К. Крупская в статье «Как организовать рабочей молодежи?». («Историк» № 10 октябрь 2018 г. С. 68).

В концентрированном виде идеология революционной организации молодежи в условиях построения коммунизма была сформу-

лирована В.И. Лениным в выступлении на третьем съезде РКСМ. Это была идеология созидания, ориентированная на строительство коммунизма. «Только в работе вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом». «Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического — общества». Таковы были главные идеи съезда. На всем вековом протяжении жизнедеятельности комсомола в той или иной модификации материалы третьего съезда были идеологической основой деятельности комсомола. Выступление В.И. Ленина на съезде было весьма своевременным, так как были другие претенденты на роль идеолога молодежи, например — Л. Д Троцкий.

В начале 20-х годов сложились организационные основы деятельности комсомольских организаций. Возраст — с 14 до 28 лет, советское гражданство, независимо от пола и национальности. Такая широкая организационная структура позволяла осуществить широкий охват молодежи. Но она имела и свой недостаток. Разброс в 14 лет в молодом возрасте весьма существенен. Одно дело интересы, цели и жизненный опыт в 14 лет, другое — в 28 лет, при равно правом голоса. Одно дело школьная комсомольская организация, другое — комсомольская организация завода или воинской части. Дифференцированный подход осуществить удавалось не всегда.

Тем не менее массовость, безусловно, была и сильной стороной комсомола. И его численность быстро возрастала. В 1918 г. — 22100 человек. В 1925 г. — уже 1140701. В 1941 (предвоенном — 10387852. Во время войны потери комсомола были значительны. Однако уже в 1950 г. численность комсомольских организаций вновь составила 10512385 человек. Наибольшую численность комсомол имел в 1984 г. — 42010065 человек. Затем она начала сокращаться и в 1991 г. сократилась до 23651510 человека. (См. Политическая энциклопедия, т. 1, М. 1999 г.).

Героические страницы истории комсомола неразрывно связаны с годами Гражданской и Великой Отечественной войн. По неполным данным в 1918–1920 гг. комсомол направил в Красную Армию 7,5 тыс. своих членов. В боях гражданской войны участвовало около 200 тыс. комсомольцев. В 1941–45 гг. в ВЛКСМ вступило около 12 млн. юношей и девушек. Многие из них пали смертью храбрых. 3,5 тыс. комсомольцев стали Героями Советского Союза, 60 — дважды. (Политическая энциклопедия т. 1, С. 235. 1999 г.).

Сегодня в условиях господства товарно-денежных отношений, потребительства, экономического эгоизма многим кажется странным феномен участия молодежи в бурной хозяйственной жизни

страны, энтузиазм участия, пренебрежение трудностями. Волховская гидроэлектростанция, а затем — «Магнитка», «Бам», «Целина» и многое, многое другое.

Все это были крупнейшие, как теперь принято говорить, прорывные проекты. Однако были и другие, не такие масштабные, но жизненно важные для страны. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 г. резко поставил вопросы развития сельского хозяйства, обозначил стратегические пути их решения. Комсомольские организации активно включились в эту работу, как в масштабах всей страны, так и в республиках, краях, областях и районах. Так, Подмосковский комсомол брал на себя заботу по превращению столичной области в сад. И, действительно, каждый год появлялись новые посадки яблонь, вишен, слив. Большое внимание комсомол уделял молодым животноводам, организации среди них соревнования. На фермах-победителях зажигались звезды, учреждались специальные премии. Было много шуток и анекдотов по поводу кукурузы. Может быть, где-то она и не прижилась. Но в Подмосковье стала востребованной кормовой культурой. И это сделал комсомол.

С позиции сегодняшнего дня, надо самокритично признать, что комитеты комсомола: ЦК ВЛКСМ, областные, районные комсомольские организации непросто мало уделяли внимание социальным проблемам молодежи, в т. ч. молодым животноводам, условиям их труда. Главным были высокие производственные показатели. Молодость и энтузиазм компенсировали эти просчеты.

Особого рассмотрения заслуживает проблема взаимодействия партии и комсомола, тем более, что вокруг нее накопилось много домыслов и мифов.

История комсомола свидетельствует, что в первые годы эти отношения провозглашались, как отношения солидарности. Солидарность трактовалась как независимость в организационном отношении, коммунистические в своей деятельности. В дальнейшем принцип самостоятельности деятельности комсомола при идейном руководстве коммунистической партии в различных программных и директивных документах партии и комсомола в разных редакциях провозглашался неоднократно.

Так, в 1919 г. в совместном директивном письме ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ комсомол определялся, как автономная организация, со своим Уставом, но работающий под контролем партии. А шестой съезд РСДРП(б) отметил: Вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи должно носить характер опеки над ней. Стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создавала самостоятельные объединения, организационно

не подчиненные, а только духовно связанные с партией. (История № 10 2018 г. С.68). Позже, в 1939 г. в уставе ВКП(б) в разделе «Партия и комсомол» подчеркивалось политическое руководство партии. (История № 10, 2018 г. С. 68).

Во многих документах партии и комсомола говорилось о роли комсомола как помощника и резерва партии. Провозглашался принцип: «Помогать комсомолу — это помогать себе». В 60–70 годы существовал принцип приема молодежи в партию только через комсомол. Конечно, были случаи не внимательного отношения партийных комитетов и организаций к комсомолу, бывали и случаи заорганизованности. Но в целом без партийного внимания, без партийной поддержки комсомольские организации не смогли бы так успешно осуществлять свою деятельность.

Конечно, у каждого из нас, комсомольских активистов, свой опыт — свой опыт взаимодействия с партийными комитетами. Лично я с большой благодарностью вспоминаю первого секретаря Райисполкома КПСС коммунистического района Московской области Михаила Петровича Зубова и первого секретаря Дмитровского горкома КПСС Соколова Павла Дмитриевича. Обоих их отличали обостренное чувство нового, высокий профессионализм, повышенная требовательность и вера в энтузиазм и возможности комсомола. Что касается поддержки наших начинаний, то она была своевременной, достаточной и жесткой. Работать было трудно, но интересно.

Нередко в СМИ и кинофильмах комсомольский работник показан не далеким бюрократом, молодым чинушей. Такой выработался журналистский штамп. Наверное такие были, но их было не много. Большинство комсомольских работников были активные, энергичные, грамотные, инициативные молодые люди, верящие в востребованность своей работы. Комсомольские собрания, как правило, отличала заинтересованность общего дела.

Особо надо остановиться на периоде «перестройки». Это был не простой период для понимания развивающейся ситуации и людей более опытных, а тем более молодежи. Формировались новые ценности и интересы. «Погоду» начал определять рынок. Некоторые молодые люди старались не отставать от жизни. Под маркой комсомола работало 17 тыс. кооперативов, 700 молодежных МЖК, Центов молодежного творчества. Стали «рождаться» будущие миллионеры (например, Ходорковский, Прохоров и др.). Однако основная масса молодежи не нашла себя в новой реальности. В 1991 г. численность комсомола сократилась до 23 651 510 человек. (По сравнению с 1984 г. почти вдвое). Хорошо помню, как нас

группу бывших комсомольских работников — ученых пригласил в ЦК КПСС секретарь ЦК Е.К. Лигачев. Партия обеспокоена состоянием дел в комсомоле. Подумайте, какие меры надо предпринять для улучшения дел в комсомоле. Мы подумали. Но скоро партии стало не до комсомола.

27–28 сентября на XX съезде ВЛКСМ завершилась деятельность комсомола.

Комсомол оставил стране богатейшее наследие. Это: уникальные промышленные объекты, построенные с активнейшим участием молодежи, многие из которых действуют до сих пор. Это: БАМ. Это: поднятые целинные земли. Это: город Комсомольск и многое, многое другое. Это: уникальный опыт работы с молодежью, опыт положительный и негативный. Оба они важны и должны быть осмыслены и использованы.

Главный, концептуальный вопрос: в чем была сила комсомола? Полагаю можно отметить ряд факторов.

Во-первых, соединение в деятельности комсомола выполнения крупных, часто уникальных задач и выполнение повседневной работы. Были масштабные стройки, но были сбор металлолома. Все они составляли общий, интегрированный результат, которым комсомол гордился.

Во-вторых, деятельность молодежи имела высокую цель. Да, члены студенческих отрядов за освоение целинных земель получали деньги. Но это было вторично. Они ехали решить злободневную проблему, продовольственную проблему в стране. Да, за собранный металлолом полагалась оплата. Но соревнование было не за величину заработка, а за количество собранного металла, который крайне был нужен стране. И такая значимость труда была очень важна для молодого человека.

В-третьих, широко практикуемое отношение коллективизма. Коллективные формы принятия решений. Коллективная ответственность за принятие обязательств. Коллективные формы организации труда не только на крупных стройках, но и в повседневной жизни. Была ответственность руководителя перед коллективом.

В-четвертых, широкий комплекс решаемых проблем, среди которых: производственная деятельность, политическое просвещение, спорт, культура, бытовые проблемы. Другими словами, в зоне внимания и ответственности был, практически, весь цикл жизнедеятельности молодого человека.

За вековую историю своей деятельности комсомол имел не только успехи, но и ошибки, просчеты и недоработки. Главными из них представляются следующие.

Идеология комсомола была ориентирована на марксистско-ленинские ценности. Но при этом в ней значительное место занимали элементы традиционализма, переходящие иногда в догматизм. Поэтому на крутых поворотах истории комсомол не всегда мог вписаться в новые парадигмы изменений. Так было в период доминирования фактора гласности и в период развития шокотерапии.

Положительной была роль демократического централизма. Но он сыграл и негативную роль. Имело место значительная специфика, например школьных, сельских и заводских комсомольских организаций. Отразить их специфику в принципах и структуре деятельности организаций и комитетов не удалось.

Значительные различия были в уровне идеологической и организационной работы между крупными и малыми комсомольскими организациями. Для устранения этого противоречия предпринимались усилия. Например создавались кустовые советы, учреждались должности внештатных секретарей райкомов и горкомов. Но проблему дифференциации это кардинально не решило.

Комсомол был массовой организацией и по праву гордился этой массовостью. Но иногда желание увеличить численность превращались в самоцель. Будучи первым секретарем Дмитровского горкома комсомола, я ежемесячно докладывал о состоянии приема в комсомол. А Обком докладывал в ЦК ВЛКСМ.

И уже отмечалось, что комсомол мало внимания уделял решению социальных проблем молодежи, надеясь на молодость и энтузиазм.

Мы все надеемся, российское общество будет результативно развиваться и осуществить технологический прорыв. Но для этого оно должно вспомнить о комсомоле, создать аналогичную организацию, учитывая его сильные и слабые стороны.

**ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СФЕРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

TRANSFORMATION OF THE INFORMATION SPHERE OF CIVIL SOCIETY

Левашов В.К., Доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия (analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru)

Levashov Victor Doctor of sociological sciences, head of the Center strategic social and socio-political researches Institute of socio-political researches of RAS, Moscow, Russia

Аннотация. Автор анализирует влияние новых явлений в цифровой экономике и информационной сфере на структуру и характер развития гражданского общества. В настоящее время развитие цифровой экономики ведет к росту материальных и духовных диспаритетов в глобальном и региональном аспектах. Неолиберальная информационная сфера не отвечает новым общественным потребностям, продолжает выполнять функцию управления в интересах сходящих элиты. По факту она дисфункциональна для социальных демократий.

Abstract. The author analyzes the impact of new phenomenas in the digital economy and information sphere to the structure and nature of civil society. Currently, the development of the digital economy leads to the growth of material and spiritual disparities in the global and regional aspects. The neo-liberal information sphere does not meet the new social needs and continues to perform the management function in the interests of the old elite. In fact, it is dysfunctional for social democracies.

Ключевые слова: глобальное гражданское общество, информационная сфера, информационное общество, цифровая экономика, дисфункции глобальной инфосферы, постправда, устойчивое развитие.

Key words: global civil society, information sphere, information society, digital economy, dysfunctions of the global infosphere, post-truth, sustainable development.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00289 Социологический мониторинг «Социально-политические риски устойчивого развития российского общества в условиях кризиса и санкций» и РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), грант № 17-03-00557-ОГН «Социологический мониторинг фундаментальных и актуальных проблем развития гражданского общества в России».

Информационная сфера: генезис, определение, дисфункции

В современном мире в условиях становления нового технологического уклада вольно или невольно все мы становимся участниками великого цивилизационного процесса — ускоренного формирования глобального гражданского общества и его информационной сферы на вечных принципах эволюционного развития природы, общества и человека. Общество всемирного разума, которое предсказывал академик Вернадский В.И., постепенно становится социальной реальностью: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — *всех и каждого* — и *свободной мысли личности* определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [1]¹. Ноосфера (от др.-греч. νοῦς — разум и σφαῖρα — шар, дословно — «сфера разума») возникает как результат эволюционного развития взаимодействия общества и природы в котором человеческий фактор становится решающим в установлении гомеостаза на планете.

В науке, её понятийном аппарате и практической жизни антропологический и социальный аспект этого нового сложного явления пока остаётся на втором плане. С конца XX века в теоретических и эмпирических исследованиях общества чаще акцент делается на производственно-технологической стороне жизнедеятельности, учёные чаще говорят об информационном обществе. В таком обществе большинство граждан занято или связано с производством, хранением, переработкой и реализацией информации, её высшей в своей достоверности формы — научных знаний. В научный оборот вошло и используется понятие «общество знаний», что является ещё одним шагом к пониманию и исследованию сущностного качества нового состояния общества — созидательной деятельности человеческого разума по поддержанию устойчивого режима эволюции биосферы. Информация становится одним из главных факторов материального и духовного производства

¹ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. <http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/noos.html>

и жизнедеятельности глобального и локальных социумов. Информационные продукты и коммуникации связывают и интегрируют глобальную цивилизацию на принципах социокультурного многообразия и устойчивости саморазвития *биотехносоциальных* форм жизнедеятельности.

Однако было бы непростительной наивностью строить иллюзии о том, что цифровая экономика и её инновационные возможности массовых коммуникаций автоматически выводят цивилизацию на орбиту устойчивого мирного развития. Функционирование единой информационной сферы, определяется многообразием и противоречиями взаимодействия национальных информационных сфер. Созидательная культура мира и разрушительная культура войны и политического насилия стараются активно использовать средства массовых информационных и социальных и политических коммуникаций в своих стратегических целях. Норберт Винер отнёс информацию на уровень фундаментальных элементов и понятий мироздания: «Информация — это не материя и не энергия, информация — это информация» [2, С. 208]. Информация, как и энергия атома, обладает колоссальной созидательной и разрушительной силой. Растущие глобальные материальные и духовные неравенства ожесточают информационное противостояние бедного большинства и богатого меньшинства на планете и в отдельных странах.

Эти противоречия настолько существенны для российского общества и государства, что потребовали принятия «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», в которой и дано определение информационной сферы: «В настоящей Доктрине под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет»), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений»¹.

Сегодня мы наблюдаем и становимся невольными участниками грандиозной информационно-политической схватки, в которой сторонники консервации устаревших форм элитарной демократии активно используют методы массовых информационных манипу-

¹ См. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 декабря 2016 г. № Пр-646.

ляций. Политики и журналисты в США и Великобритании, аффилированные с неолиберальной финансовой олигархией и ВПК, разворачивают в инфосфере перед читателями и слушателями грандиозный политический спектакль против легитимного Президента США Д. Трампа, демонизируя в этих целях Российскую Федерацию, её политическое руководство и граждан. По накалу и масштабам реальных политических страстей, цинизму и лжи, коварству и предательству этот «информационный» спектакль начинает напоминать постановки гениальных пьес Шекспира в его легендарном театре «Глобус» на берегу Темзы. Символично, что у входа в этот один из первых в Лондоне профессиональных театров, зрителей встречала статуя Атланта, который поддерживал земной шар. Глобус опоясывала лента с надписью «Весь мир — театр», дословно — «Весь мир лицедействует». Похоже, в наши дни на очередном витке диалектического развития сомкнулась связь времён и многолетние апробированные практики реальной политики — «Realpolitik», в основе которой лежит прагматическая стратегия функционирования классового государства, начали фундаментально трансформироваться. В условиях объективно востребованного развития социальных демократий, сходящие со сцены неолиберальные элиты — творцы виртуальной финансовой экономики, стараются отсрочить свой уход и замещают в информационной сфере с помощью контролируемых СМИ и ИКТ достоверную информацию о реальности спектаклями виртуальной реальности.

Выиграв предвыборную кампанию с помощью коммуникационных возможностей социальных сетей, один из самых небедных президентов самой богатой страны на планете отчаянно защищается, пытаясь призвать печатные и электронные СМИ к выполнению своих функций, а журналистов и политиков к профессиональной порядочности. Пока не очень получается. Ситуация развивается по сценарию предложенному французским философом и социологом Ги Дебором, который считал, что современное общество превращается в общество спектакля и впереди нас ждёт диктатура массового потребления и тотальных политических репрессий [3]. Соскользнём ли мы в этот неолиберальный потребительский информационный ад? Какие уроки необходимо вынести российским демократическим и государственным институтам из нынешнего кризиса либеральной демократии и её инфосферы в США и в странах Запада в целом?

Следует признать, что в условиях становления глобального гражданского общества и перехода к информационно открытым публичным формам демократии глобальная информационная

сфера переживает кризис, запаздывание процессов трансформаций, которые выражается в дисфункциях институтов и средств массовой информации и коммуникации. Еще в середине XX века американские исследователи считали, что печатные и электронные СМИ, с одной стороны, все чаще становятся экономически зависимыми, а с другой — социально безответственными [4, pp. 78–79]. По их мнению, все чаще в работе либеральных СМИ стали проявляться накапливавшиеся десятилетиями противоречия. Они деформировали институт свободной и независимой прессы и электронных СМИ как в развитых, так и в развивающихся странах. Эти процессы происходили в силу ряда причин.

Во-первых, СМИ сосредоточили в своих руках огромные властные ресурсы, которые употребляются ими по собственному усмотрению. Владельцы СМИ тиражируют свои мнения, особенно в экономических и политических вопросах, дискриминируя мнения оппонентов.

Во-вторых, СМИ все чаще подпадают под контроль большого бизнеса и политиков, которые все жестче контролируют редакционную политику и содержание размещаемой информации.

В-третьих, СМИ оказывают сопротивление социальным переменам.

В-четвертых, СМИ часто отдают предпочтение сенсационной и поверхностной информации в ущерб текущей и актуальной. Развлекательность СМИ зачастую оборачивается бессодержательностью.

В-пятых, СМИ своей деятельностью угрожают общественной морали.

В-шестых, СМИ вторгаются в личную жизнь граждан без всяких на то причин и поводов.

В-седьмых, СМИ контролируются одним социоэкономическим классом — «бизнес-классом». Для новичков доступ в индустрию СМИ затруднен, поэтому свободный и открытый рынок идей оказывается под угрозой.

В дополнение к этим широко распространенным и давно действующим в глобальной инфосфере дисфункциям можно выделить еще несколько, которые все интенсивнее проявляются в последние годы.

Кризис элитарной формы демократии и стремление неолиберального меньшинства сохранить своё господствующее положение в государстве ведет к абсолютизации функции дезинформации. Происходит перерождение сущностного качества информации — достоверного отражения действительности и частичное превращение СМИ в институты социальной и политической манипуляции.

Мотивы и эффекты информационных манипуляций

Функция манипуляции вмонтирована и активно используется в политических технологиях, социальной и торговой рекламе. Как правило, подобного рода действия призваны ввести граждан в заблуждение и заставить совершить политический выбор не в своих и общества, а в ущерб им — в узкокорпоративных интересах. Власть неолиберальных элитарных демократий пытается продолжать формирование и контролировать информационную сферу, которая защищает право сильного и богатого. Такая неоконсервативная информационная сфера не отвечает новым общественным потребностям, но продолжает выполнять функцию управления в интересах элиты. По факту она дисфункциональна для демократии большинства — социальных демократий.

Кризис демократической культуры и масштабные кампании дезинформации востребовали так называемую постправду, в виде специально сконструированной квазиинформации, состоящей из фрагментов реальной информации, вымыслов, слухов и мифов. В этой функции недостоверная информация уже выступает не только как феномен межличностного общения, но и как инструмент инфосферы. Эпоха постмодернизма развернула теории и практики социокультурной жизни от реальности, системности и науки к виртуальности, хаосу и игре. Если еще недавно в общественном сознании подобная информация, как правило, несла на себе печать недостоверности, неправды, то в современных условиях социальные и политические акторы, контролирующие информационную сферу, стараются подать и использовать её как информацию особой, исключительной достоверности. Сегодня с известным допуском можно говорить о том, что вымысел в целях манипуляции всё чаще пытаются заставить исполнять роль правды. Тем более это легко сделать в условиях дозирования информации. Манипуляция заменяет социально эффективное управление, дезинформация — информацию, вымысел — правду и истину.

В инфосфере в условиях рыночных отношений вымысел, скандалы, мифы и слухи становятся товаром. Они продаются и покупаются. Их потребительная стоимость во многом определяется сенсационностью. Специализирующиеся на слухах PR-специалисты продумывают и осуществляют в иносфере кампании распространения сенсаций. В обществе спектакля, стимулирующем избыточное массовое потребление, скандалы и сенсации стали локомотивами успеха не только в шоу-бизнесе и рекламе, но и в политике и экономике.

Появление рубрик «Эксклюзивная информация», «Скандалы». «Сенсации», «Слухи» в прессе, теле- и радиопередачах, интернет-сайтах говорит о том, что на эти феномены сегодня возложена особая задача привлечения внимания пользователей информации к работе конкретного СМИ, канала телевидения, газеты, журнала, сайта, блога с целью повышения рейтинга обращения и соответственно гонораров от дорогой рекламы. В инфосфере возник порочный механизм симбиоза рекламы и недостоверной информации.

Как же оценивают достоверность передач российских радио, телевидения граждане страны? (см. табл. 1)¹.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете достоверность передач российских радио, телевидения, в которых рассказывается о событиях и жизни в стране?» (РФ, % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1995, I	1996, V	1997, I	1998, XII	2000, V	2002, XII	2003, X	2004, XI	2008, VII	2012, IV	2013, VI	2014, VI
В основном достоверно, правдиво показывают события	17	12	13	14	14	10	10	17	14	12	15	20
И достоверных и недостоверных передач почти поровну	42	49	42	44	48	54	57	50	53	45	46	50
В основном недостоверно, предвзято показывают события	18	23	25	27	25	25	22	21	20	36	30	20
Затруднились ответить	24	16	20	15	12	11	11	12	13	7	9	10

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

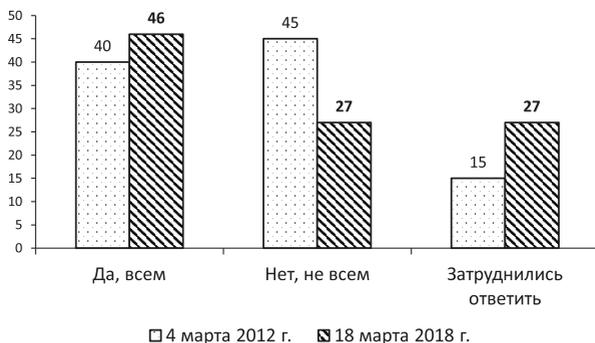
Как видно из представленных данных социологических исследований, уже на протяжении длительного периода времени — двадцати лет граждане достаточно критически оценивают достоверность передач российского радио и телевидения. Всего лишь 20% респондентов в мае 2014 г. заявляли, что передачи радио и телевидения о событиях и жизни в стране являются правдивыми. Половина опрошенных граждан указывают, что СМИ транслируют поровну достоверную и недостоверную информацию, 20% граждан считают, что радио и телевидение недостоверно освещают события [5, С. 50].

¹ Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», которые проводятся с участием автора Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга д. соц. н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население России.

Такая ситуация не может не сказываться на информационной сфере и реализации в ней одной из главных функций взаимодействия общества и государства — формировании органов и институтов управления. Обратимся к мнениям граждан о ходе предвыборных кампаний, проведении и результатах президентских выборов — важнейшего политического волеизъявления российского гражданского общества (см. диаграммы 1, 2).

Диаграмма 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы считаете, всем ли кандидатам в президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Диаграмма 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы, что выборы президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным)?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

На вопрос о том, всем ли кандидатам в президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ, граждане в 2018 году (46%) заметно позитивнее, чем в 2012 году (40%) оценили условия проведения предвыборной кампании [6, С. 35]. Ещё более позитивная динамика наблюдается по вопросу о том, считают ли респонденты, что выборы президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным)? Больше половины респондентов в 2018 году считают прошедшие выборы Президента РФ и их результат легитимными. Тогда как в опросе сразу после прошлых выборов так считало только 38% [7, С. 36].

Присутствовал ли феномен информационных манипуляций на последних выборах Президента РФ? Ответ на этот вопрос дают данные таблицы 2.

Таблица 2.

Мнение респондентов о том, кого из кандидатов во время предвыборной кампании незаслуженно критиковали в средствах массовой информации (телевидение, радио, пресса, интернет)? (РФ, май 2018. N = 1617. % от числа опрошенных)

Кандидаты	%
Грудинин П.Н.	21
Собчак К.А.	16
Путин В.В.	6
Жириновский В.В.	5
Явлинский Г.А.	4
Титов Б.Ю.	1
Сурайкин М.А.	1
Бабурин С.Н.	0
Незаслуженной критики не было	61

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Социологически значимыми стали ответы относительно пяти кандидатур участвовавших в этих выборах: Грудинин П.Н. (21%), Собчак К.А. (16%), Путин В.В. (6%), Жириновский В.В. (5%), Явлинский Г.А. (4%). Как видно из представленных выше данных, российские граждане достаточно определенно видят особенности и недостатки в работе отечественных СМИ. По своей структуре и формам проявления дисфункций отечественные СМИ совпадают в развитии с глобальными тенденциями. Гласность как порождение «кризиса правды» и сверхзадача работы СМИ по достовер-

ному отражению социальной реальности все больше становится востребованной в нынешних условиях [8, С. 37].

Социально-политические последствия распространения феномена недостоверной информации разрушительны и глубоко аморальны. Ложь, вымысел, полуправда не могут лежать в основе конструктивной деятельности институтов социального и политического управления в целях устойчивого развития. Слишком велики и зачастую трагичны издержки. Законы биологической и социальной формы движения материи предполагают достоверное информационное отражение среды. Научная информация, истина, правдивое отражение социальной реальности являются моральными и профессиональными императивами выстраивания успешной стратегии жизнедеятельности против меняющихся угроз и вызовов. Именно недостоверная информация, как показывает наука, пытается деформировать информационную сферу и является главной угрозой для эволюционно развивающихся устойчивых государств и обществ.

Последствия такой ситуации известны. Жизнь в её многообразии биологических и социальных форм не может возникать из недостоверной информации, которая является формой выражения хаоса и небытия. Она будет искать системные источники, опоры и средства своего будущего материального бытия и духовного производства. В том числе средства технологические, социальные и политические. Предпосылки этих позитивных изменений заложены и диалектически вызревают в самой информационной сфере. В этой связи, необходимо исследовать и понять мотивы и механизмы социально-политических процессов общества в США, в информационно-технологическом кильватере за которым во многих аспектах социокультурной жизни идёт российский социум.

Приход Д. Трампа в Белый дом по сути является результатом информационно-технологического конфликта и ещё одной победы социальных сетей «Интернет» над постмодернистскими СМИ. Стратегическое преимущество социальных сетей заключается в возможности осуществления функции персональной коммуникации, в отличие от традиционных массовых печатных и электронных СМИ, которые остаются односторонними трансляторами. Барак Обама успешно использовал Интернет для сбора средств в свой предвыборный фонд и понял организующую и мобилизующую силу Интернет. По его мнению: «Социальные медиа являются действительно мощным инструментом, благодаря которому люди с общими убеждениями могут объединиться, узнать друг о дру-

ге, но потом для них важно общаться вне интернета, встретиться в баре, в религиозных местах, в общинах, узнать больше друг о друге, потому что правда в том, что в интернете все упрощенное, а когда люди встречаются друг с другом, оказывается, что их взгляды очень запутаны»¹. Другими словами, интернет не обладает монополией на социальную истину, она рождается в многообразии практик человеческой деятельности, в том числе и межличностного, не опосредованного ИКТ общения.

Однако правда заключается и в том, что цифровые технологии не стоят на месте. Политические коммуникации диверсифицируются и приобретают новые формы и качества, которые позволяют гражданскому обществу на широкой социальной основе выстраивать эффективный гражданский контроль за властью, на основе верифицируемой по критерию достоверности информации. На старте этой эпической социальной информационной реконструкции еще трудно разглядеть контуры будущего. Мастер реалистической прозы XIX века, создатель теории точного слова Гюстав Флобер, считавший, что вне правды жизни нет прекрасного, видел диалектику этого процесса в том, что будущее тревожит нас, а прошлое держит, и поэтому настоящее ускользает. Сегодня цифровое будущее зовет и улыбается нам. Прошлое разрушительных войн, политического насилия и угнетающего для биосферы обогащения сопротивляется и тормозит развитие. И поэтому мы в том кратком миге, который и есть настоящая жизнь, обречены построить мост в цифровое гражданское будущее. Научные знания беспристрастно показывают, что этот процесс имеет объективный характер и, несмотря на сопротивление нелиберального технологического и политического прошлого, начинает в настоящем выстраивать социально ориентированный технологический базис и социально-политическую надстройку общества для будущих поколений.

На самом деле прорастание будущего в настоящем не останавливается никогда. Аналитическое агентство We Are Social и крупнейшая SMM-платформа Hootsuite, занимающаяся продвижением компаний, брендов или продуктов в социальных сетях подготовили отчет о глобальном цифровом рынке Global Digital 2018². Сегодня во всем мире интернетом пользуется более 4 миллиардов человек. Больше половины населения земного шара сегодня живёт в режиме онлайн. Две трети из 7,6 млрд мирового населения имеют мобильный телефон. Более половины из них относятся к классу «умных», которые предлагает интернет, где бы они ни находились.

¹ <https://inforesist.org/internet-opasen-tam-vse-uproshheno-barak-obama-dal-intervyu-printsu-garri/>

² См. <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/>

Вольно или невольно большинство населения на нашей планете уже участвует в строительстве цифрового моста из прошлого в будущее. Важно не поддаваться искушениям отживших во времени ценностей и страстей, по случайной ошибке или недомыслию не свалиться в хаос прошлого, как это уже не раз происходило с нашей страной. Наблюдая за тем, как мы сами в нашей стране в непростых условиях приняли своевременное волевое политическое решение, и этап за этапом строим реальный Крымский мост, есть надежда, что мост в цифровое будущее может быть построен на основе достоверной информации о единстве целей сохранения жизни для человека, общества и природы — гарантии устойчивого глобального гражданского общества.

Библиографический список

1. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р.К. Баландина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 576 с.
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине; или Кибернетика и общество / 2-е издание. — М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. — 344 с.
3. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. — М.: Логос, 2000. — 184 с.
4. Fred S. Gilbert, Theodore B. Peterson and Wilbur Schramm. Four Theories of Press (Urbana: University of Illinois Press, 1956).
5. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — 52 с.
6. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVII этап социологического мониторинга, май 2018 года. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. — 108 с.
7. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVII этап социологического мониторинга, май 2018 года. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. — 108 с.
8. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVII этап социологического мониторинга, май 2018 года. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. — 108 с.

Рубан Л.С.,
Ван Баодон

ЭНЕРГИЯ НА СЛУЖБЕ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ENERGY IN THE SERVICE OF INTEGRATION OF THE EURASIAN
ECONOMIC UNION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Рубан Лариса Семеновна, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник
Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия,
e-mail: Lruban@yandex.ru

Ван Баодон, заместитель директора отдела Средней Азии Китайской
корпорации по развитию технологий, Пекин, КНР, e-mail: boctok_001@163.com
Dr. Ruban Larissa Semenovna, Ph. d in Sociology, Professor, Head Researcher
Institute of the Socio-Political Researches, Russian Academy of Science, e-mail:
Lruban@yandex.ru

Wang Baodon, Deputy Director of Department of Central Asia of China
Petroleum Technology and Development Corporation (CPTDC), e-mail:
boctok_001@163.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние энергетического сектора и энергетического сотрудничества стран Евразийского экономического союза на социальное и экономическое развитие стран ЕАЭС в контексте регулирования интеграционных процессов. Акцент делается на характеристику энергетики как ключевого сектора экономики, активно влияющего на эффективное функционирование социальной сферы, так как не может быть могущественного государства без мощной энергетической базы.

Abstract. The article discusses the impact of the energy sector and energy cooperation of the Eurasian Economic Union on the social and economic development of the EAEU countries in the context of regulation of integration processes. The emphasis is placed on the characteristic of energy as a key sector of the economy, actively influencing the effective functioning of the social sphere, as there can not be a powerful state without a powerful energy base.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, энергетическая сфера, топливно-энергетический комплекс, интеграционный процесс, экономическое сотрудничество, нефтегазовые ресурсы.

Keywords: Eurasian Economic Union, energy sphere, fuel energy complex, process of the integration, economical cooperation, oil and gas resources.

Сотрудничество в сфере энергетики стран Евразийского экономического союза является основным направлением не только их эко-

номического взаимодействия, многостороннего торгово-экономического сотрудничества, но и фундаментом социально-экономической базы и эффективного развития государств-членов этой организации.

Энергетическая сфера — это сложная и многоплановая структура. Она включает в себя как ресурсную базу, то есть источники энергии, так и отрасль, производящую и транспортирующую энергию, — энергетику во всей ее совокупности: от системы разведки, добычи и разработки сырьевой базы, технологического и технического потенциала, человеческого потенциала (специалистов разного профиля), предприятия, производящие электрическую энергию и доставляющие ее потребителям через систему коммуникаций. Функционирование данной сферы связано с развитием мировой экономики, обеспечивающей в свою очередь, общественное и материально-культурное развитие человечества, напрямую сопряженное с увеличением мирового энергопотребления и неуклонным ростом использования топливно-энергетических ресурсов. Структура потребления различных видов энергоносителей по странам отличается, и в конкретно каждой стране определяется наличием природных ресурсов, развитостью промышленности, инфраструктуры, природно-климатическими условиями и сложившейся внутренней спецификой страны в целом [1, с. 5].

По мнению российских академиков В.Е. Фортова и О.Н. Фаворского, в современном мире энергетика напрямую определяет уровень и темпы социально-экономического развития стран и является технической основой цивилизации. Академик П.Л. Капица первый обратил внимание на жесткую корреляцию между уровнем экономического развития и удельной энерговооруженностью государства, так как создать мощную современную экономику могут только энергетически развитые страны, сумевшие построить у себя мощный энергетический комплекс. Поэтому экономический рост обязательно должен сопровождаться ускоренным, опережающим ростом энергетики, от которой напрямую зависят темпы, структура, устойчивость и безопасность экономического роста страны [2, с. 13].

Ресурсное обеспечение энергетического сектора современной экономики — одна из ключевых глобальных проблем. Говоря о развитии энергетического взаимодействия стран ЕАЭС мы сначала рассмотрим энергетический потенциал этих стран. Следует отметить, что, по данным «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИИ» за 2017 г., наиболее крупные доказанные запасы нефти и газового конденсата имеют Россия (14495,0 млн тонн) и Казахстан (4080,0 млн тонн). Потенциал других стран значительно скромнее: в Узбекистане запасы нефти составляли 80,0 млн тонн в 2017 г., в Киргизии — 5,5 млн

тонн, а в Таджикистане — 1,6 млн тонн. Причем в странах ЕАЭС, кроме России, за последние шесть лет произошло сокращение ресурсной базы по нефти и сокращение ее добычи. Так, Казахстан в ближайшие два года рассчитывал сохранить объем добычи нефти на уровне 81,8 млн тонн, но ему это не удалось. Темпы добычи нефти и конденсата в Узбекистане в последние годы связаны с ограниченностью сырьевой базы и неудачной эксплуатацией в первые годы независимости имеющихся запасов. Сейчас Узбекистан производит нефти меньше, чем потребляет. Это снижение шло по 12–13% в год по сравнению к предыдущему периоду [3, с. 62].

Таблица 1.

Добыча нефти и газоконденсата (в млн тонн)

Страна	2016	2010
Россия	547,5	511,8
Казахстан	79,3	79,7
Узбекистан	2,6	3,6
Киргизия	0,1	0,1

Источник: «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», 2017 [4].

Однако страны ЕАЭС стремятся преодолеть данные проблемы за счет использования преимуществ интеграции. Примером данного сотрудничества можно назвать совместный проект «Евразия» России и Казахстана по сверхглубокому бурению и геологоразведке в Прикаспийской впадине, где сосредоточено около 80% ресурсов углеводородов Казахстана. Следует отметить, что Россия и Казахстан входят в ТОП-20 нефтедобывающих держав, извлекая из недр более 600 млн тонн нефти ежегодно или 15% от объема мировой добычи [5].

Однако Казахстан несколько сократил свой нефтяной экспорт с 69 млн т до 63,3, а Россия его увеличила с 250,7 млн тонн до 254,9 млн тонн [4].

Активно идет строительство нефте- и газотранспортных коммуникаций. В 2006 г. был пущен нефтепровод Атасу-Алашанькоу мощностью первой очереди 10 млн тонн в год протяженностью 988 км, а второй — 20 млн тонн в год в 2013 г., с перспективой увеличения до 50 млн тонн в год. Первая казахстанская нефть была получена в Алашанькоу 25 мая 2006 г.

11 ноября 2013 г. «Роснефть», «Казмунайгаз» и «Казтрансойл» подписали предварительный договор транспортировки российской нефти через территорию Казахстана. В декабре 2013 г. в Москве было подписано соглашение по ежегодным поставкам в Ки-

тай российским уполномоченным предприятием 7 млн тонн нефти через нефтепровод на казахской территории с возможностью увеличить объем до 10 млн тонн в год и предоставлении этой организации право доступа к системе магистральных трубопроводов по направлению транспортировки Омск (РФ) — Атасу (Казахстан) — Алашанькоу (КНР). За транзит нефти в 2014 г «Роснефть» заплатила около 55 млн долларов США. Срок действия договора составляет 5 лет с возможностью автоматической пролонгации на дополнительные 5 лет. Обменные операции позволяют Казахстану загрузить нефтепровод в Китай за счет высвобождающихся объемов, которые сейчас поставляются на запад и замещены объемами «Роснефти». С 2014 г. были утверждены новые тарифы для транзита российской нефти по нефтепроводу Прииртышск — Атасу — Алашанькоу с северной части Казахстана в Китай [6].

Импорт сырой нефти в Казахстан за последние 6 лет снизился в 6 раз, зато импорт нефтепродуктов растет, в частности бензина АИ-92 из Азербайджана, Туркмении, Белоруссии и КНР. Также в рамках трехстороннего соглашения о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, для хозяйствующих субъектов Казахстана и Белоруссии не существует во взаимной торговле количественных ограничений и вывозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное значение). В целях стабилизации ситуации на внутреннем рынке Республики Казахстан, АО «КазМунайГаз — Переработка и маркетинг» контрактует объемы бензина АИ-92 и АИ-95 и дизельное топливо в России [7].

Тремя крупнейшими производителями газа в бывшем СССР были Россия, Туркменистан и Узбекистан. Наибольшими запасами природного газа в странах ЕАС следующая обладает Российская Федерация (50485,0 млрд куб. м), причем наша страна занимает 2-е место в мире по добыче газа и 1-е место — по его запасам. У Узбекистана 1585,0 млрд куб. м, а у Казахстана 1907,0 млрд куб. м [4].

В 2014 г. наша страна стала более активно проводить восточную газовую политику. В мае 2014 г. в Шанхае председатель правления ОАО «Газпром» Миллер А.Б. и президент Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации Чжоу Цзипин заключили контракт на поставку российского трубопроводного газа в Китай по «восточному» маршруту сроком на 30 лет, предусматривающий экспорт 38 млрд куб. м газа в год в Китай с привязкой к нефтяной корзине и условием «бери или плати». Это самый крупный контракт на поставку газа за всю историю «Газпрома», по которому

будет поставлено более 1 трлн куб. м за время действия соглашения. В сентябре 2014 г. начали строить магистральный газопровод «Сила Сибири» [8, с. 16].

Другой крупный газовый игрок СНГ — Узбекистан, несмотря на то, что его внутренний рынок — второй по объему потребления после России, направляет поставки экспортного газа в Китай и в соседние центрально-азиатские республики. На территории Узбекистана выявлено всего 240 месторождений углеводородов, из них 192 газовых. Наибольшие запасы залегают на территории Бухарско-Хивинского НГР, который включает свыше 88% текущих запасов, и 7,1% — в недрах Юго-Западно-Гиссарского НГР. Кроме того, эффективность извлечения повышается за счет сооружения дожимных станций и установок для утилизации попутного газа [9, 57]. С 2010 г. идет снижение добычи газа в Узбекистане, этот спад компенсируют предприятия, сгруппированные вокруг «Газпрома» и «ЛУКОЙЛА», но в настоящий момент участие «Газпрома» в узбекском нефтегазовом комплексе сокращается, «ЛУКОЙЛу» пришлось также на несколько лет затормозить развитие своих проектов в Узбекистане, активизировав их только после подписания соглашения между Китаем и Узбекистаном о поставке 10 млрд куб. м газа.

Таблица 3.

Добыча и экспорт газа в странах ЕАС (в млрд куб. м)

Страна	Добыча газа в 2016	Экспорт газа 2016
Россия	640,2	208,6
Узбекистан	57,7	12,9
Казахстан	22,0	11,9

Источник: «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», 2017 [4].

Снижение «Газпромом» закупок среднеазиатского газа обусловило усиление интереса Узбекистана к развитию экспорта в Китай и в 2011 г. вслед за межправительственным узбеко-китайским соглашением о поставках компании «Узтрансгаз» (в составе УНГ) и PetroChina International Corporation подписали первый экспортный контракт.

Итак, активно идут в Китай поставки газа из Центрально-азиатских республик: Туркменистана, Казахстана и Узбекистана (газопровод ТУКК), первая ветка которого заработала в декабре 2009 г., вторая — в 2010 г. Их пропускная мощность составила 40 млрд куб. м. Сначала газопровод включал две нитки от месторождения Самандепе в Туркмении через Узбекистан и Казахстан. Его общая

протяженность превышает 7 000 км, в том числе по территории Туркмении — 188 км, Узбекистана — 560 км, Казахстана — 1 300 км и Китая — 5 000 км.

Трубная Металлургическая Компания (ТМК) осуществила поставку труб большого диаметра для международного газотранспортного проекта «Средняя Азия — Китай», отгрузив в период с января по сентябрь 2013 г. более 100 тыс. тонн сварных прямошовных труб диаметром 1219 мм. Продукция была произведена Волжским трубным заводом и поставлена в Республику Казахстан для строительства третьей нитки магистрального газопровода [10].

Газовая магистраль «Средняя Азия — Китай» соединяет крупные месторождения природного газа Средней Азии с газотранспортной системой Китая. Строительство третьей нитки газопровода началось в 2012 году, она прошла через территорию Узбекистана и Казахстана для увеличения транзита среднеазиатского газа в Китай. Третью ветку, мощностью 25 млрд куб. м, начали строить в Узбекистане в декабре 2011 г. и завершили в 2014 г. с выходом на полную мощность в декабре 2015 г.

До апреля 2011 г. по ТУКК шел только туркменский газ в объеме 20 млрд куб. м. В ноябре 2011 г. Туркменистан и КНР договорились о наращивании поставок газа до 65 млрд куб. м. Узбекистан планировал поставлять в КНР с 2015 г. 10 млрд куб. м. в год, а к 2020 г. — до 27,2 млрд куб. м (с учетом газа, который добывает в Узбекистане «ЛУКОЙЛ» на месторождениях Кандым-Хаузакской группы и Юго-Западного Гиссара (примерно 16–18 млрд куб. м). Под этот проект Узбекистан полностью прекратил в апреле 2012 г. экспорт газа в Таджикистан и не согласился на транзит туркменского газа и электроэнергии в эту страну [11, с. 19].

Но, как видим, между двумя странами-членами ШОС Узбекистаном и Таджикистаном в 2012 г. сложились напряженные отношения: Узбекистан повысил цену на газ с 285 (2011 г.) до 300 (2012 г.) долларов для своего соседа, а затем полностью прекратил поставки, вызвав энергетический кризис в Таджикистане. Так, стратегическое предприятие — алюминиевый завод TALKO, от которого зависят 40 заводов и Душанбинская ТЭЦ, работал на 20% своей мощности, был полностью остановлен «Таджикцемент», который поставлял продукцию для строящейся Рогунской ГЭС. Однако в настоящий момент отношения постепенно выправляются и налаживаются.

В 2014 г. было запланировано строительство четвертой ветки газопровода (трубопровод D) мощностью до 30 млрд куб. м с завершением в 2017 г. И если три уже существующие нитки газо-

провода (А, В, С) идут из Туркменистана в Китай через Узбекистан и Казахстан, то для включения в трафик всех центрально-азиатских государств в Пекине решили тянуть газопровод через Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан [12]. Но в этом энергетическом сотрудничестве возникли серьезные проблемы в связи с резким сокращением поставок газа из Центральной Азии. Причины сокращения поставок: рост внутреннего спроса в странах Центральной Азии. В январе-апреле 2017 г. полностью прекратились поставки газа из Узбекистана в Китай, что объяснялось ростом внутреннего спроса на газ в Узбекистане. В марте 2017 г. было принято окончательное решение не строить четвертую нитку газопровода.

В завершение следует отметить, что даже при активном наращивании темпов энергетического сотрудничества в восточном направлении, необходимо четкое сопряжение интересов стран ЕЭС, которым жесткая конкуренция в борьбе за азиатские рынки может нанести ущерб и оказать негативное влияние на их взаимоотношения.

Библиографический список

1. Россия-АТР: горизонты энергетического сотрудничества (в экспертных оценках. М.: Academia, 2012. 284 с.
2. Фортвов В.Е., Фаворский О.Н. Состояние и основные проблемы энергетики России // Энергетика России: проблемы и перспективы. М.: Наука, 2006. 636 с.
3. Жажда нефти // Нефть и Капитал № 4, апрель 2014. С. 62–64.
4. Высоцкий В.И. Нефтегазовая промышленность мира (информационно-аналитический обзор). М.: Росгеология, Всероссийский научно-исследовательский институт геологии зарубежных стран «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ». 2017. 59 с.
5. Лабыкин А. Глубокий замысел. «Expert Online». 30 сентября 2014. 21:34 <http://expert.ru/2014/09/30/glubokij-smyisl-evrazii/>
6. Комплексная характеристика ситуации в АТР (по результатам международных экспертных опросов в 2005–2014 гг.) / под ред. Рубан Л.С. — М.: Academia, 2016. 359 с.
7. Казахстан ведет переговоры об импорте бензина из 10/10/2014 15:29 <http://www.angi.ru/news.shtml?oid=2817800>
8. Рубан Л.С. Энергетическое взаимодействие стран Шанхайской организации сотрудничества // Бурение и нефть № 6 2018. С. 14–18.
9. Рост еще впереди. Нефть и Капитал № 4. апрель 2014. С. 56–60.
10. ТМК завершила поставку ТБД для проекта «Средняя Азия — Китай». 03.10.2013. RusEnergy.com
11. Лукин О. Центральная Азия: усиление газовой конкуренции. Нефтегазовая вертикаль № 9 2012, с. 19
12. Куда девать туркменский газ? [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/2017/03/14/v-ashhabade-potoropilis-ob_yavlyateru-protsvetaniya/ (дата обращения: 22.03.2018).

Виловатых А.В.,
Михеев Е.А.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ США И НАТО ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАЦИЙ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

STRATEGIC INSTALLATIONS OF THE USA AND NATO
ON THE ORGANIZATION AND CARRYING OUT OPERATIONS OF
INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

Виловатых Анна Вячеславовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, e-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Михеев Евгений Александрович, аспирант Института психологии РАН, e-mail: mih-news@mail.ru

Vilovatykh Anna, PhD of political sciences, senior research associate of the Russian institute of strategic researches, e-mail: vilkavulkan@yandex.ru
Mikheyev Evgeny, post-graduate student of Institute of psychology of RAS, e-mail: mih-news@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследованы некоторые научные разработки американских ученых в сфере информационно-психологического воздействия. На основе анализа стратегических документов США и военного альянса НАТО предпринята попытка выявить тенденции использования информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях.

Abstract. In this article some scientific developments of the American scientists in the sphere of information and psychological influence are investigated. On the basis of the analysis of strategic documents of the USA and military alliance NATO an attempt to reveal tendencies of use of information and communication technologies in the military-political purposes is made.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационно-психологическое воздействие, информационные операции, психологические операции, США, НАТО, безопасность.

Key words: information and communications technologies, indoctrination, information operations warfare, psychological operations, USA, NATO, security.

Наблюдаемая в последние годы тенденция увеличения частоты и доли применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в военно-политических целях привела к совершен-

ствованию процессов использования информации посредством ресурсов телекоммуникации и вычислительной техники. Появились новые виды средств массовой коммуникации (Интернет, социальные сети и блоги), где апробируются методы информационно-психологического воздействия на общественное сознание. В данный процесс вовлечены легитимные и нелегитимные политические акторы, и в этой связи обеспечение национальной безопасности становится все более сложной и многоаспектной деятельностью.

Учитывая тот факт, что современные ИКТ рассматриваются участниками мировой политики (в частности, США и НАТО) в качестве инструмента раскочки военно-политической ситуации в отдельной стране или целом регионе, целесообразным представляется проанализировать роль и место операций информационно-психологического воздействия в американских стратегических документах, равно как и документах Североатлантического альянса.

К терминологии

В документах Минобороны США под *информационной операцией* понимается интегрированное использование определенных возможностей и действий, поддерживаемых разведкой для воздействия на лиц, принимающих решения со стороны противника, для достижения или продвижения особых целей.

Информационные операции включают: обман, психологические операции, электронное противоборство, физические атаки и/или разрушения, специальные информационные операции, в том числе компьютерные сетевые операции.

В работе «Что такое информационное противоборство?» специалист американской корпорация RAND Мартин Либки предложил, как представляется, оптимальную классификацию методов информационно-психологического воздействия. К ним относятся:

- борьба с системами управления;
- информационно-разведывательные операции;
- электронное противоборство;
- «хакерское» и кибернетическое противоборство;
- экономическое информационное противоборство;
- психологическое противоборство;

Рассмотрим данные приемы более подробно.

Борьба с системами управления — военная стратегия с применением информационной среды на поле боя, направленная на физическое разрушение командной структуры противника.

Информационно-разведывательные операции — операции, в результате которых полученные сведения о целеуказании или нанесенном военном ущербе поступают непосредственно участникам операции. Проводятся с помощью автоматизированных систем, которые, в свою очередь, являются потенциальными объектами атак методов борьбы с системами управления. В связи с этим выделяются «наступательные» и «оборонительные» информационно-разведывательные операции.

Электронное противоборство — военные действия, включающие использование электромагнитной и направленной энергии для контроля электромагнитного спектра и/или атака противника. Состоит из трех подразделений: электронная атака, защита и поддержка электронного противоборства.

Экономическое информационное противоборство — применение информационно-технических средств и методов борьбы для установления контроля, воздействия и дестабилизации экономическо-финансовой системы государства или ее отдельных элементов. Выделяются две формы: информационная блокада и информационный империализм.

Хакерское и кибернетическое противоборство — разновидность вооруженной борьбы, в ходе которой осуществляется целенаправленное и организованное воздействие аппаратно-программными средствами на аппаратно-программные комплексы автоматизированных систем управления военного и гражданского назначения противника, направленное на нарушение их нормального функционирования.

В качестве примера кибернетической операции может служить кибератака на ядерные объекты Ирана в 2008 года с помощью вредоносной программы Stuxnet. Одной из задач Stuxnet являлось получение дополнительной информации о функционировании основных узлов этих стратегических объектов, которая впоследствии могла быть использована для нарушения или остановки процесса работы оборудования. По некоторым данным, атака была тщательно спланирована и подготовлена специальными службами США и Израиля.

Психологическое противоборство — способы ведения военных операций, оказывающие воздействие на психическое состояние человека. Специалисты RAND выделяют 4 объекта такого воздействия: структуры государственного управления, структуры военного командования, морально-психологическое состояние личного состава, культура.

Таким образом, американские исследователи дают весьма подробную терминологию операций по ведению информационно-

го противоборства. Не менее детальной в их наработках выглядят технологии проведения такого рода операций.

Операции информационно-психологического воздействия: взгляд зарубежных исследователей

В 2016 г. американские специалисты по информационной безопасности Facebook подробно описали этапы проведения информационных операций посредством потенциала социальных сетей:

— *целенаправленный сбор данных (Targeted data collection)* — хищение, а зачастую разглашение не публичных сведений, которые могут способствовать извлечению выгоды в политическом дискурсе;

— *создание контента (Content creation)*, «фэйкового» или настоящего через информационного оператора, либо путем распространения историй журналистами и другими третьими лицам, в том числе «фэйковыми пользователями».

— *усиление лжи (False amplification)* — скоординированная деятельность фэйковых аккаунтов с целью манипуляции политическим дискурсом (например, недопущение для участия в политическом диалоге представителей определенных политических партий, усиление сенсационности одной информации над другой и пр.).

Симптоматично, но с проведением подобного рода исследований, страны Запада все чаще пытаются обвинить Россию во вмешательстве с применением ИКТ в политические процессы ряда стран. Широко обсуждаются формы пропаганды, дезинформации и гибридных операций, инициатором которых якобы выступают подконтрольные российской власти политические акторы.

Так, например, в 2016 г. исследователи американской корпорации RANDK. Пол и М. Мэтьюз опубликовали материал под названием «Российская модель пропаганды: пожарный шланг с потоками лжи».

По мнению аналитиков, отличительной особенностью «пропаганды Кремля» являются: большой объем информации и многоканальность; скорость, непрерывность и повторение; отсутствие освещения объективной реальности; отсутствие логики и последовательности. Целями воздействия, как отмечают авторы документа, являются изменение норм и ценностей западного общества, дестабилизация политической обстановки.

Несмотря на привязку указанного выше исследования к определенной стране, выводы авторов данной работы схожи с результатами социально-психологических исследований, посвященных

ИПВ в социальных сетях в целом. Так, например, эффект множественности источников заключается в том, что различные аргументы от разных пользователей воспринимаются личностью как более весомые, чем один и тот же аргумент от разных источников или разные аргументы от одного пользователя.

Ученые уже давно установили, что феномен множественности источников имеет конкретные предпосылки: во-первых, большее количество материалов повышают интерес у целевой аудитории и вероятность привлечения других потенциальных аудиторий; во-вторых, при необходимости большее количество сообщений может затмить другую информацию; в-третьих, множественность каналов распространения увеличивает эффективность усваивания информации; в-четвертых, получение информации из множества источников повышают уровень доверия к информации, особенно если адресант идентифицирует себя с источником информации.

В ходе недавнего исследования социальной сети Facebook в Италии было установлено, что вне зависимости от страны распространения пользователи чаще комментируют и ставят «лайки» в конспирологических новостях, чем в научных. Внимание общественности привлекают такие формы подачи информации как «мемы». Это продемонстрировано в сводной таблице ниже.

Таблица 1.

	Всего	Наука	Конспирология
Страницы	73	34	39
Посты	271,296	62,705	208,591
Лайки	9,164,781	2,505,399	6,659,382
Комментарии	1,017,509	180,918	836,591
Поддерживает	17,797,819	1,471,088	16,326,731
Те, кому понравилось	1,196,404	332,357	864,047
Комментаторы	279,972	53,438	226,534

Также исследователи обнаружили, что распространяемая в период экономических трудностей, социально-политической нестабильности и предвыборных кампаний альтернативная информация, а также информация, содержащая выражение недовольства к принятию решений правительством, имеют наибольший эффект воздействия на пользователей социальных сетей, особенно тех, кто изначально не доверял официальным государственным средствам массовой информации (СМИ).

Помимо научных и аналитических разработок, посвященных использованию ИКТ в военно-политических целях, все большая роль

информационным, психологическим и кибероперациям отводится в официальных документах США и НАТО.

Документальный массив организации и проведения операций информационно-психологического воздействия

Термин «информационные операции» используется в официальных американских документах уже длительное время. Благодаря разработке и последующему редактированию концепции информационных операций были уточнены цели, задачи и основные принципы информационно-психологического воздействия, а также разработаны обязанности должностных лиц по подготовке и проведению информационных и психологических операций — как в мирное, так и в военное время.

В Доктрине психологических операций, выпущенной в 2003 г. под эгидой Комитета начальников штабов ВС США, приводится концепция *информационных операций (ИО)*. Она включает три вида ИО: стратегические, операционные и тактические.

К *стратегическим ИО* относится международная информационная деятельность, направленная на изменение отношений, восприятия и поведения иностранных государств с выгодных для США позиций.

Операционные ИО проводятся одновременно с военными операциями в определенном регионе с целью поддержания кампаний и стратегий Объединенных командных сил.

Тактические ИО проводятся одновременно с военными операциями для поддержки тактической миссии против сил противника.

В 2007 г. разработки американских специалистов нашли отражение в Доктрине психологических операций НАТО, где выделены три вида психологических операций: стратегические психологические операции, психологические операции в рамках операций в кризисных ситуациях, боевые психологические операции.

Стратегические психологические операции (СПО) (Strategic-psychological operations (SPO)) — это высокий уровень (уровень национальных правительств). СПО направлены на аудитории дружественные и нейтральные, а также на вероятных или явных противников альянса. Термин «страны» в рамках СПО имеет более широкое понятие и включает отдельные группы внутри страны, например религиозные оппозиционные официальному правительству группы. Цели СПО являются долгосрочными и носят политический характер; они направлены на подрыв готовности явно-

го или вероятного противника к конфликту, вооруженной борьбе и возможности получения поддержки от дружественных или нейтральных альянсу аудиторий населения.

Психологические операции в рамках операций в кризисных ситуациях (ПОКС) (Crisisresponsepsychologicaloperations (CRPO)) — ПОКС проводятся на оперативном и тактическом уровнях, ответственность за их проведение несет командование НАТО. ПОКС являются составными частями военных операций, которые направлены на достижение стратегических целей. ПОКС проводятся в объединенном операционном районе (Jointoperationsarea) и направлены на одобренные целевые аудитории с целью создания благоприятных условий для сил НАТО и поддержки готовности этих аудиторий к сотрудничеству. Цели ПОКС — оказание помощи при выполнении поставленных задач и организация защиты сил.

Боевые психологические операции (БПО) (Combatpsychologicaloperations (CPO)) — БПО проводятся на оперативном и тактическом уровнях. Они находятся в зоне ответственности командования НАТО, планируются и проводятся в соответствии со стратегическими целями Альянса. ПОКС проводятся с целью понижения уровня боеспособности противника, подавления его воли и обеспечения условий оперативной свободы командованию Альянса.

В 2014 г. Доктрина психологических операций НАТО доработана специалистами из Великобритании в части, касающейся определения понятия «стратегическая коммуникация», «атрибуции». Особый интерес вызывает пункт 0109, так называемый «раздел повышения эффективности планирования операций с учетом специфики целевой аудитории».

В новой редакции, в частности, дается определение анализу целевой аудитории, как систематическому изучению социальных групп с целью улучшения понимания и определения доступности, уязвимости и восприимчивости к поведенческому и установочному воздействию. Кроме того, там отмечается, что информация, получаемая из Интернета, относится к самому «низшему» уровню анализа.

Между тем, недавние социально-психологические исследования демонстрируют следующее: «компьютерные оценки людей, основанные на цифровых следах, более точны и достоверны, чем суждения, сделанные их близкими или знакомыми (друзьями, семьей, супругом, коллегой и пр.)». Как отмечают ученые, апробировавшие данные исследования на практике, личностные характеристики пользователей социальных сетей могут выявляться автоматически специальной программой без участия человека.

Одновременно с утверждением Доктрины психологических операций НАТО 2014 г. произошло объединение ответственных за проведение психологических операций специальных подразделений вооруженных сил Великобритании. В частности, в состав 77-ой бригады британских сил была включена 15-я группа психологических операций. Ранее группа выполняла задачи на территории Афганистана в провинции Гильменд, занималась воздействием на политические убеждения местных жителей относительно власти в регионе. Для ИПВ был использован канал СМИ (в основном радио), формы массовых культурных и театрализованных мероприятий (ток-шоу, представления) и печатные текстовые формы наглядной агитации и плакатов.

В новой Доктрине психологических операций НАТО 2016 г. описываются цели информационно-пропагандистского сопровождения военной деятельности альянса, которые достигаются в ходе информационно-психологических операций и включают решение трех взаимосвязанных задач. К ним относятся:

- изменение мировоззрения и формирование требуемой линии поведения целевых аудиторий (InfluenceActivity);
- защита собственной информации (InformationProtectionActivity); дезорганизацию системы управления противника (CounterCommandActivity).

Особое внимание в документе уделено такому методу ИПВ, как общественная дипломатия. Субъектами воздействия общественной дипломатии являются политические лидеры, парламентарии, журналисты, научные и экспертные сообщества, неправительственные организации, учащаяся молодежь и другие социальные группы в районах применения войск (сил) альянса и за их пределами. Данная деятельность направлена на формирование «правильного понимания» целевыми аудиториями политики и практических шагов НАТО в интересах поддержания стабильной обстановки, исключая проявление враждебности со стороны местного населения по отношению к военнослужащим коалиционных группировок.

Таким образом, командование Организации Североатлантического договора предусматривает широкий спектр ИПВ на противника с применением потенциала ИКТ, причем далеко не в мирных целях. Тем не менее, исходя из многочисленных принятых концепций, стратегий, доктрин передовиками достижения военно-политических целей посредством ИКТ будут, видимо, непосредственно американцы.

В Киберстратегии Минобороны США 2015 г. (*TheDoDCyberStrategy*) отмечается, что в период с 2013 по 2015 г. главной стра-

тегической угрозой для страны являлась киберугроза. С целью минимизации рисков и защиты интересов Соединенных Штатов в этой сфере, национальное военное ведомство определило главные стратегические задачи на перспективу:

- создание киберсил и поддержание их готовности и способности выполнять операции в киберпространстве;
- защита информационной сети МО США, обеспечение безопасности баз данных МО США, минимизация рисков в ходе выполнения МО США задач;
- поддержание готовности защищать страну и отстаивать жизненно важные интересы от подрывных и разрушительных кибератак;
- создание, поддержание киберопций и плана по их использованию для контроля за эскалацией конфликта и регулирования конфликтной среды на всех этапах его развития;
- создание и поддержание прочных международных альянсов и партнерств с целью нейтрализации общих угроз и повышения международной безопасности и стабильности.

В Киберстратегии также обозначено, что созданные киберсилы США разделяются на три группы: подразделения киберзащиты (защита информационной инфраструктуры Министерства обороны), подразделения государственной обороны (защита государства и государственных интересов от атак высокого уровня) и боевые подразделения. Кроме этого, более четкое оформление получили концептуальные основы сдерживания в киберпространстве.

В рамках реализации данной стратегии проводятся постоянные проверки и совершенствование адаптивного механизма управления, контроль за проведением киберопераций. В 2016 году Агентством перспективных оборонных исследований и разработок (DARPA) МО США был реализован проект Plan-X по созданию полуавтоматической системы, позволяющей упростить использование вредоносных программ и снизить требования к квалификации обслуживающего персонала. Единая архитектура АПК и интерфейса позволяет объединять множество вредоносных программ, разрабатываемых сторонними организациями. В мае 2016 года система была испытана в ходе учений CyberGuard и CyberFlag, и внедрена в работу Киберкомандования США в 2017 г.

В *Стратегии национальной обороны США 2015 г.* отмечена тенденция к изменению на современном этапе характера вооруженной борьбы. Обращается внимание на так называемые «гибридные войны», которые содержат элементы «классических» войн и действий повстанческих сил, партизанских формирований и Сил специальных операций (ССО).

В Концепции развития ССО Сухопутных войск США предпочтение также отдается принципу непрямого воздействия на противника, который подробно раскрыт в Концепции политической войны (Political Warfare) и включает следующие методы:

- поэтапное введение экономических санкций;
- принятие дипломатических мер;
- поддержка правительства дружественного государства представлением ему необходимой разведывательной информации;
- ведение психологической борьбы.

В рамках концепции определены угрозы: регулярные вооруженные силы государства-противника (специальные войска и силы общего назначения), государственные военизированные формирования (силы внутренней безопасности, полиция, пограничные войска), повстанческие группировки, партизанские формирования, преступные группировки (в том числе хакеры).

В *Стратегии национальной безопасности США, выпущенной администрацией Д. Трампа в декабре 2017 г.*, также большое внимание уделяется ведению боевых действий в киберпространстве. По утверждению американских стратегов, кибератаки теперь объективно являются главной особенностью современных военных конфликтов. Особо отмечается, что ряд стран рассматривают кибервозможности в качестве инструментов информационного влияния, а некоторые государства используют киберинструменты для защиты и расширения своей «зоны ответственности».

Приоритетными направлениями в документе при обеспечении кибербезопасности Америки указаны:

- инвестирование в средства поддержки и атрибуции кибератак с целью повышения скорости реагирования.
- повышение эффективности киберинструментов для охвата всего спектра конфликтной среды, защиты критической инфраструктуры США, обеспечения безопасности баз данных и информации.

Минобороны США и подчиненные военные ведомства планируют набор и обучение личного состава для выполнения задач в данном направлении.

Открытая часть новой *Стратегии национальной обороны США, опубликованной в январе 2018 г.*, обращает усиленное внимание на ведение в перспективе боевых действий в киберпространстве [и космосе]. Одновременно американская военная доктрина ставит в приоритет сдерживание России и Китая, настаивая в этой связи на существенном увеличении расходов на перспективные системы вооружений. В случае реализации такая документально подкрепленная оборонная политика американцев будет пред-

ставлять серьезную угрозу безопасности Российской Федерации, как впрочем, и другим государствам мирового сообщества.

В целом, проведенный в статье анализ свидетельствует, что государства Запада отводят особое место операциям информационно-психологического воздействия для достижения собственных военно-политических целей. Для этого активно применяются современные информационно-коммуникационные технологии. Разработаны соответствующие методики, позволяющие получить информацию о социально-психологических характеристиках населения, настроениях отдельных социальных групп с целью в перспективе смоделировать развитие социально-политической обстановки с учетом интересов субъекта управления.

В ряде концептуальных документов США и Североатлантического альянса отмечается, что киберпространство является новой сферой ведения боевых действий. В рамках реализации государственных программ и стратегий создаются регулярные воинские формирования, специализирующиеся на информационных, психологических и кибероперациях. Продолжает увеличиваться число специальных операций по принципу непрямого воздействия с использованием методов санкций, публичной дипломатии, психологической борьбы.

С учетом сказанного выше важным представляется противодействовать действиям Вашингтона по продвижению американской концепции о неизбежности возникновения конфликтов в информационном пространстве при отсутствии минимального корпуса норм международного права, регламентирующего использование информационно-коммуникационных технологий в военных целях. Очевидно, что такие стратегические установки и политика их реализации нанесут непоправимый урон системе международной безопасности и поставят под сомнение хрупкую стратегическую стабильность.

Библиографический список

1. *Газетов В., Хоменко В.* Группа захвата умов. Британия концентрирует силы на информационном фронте // Военно-промышленный курьер, 28 марта 2016 URL: <https://vpk-news.ru/articles/29958> (дата обращения 22.01.2018).
2. *Карасев П.А.* США наращивают киберсилы // Журнал «Эксперт», январь 2018. URL: <http://expert.ru/2017/08/2/ssha-naraschivayut-kibersilyi/> (дата обращения 22.01.2018).
3. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной.

- М.: ИМЭМО РАН, 2016, С. 48. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3499 (дата обращения 21.01.2018).
4. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. AJP-3.10.1 (A) October, 2007. URL: <https://info.publicintelligence.net/NATO-PSYOPS.pdf>. (дата обращения 21.01.2018).
 5. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. AJP-3.10.1. September, 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/450521/20150223-AJP_3_10_1_PSYOPS_with_UK_Green_pages.pdf (дата обращения 22.01.2018).
 6. *Bessi A., Petroni F., Del Vicario M. et al.* Viral misinformation: The role of homophily and polarization // Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web Companion 18 May 2015. P. 355–356. URL: <https://arxiv.org/abs/1411.2893> (дата обращения 21.01.2018).
 7. *Carpenter D., Ko M.* Online astroturfing: A theoretical perspective // Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems, Chicago, Illinois, August 15–17, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041 (дата обращения 21.01.2018).
 8. *Harkins G.S., Szymanski K.* Social Loafing and Self-Evaluation with a social standard. Journal of Personality and social psychology. USA, 1987. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/65c6/162ff35fc61ea7b59945858f-1235e80cdbc3.pdf> (дата обращения 21.01.2018).
 9. *Harkins, S. G., Petty, R. E.* «The multiple source effect in persuasion,» Personality and Social Psychology Bulletin 1981a. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/014616728174019> (дата обращения 21.01.2018).
 10. Joint Publication 1-02. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms 8 November 2010. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp1_02.pdf. (дата обращения: 14.01.2018).
 11. Joint Publication 3-53. Doctrine for Joint Psychological Operation. 5 September 2003. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=472329>. (дата обращения 21.01.2018).
 12. National Security Strategy of the United States of America. December, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 22.01.2018).
 13. Summary of the 2018 National Defense Strategy // US Department of Defense, December, 2017. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 22.01.2018).
 14. The Department of Defense Cyber Strategy, April, 2015. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf (дата обращения 22.01.2018).
 15. *Weedon J., Nuland W., Stamos A.* Information Operations and Facebook. April 27, 2017. Facebook, Inc., 2017. URL: <https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf> (дата обращения 21.01.2018).
 16. *Youyou W., Kosinski M., Stillwell D.* Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. PNAS. January 27, 2015. URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (дата обращения 22.01.2018).
 17. *Zhang J., Paul C., Matthews M.* The Russian «Firehose of Falsehood» Propaganda Model. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE198.html> (дата обращения 21.01.2018).

Воробьева А.Е.,
Акбарова А.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ О ДОСУГОВОЙ АКТИВНОСТИ

SOCIAL REPRESENTATIONS OF ELDERLY PEOPLE ABOUT LEISURE ACTIVITY

Воробьева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт психологии Российской академии наук», aeVorobieva@yandex.ru
Акбарова Анастасия Азаматовна, соискатель, лаборатория социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт психологии Российской академии наук», Anastasia.akbarova@gmail.com

Vorobyova Anastasia, PhD of psychological sciences, senior research associate, laboratory social and economic psychology, Federal state budgetary institution of science «Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences», e-mail: aeVorobieva@yandex.ru

Akbarova Anastasia, applicant, laboratory of social and economic psychology, Federal state budgetary establishment of science «Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences», e-mail: akbarova@gmail.com

Аннотация. В отечественной психологической науке отрасль психологии досуга является слабо разработанной. Досуговая активность в пожилом возрасте приобретает особую значимость, становится ресурсом для преодоления кризисного периода. Негативные стереотипы и социокультурные условия российского общества становятся препятствием для активности в пожилом возрасте. При проведении качественного исследования представлений о досуговой активности у пожилых респондентов было выявлено, что существует разрыв между желаемым и реальным уровнем активности в проведении досуга.

Abstract. In Russian psychology Psychology of leisure is poorly developed. Leisure activity in old age acquires special significance, becomes a resource for overcoming the crisis period. Negative stereotypes and sociocultural conditions of Russian society become an obstacle to activity in the elderly. When conducting a qualitative study of ideas about leisure activity in elderly respondents, it was found that there is a gap between the desired and the actual level of activity in leisure activities.

Ключевые слова: психология досуга, психология старения, социальные представления.

Key words: psychology of recreation, psychology of ageing, social attitudes.

Работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-36-01024а2.

Введение. Во второй половине XX в. общества развитых стран столкнулись с проблемой старения населения. Актуальной проблемой становится использование потенциала этой социально-демографической группы. Большой вклад в изучение жизнедеятельности в пожилом возрасте внесли Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Панина Н.В., Бондаренко Н.И. и др. (по Щанина, 2009).

Е.И. Данилова, Н.Ф. Дементьева, А.В. Дмитриев, Н.Г. Ковалева, Т.З. Козлова, А.В. Писарев, Ж.Т. Тощенко и др., исследовавшие социальное самочувствие и поведение пожилых людей, подчеркивают, что распространенный стереотип о пассивности и консерватизме пожилых людей не подтверждается эмпирическими данными (Дмитриева, 1980; Ковалева, 2001; Козлова, 2003; Писарев, 2004; Тощенко, Харченко, 1996). Между тем, термин «старый» обычно является уничижительным в западной культуре (и даже в восточной культуре уважения заслуживает только активная старость), и стереотипы в отношении пожилых людей влияют на их самооценку (по Стюарт-Гамильтон, 2010). В российском обществе также отмечается негативное отношение к старости и низкое социальное положение этой группы населения. Негативные стереотипы становятся препятствием для самореализации пожилых людей, активная старость воспринимается ими как исключение, а пассивность и постоянные болезни в старости — как норма (Зинина, Емельянова, 2014).

В группе взрослых людей «третьего возраста» выделяют следующие подгруппы: пожилых людей (мужчин в возрастном диапазоне от 60 до 75 лет и женщин от 55 до 75 лет), престарелых людей (после 75-летнего возраста), а также долгожителей (после 90-летнего возраста) (Денисенко, 2005).

Возраст 55–60 лет (в зависимости от пола) в России является возрастом выхода на пенсию для большинства работающего населения (согласно законодательству РФ, действовавшему до настоящего времени). Выход на пенсию рассматривается как кризисный этап жизни (Стюарт-Гамильтон, 2010; Хухлаева, 2009), т.к. работающие люди воспринимаются как более ценные, чем неработающие, и для многих людей профессиональная деятельность является главным смыслом жизни (Хухлаева, 2009). Особенно тяжело выход на пенсию переживают мужчины (Шихи, 2005). О.В. Хухлаева со ссылкой на М.В. Ермолаеву и В.Э. Чудновского описывает два типа реакции человека на кризис позднего возраста: 1) стратегия развития (стремление к сохранению старых и формированию новых сфер социальных связей, стремление приносить общественную пользу, перестройка смысла жизни); 2) стратегия сохранения (переход к выживанию, сопровождающийся угасанием психофизиологических

функций, отсутствие мотивации к социальной активности и развитию, потеря смысла жизни) (Хухлаева, 2009). По данным исследований R. C. Gibson (1986) некоторые виды деятельности, которые могут быть отнесены к досуговой (религиозная активность, участие в неформальных организациях, семейные отношения, хобби) лидируют среди способов, помогающих в поздней взрослости обрести новый смысл жизни (по Психология человека от рождения до смерти, 2002). Социальная активность пожилых людей подразделяется на два направления: 1) удовлетворение бытовых и семейных потребностей; 2) реализация своих интересов и увлечений. Социальная активность при этом зависит от ряда субъективных (личностные особенности, мотивация, жизненная позиция, уровень образования и др.) и объективных (отношение к пожилым людям в обществе, развитость социальной инфраструктуры и др.) факторов (Щанина, 2009).

Некоторые люди продолжают свою трудовую деятельность и после наступления пенсионного возраста, другие же прекращают работать. Среди сотрудников предпенсионного возраста Э. Ф. Зеер выделяет три категории людей: 1) те, для кого пенсия — это возможность наконец заняться интересным делом (социально активный отдых, общественно-политическая активность и т. д.); 2) те, кто являются высококвалифицированными специалистами и сохраняют желание работать; 3) те, кто пассивно и равнодушно воспринимают факт выхода на пенсию и находились в состоянии профессиональной стагнации последние 15 лет (Зеер, 2003). На основе данной типологии можно сделать вывод, что у пожилых людей отношение к досуговой активности может быть различным: 1) общее позитивное отношение, активная реализация различных форм досугового поведения; 2) переживание растерянности, неумение организовать свой досуг; 3) умение организовать свой досуг, но неприятие его как основного вида активности на новом этапе жизни; 4) отсутствие заинтересованности в досуговой активности, предпочтение пассивных форм досуга.

Повышение социальной значимости досуга для пожилых людей в связи с кризисным периодом выхода на пенсию делает возможным изучение социальных представлений этой группы о досуге, свободном времени и отдыхе. Социальные представления предназначены для освоения и осмысления окружающего мира (Емельянова, 2006) и помогают адаптироваться к нему. Ядро социальных представлений связано с ценностями и нормами группы, а периферическая часть выступает в роли связующего звена между нормативной частью представления и реальностью (и помогает адаптироваться к ней) (Бовина, 2010).

Необходимо учитывать и культурную специфику условий жизни человека в пожилом возрасте. В России в силу низкого размера пенсий такой вид деятельности как садоводство может выполнять функцию не досуга, а являться источником дополнительного дохода (Психология человека от рождения до смерти, 2002). С нашей точки зрения, это в большей мере справедливо для регионов России, а не для мегаполиса.

Те виды досуга, которые человек предпочитает в пожилом возрасте, как правило, были столь же интересны ему и в молодом возрасте, например, чтение (Стюарт-Гамильтон, 2010). Однако, в пожилом возрасте человек может предпочитать более простое содержание деятельности, например, переходит к чтению изданий более низкого качества (Ribovich, Erikson, 1980; Rice, 1986).

Предпочтение различных форм досуга в пожилом возрасте обусловлено характером профессиональной деятельности и образовательным уровнем человека. Так А.Г. Маклаков указывает, что люди с высшим образованием, занимающиеся интеллектуальным и творческим трудом, с большей вероятностью после выхода на пенсию сохраняют стремление к познанию (Психология человека от рождения до смерти, 2002).

Некоторые виды досуга рассматриваются пожилыми людьми как опасные в их возрасте, и эта оценка не всегда является объективной. К таковым относятся, например, занятия спортом (O'Brien Cousins, 2000; Wilcox et al., 2003), однако, в действительности этот вид досуга крайне полезен для когнитивных функций (Bunce, Barrowclough, Morris, 1996; Emery et al., 1998; Hawkins, Kramer, Capaldi, 1992) и психического состояния (Penninx et al., 2002) в пожилом возрасте. Также для 10% пожилых людей характерны фобии, в том числе страх покидать дом (Стюарт-Гамильтон, 2010), что может оказаться серьезным препятствием к выбору ими внедомашних видов досуга. Таким образом, в исследовании отношения пожилых людей к досуговой активности имеет смысл также рассматривать их страхи, предубеждения, стереотипы относительно различных форм досуга.

Программа исследования. Цель исследования: охарактеризовать социальные представления пожилых людей о досуге.

Гипотезы исследования:

1. В представлениях пожилых людей понятия «отдых», «досуг» и «свободное время» не различаются.

2. Социальные представления пожилых людей о досуге на пенсии характеризуется ограниченностью репертуара в связи недостатком денежных средств и здоровья, предпочтением социально одобряемых форм досуга.

Использовалась авторская анкета для изучения отношения к досуговой активности у пожилых людей. Она включала в себя как открытые, так и закрытые вопросы, позволяющие проводить не только количественный, но и качественный анализ данных. Для получения данных о социальных представлениях респондентов использовались ассоциативные вопросы и незаконченные предложения.

Исследование было выполнено на пожилых людях в возрасте 55–75 лет, проживающих в Москве и Московской области (30 человек). Из них мужчин 13%, женщин 87%, уровень доходов респондентов средний (большинство респондентов отвечает «можем позволить себе товары длительного пользования (холодильник, телевизор и пр.)» или «денег хватает на еду и одежду, но покупки товаров длительного пользования затруднительны»), по профессиональной принадлежности большинство (81%) являются работниками умственного труда, предполагающего наличие высшего образования (инженеры, экономисты, медики, историки, педагоги, аналитики и т. д.).

Результаты и их обсуждение

Структура социальных представлений пожилых людей о досуге, отдыхе и свободном времени была проанализирована при помощи метода П. Вержеса (по Мустафина, 2012). Ниже представлен анализ ответов респондентов на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают со словом «досуг»?» (табл. 1). В ядре социальных

Таблица 1.

Эмпирическая структура социальных представлений пожилых людей о досуге

Квадрат 1 (частота > 2, ранг ≤ 2,44)			Квадрат 3 (частота > 2; ранг > 2,44)		
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
отдых	8	1,25	экскурсия	4	3
безделье	4	2,25	чтение	5	3,2
приятное времяпрепровождение	3	2	спорт	3	3
хобби	6	2	саморазвитие	3	3
свободное время	3	1	кино	4	3,25
			развлечение	4	2,5
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
театр	2	2	друзья	2	2,5
музеи	1	2	путешествие	2	3
рыбалка	1	1	рукоделие	1	5
грибы	1	2	выставки	1	6
творчество	1	1	оздоровительное занятие	1	3
прогулки	1	2	беседы	1	5
полезное занятие	1	1			
сканворды	2	1			
положительные эмоции	1	1			
Квадрат 2 (частота ≤ 2; ранг ≤ 2,44)			Квадрат 4 (частота ≤ 2; ранг > 2,44)		

представлений (квадрат 1) о досуге лидирует слово «отдых», также упоминаются «хобби», «безделье», «приятное времяпрепровождение», «свободное время». Зона потенциальных изменений социальных представлений о досуге (квадрат 2) содержит ассоциации, связанные в основном с конкретными видами деятельности («театр», «музеи», «рыбалка», «грибы», «творчество», «прогулки», «полезное занятие», «сканворды», «положительные эмоции»). Первая периферия (квадрат 3) социальных представлений — «экскурсия», «чтение», «спорт», «саморазвитие», «кино и тв», «развлечение». Вторая периферия (квадрат 4) социальных представлений — «друзья», «путешествие», «рукоделие», «выставки», «оздоровительное занятие», «беседы».

Анализ ответов респондентов на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают со словом «отдых»?» (табл. 2) показали, что в ядре (квадрат 1) социальных представлений о понятии «отдых» ассоциаций всего две, среди них лидирует «сон», также упоминается «море», что свидетельствует о единодушии респондентов относительно понятия «отдых». Зона потенциальных изменений социальных представлений (квадрат 2) пожилых людей об отдыхе содержит ассоциации, относящиеся к видам деятельности на отдыхе (например, «воспоминания») и к условиям, в которых происходит отдых (например, «отпуск»). Первая периферия (квадрат 3) социальных представлений об отдыхе также содержит ассоциации, относящиеся к видам деятельности (например, «чтение») и к функциям отдыха («расслабление»). Вторая периферия (квадрат 4)

Таблица 2.

**Эмпирическая структура социальных представлений
пожилых людей об отдыхе**

Квадрат 1 (частота > 3; ранг < 2,07)			Квадрат 3 (частота > 3; ранг ≥ 2,07)		
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
сон	9	2	чтение	4	2,25
море	6	2	прогулки	8	2,5
			концерт	5	2,2
			выезд на природу	5	3,2
			культурное мероприятие	4	2,75
			расслабление	5	2,8
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
кино	3	2	друзья	2	3
курорт	3	1,66	любимое дело	2	3
ничегонеделание	1	1			
дача	1	1			
воспоминания	1	1			
отпуск	3	1,33			
путешествие	2	1,5			
Квадрат 2 (частота ≤ 3; ранг < 2,07)			Квадрат 4 (частота ≤ 3; ранг ≥ 2,07)		

социальных представлений содержит всего две равновесные ассоциации: «друзья» и «любимое дело».

Анализ ответов респондентов на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают со словом «свободное время»?» (табл. 3) показали, что ядро (квадрат 1) социальных представлений о свободном времени содержит 4 ассоциации, которые можно условно разделить на позитивные («перерыв в делах», «театр», «друзья») и негативные («нечем себя занять»), что свидетельствует, с нашей точки зрения о неоднородности социальных представлений пожилых людей о свободном времени. По-видимому, есть две категории людей: те, кто рад перерыву в делах и наполняет его полезными и приятными занятиями, и есть те люди, кто не знает, чем себя занять в свободное время и тяготится им. Зона потенциальных изменений (квадрат 2) содержит ассоциации, связанные с видами деятельности в свободное время (например, «прослушивание лекций»). Все ассоциации, входящие в эту зону социальных представлений, крайне низкочастотны, что можно интерпретировать как индивидуально специфичные для каждого респондента переживания. Первая периферия (квадрат 3) социальных представлений пожилых людей о свободном времени содержит ассоциации, связанные с видами деятельности (например, «чтение») и условиями (например, «выходной»). Вторая периферия (квадрат 4) содержит ассоциации, связанные с видами деятельности (например, «сон»), а также синонимичное свободному времени понятие «досуг».

Сравнение эмпирической структуры социальных представлений пожилых людей о досуге, отдыхе и свободном времени пока-

Таблица 3.

Эмпирическая структура социальных представлений пожилых людей о свободном времени

Квадрат 1 (частота ≥ 2 ; ранг $< 1,87$)			Квадрат 3 (частота > 2 ; ранг $\geq 1,87$)		
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
перерыв в делах	6	1,66	спокойствие	7	2,28
театр	2	1,5	чтение	4	2,25
нечем себя занять	2	1,5	выходной	3	2,33
друзья	2	1,5	хобби	4	2,5
			прогулка	4	2
			отдых	6	2
			работа по дому	7	2,28
Ассоциации	Частота	Ранг	Ассоциации	Частота	Ранг
кино	1	1	семья	2	2,5
думать	1	1	магазины	2	2
спорт	1	1	досуг	2	2
парикмахерская	1	1	выставки	2	4
прослушивание лекций	1	1	сон	2	2
Квадрат 2 (частота < 2 ; ранг $< 1,87$)			Квадрат 4 (частота ≥ 2 ; ранг $\geq 1,87$)		

зало, что ядро социальных представлений о свободном времени принципиально отличается от ядра представлений о досуге и отдыхе, т. к. в нем содержатся неоднородные ассоциации, связанные как с позитивным, так и с негативным отношением к появлению свободного времени (ожидание свободного времени для приятного времяпрепровождения и растерянность от незнания, чем его наполнить). Понятия «отдых» и «досуг» содержатся в первой и второй периферии социальных представлений пожилых людей о свободном времени, что с нашей точки зрения также свидетельствует в пользу того, что понятие «свободное время» в представлениях респондентов отличается от понятий «отдых» и «досуг». В ядре социальных представлений о досуге ведущей является ассоциация «отдых», что с нашей точки зрения свидетельствует о том, что понятия «досуг» и «отдых» в представлениях пожилых людей не различаются. Тот факт, что в ядре и других компонентах социальных представлений об отдыхе отсутствует слово «досуг» не означает, что эти понятия различаются для респондентов, т. к. согласно частотному словарю русского языка, слово «досуг» является менее употребимым (относительная частота 9,8), чем «отдых» (относительная частота 57,6) (по Ляшевская, Шаров, 2009).

Контент-анализ ответов на незаконченные предложения о досуге («Для меня отдых — это...», «Досуг пожилого человека...», «На пенсии у человека должно быть хобби...», «Раньше мой досуг...») и ответов на вопрос «Как бы Вы хотели проводить свой досуг на пенсии?» дал следующие результаты (табл. 4 и приложение 1): в описаниях досуга, как в прошлом, так и в настоящем, а также в нормативном и желаемом досуге преобладают упоминания различных видов деятельности, причем в категории «нормативный досуг» количество индикаторов максимально (33 индикатора), а в категории «досуг в настоящем» минимально (17 индикаторов). Обращает на себя внимание, что среди видов деятельности в категории «желаемый досуг» лидируют путешествия (8 индикаторов) и в целом больше видов активного отдыха (спорт, загородные экскурсии, паломнические поездки, путешествия, концерты, учиться новому — всего 14 индикаторов), чем в других категориях досуга: в нормативном досуге упоминаются концерты, гимнастика и прогулки (всего 5 индикаторов), в досуге в настоящем времени перечисляются прогулки, лес, экскурсии (3 индикатора), в прошлом же к активному досугу могут быть отнесены упоминания о спорте и театре (3 индикатора). На основе этих данных можно предположить, что малая доля активного досуга у пожилых людей на пенсии связана с отсутствием привычки к активному досугу и представлениям

ми о подобающем пенсионеру досуге, что наряду с другими ограничителями приводит к тому, что желаемые виды досуга не реализуются в полной мере при выходе на пенсию и высвобождении большего количества свободного времени.

В категории «досуг в настоящем» у пожилых людей преобладают виды досуга, связанные с домашними делами и общением с близкими (книга, дом, смотреть телевизор, общение с родственниками — всего 7 индикаторов).

Подкатегория «наличие» досуга наиболее представительна в прошлом и в нормативном досуге (4 индикатора), причем в прошлом присутствую объяснения, почему его не было («Была работа на производстве и семья»), а в нормативном говорится о том, что досуг должен присутствовать в жизни пожилого человека «хоть какой-нибудь».

Подкатегория «ограничения» досуга более подробно представлена в категориях «нормативный досуг» и «желаемый досуг» и сводится к трем позициям: деньги, здоровье, уровень активности (т. е. «жизненная энергия», мотивация).

Упоминания об «организаторе» досуга и «необходимости» досуга присутствуют только в категории «нормативный досуг».

Таблица 4.

Контент-анализ незаконченных предложений и вопроса о досуге на пенсии

Категория	Подкатегория	Количество индикаторов в подкатегории
Досуг в прошлом	Наличие	4
	Необходимость	0
	Функции и характеристики	3
	Вид деятельности	20
	Ограничения	2
Досуг в настоящем	Организатор	0
	Наличие	1
	Необходимость	0
	Функции и характеристики	15
	Вид деятельности	17
Желаемый досуг	Ограничения	0
	Организатор	0
	Наличие	0
	Необходимость	0
	Функции и характеристики	7
Нормативный досуг	Вид деятельности	31
	Ограничения	3
	Организатор	0
	Наличие	4
	Необходимость	3
	Функции и характеристики	17
	Вид деятельности	33
	Ограничения	4
	Организатор	1

Выводы

Представление о пожилых людях и их досуге сильно подвержено влиянию негативных стереотипов, которые не подтверждаются эмпирическими данными, но снижают самооценку пожилых людей и задают негативную норму (пассивность и болезни). Наступление пенсионного возраста переживается как кризисный период, выход из которого может быть как конструктивным, так и неконструктивным. Досуговая активность пожилого человека выступает с одной стороны ресурсом для переосмысления нового периода жизни, а с другой стороны является показателем того, насколько конструктивным был выход из этого кризиса. Социальные представления о досуге и свободном времени помогают адаптироваться к новой реальности.

В представлениях пожилых людей понятия «отдых» и «досуг» не различаются, а понятие «свободное время» имеет содержательные особенности (неоднородность ядра, индивидуализированность зоны потенциальных изменений, локализацию понятий «отдых» и «досуг» на периферии). Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично.

Социальные стереотипы, характерные для российской культуры, а также экономические условия жизни влияют на характер проведения досуга пенсионерами. Их желание подражать западным пенсионерам, путешествующим по всему миру, не реализуется по этим причинам. Вероятно, поэтому они стараются быть полезными для родных, находя себя в домашних делах и общении с близкими.

Библиографический список

1. *Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
2. *Денисенко М.Б.* Тихая революция // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuciya#s24>
3. *Дмитриев А.В.* Социальные проблемы людей пожилого. Л.: Наука, 1980. 118 с.
4. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
5. *Емельянова Т.П., Зинина А.А.* Уровни репрезентации престарелых людей в российском обществе // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 213–223.

6. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
7. Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. №7. С. 73–79.
8. Козлова Т.З. Социальное время пенсионеров: Этапы самореализации личности. М.: ИС РАН, 2003. 228 с.
9. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
10. Мустафина Л.Ш. Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2012. 23 с.
11. Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. №4. С. 51–56.
12. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
13. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. СПб.: Питер, 2010.
14. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 196 с.
15. Хухлаева О.В. Кризисы взрослой жизни. Книга о том, что можно быть счастливым и после юности. М.: Генезис, 2009.
16. Шихи Г. Возрастные кризисы. Ступени личностного роста. СПб.: ООО «Каскад», 2005.
17. Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. №2 (10). С. 57–67.
18. Bunce D.J., Barrowclough A., Morris I. The moderating influence of physical fitness on age gradients in vigilance and serial choice responding tasks // Psychology and Aging. 1996. №11. Pp. 671–682.
19. Emery C.F., Pedersen N.L., Svartengren M., McClearn G.E. Longitudinal and genetic effects in the relationship between pulmonary function and cognitive performance // Journal of Gerontology B: Psychological Sciences and Social Sciences. 1998. №53. Pp. 311–317.
20. Hawkins H.L., Kramer A.F., Capaldi D. Aging, exercise and attention // Psychology and Aging. 1992. №7. Pp. 643–653.
21. O'Brien Cousins S. «My heart couldn't take it»: Older women's beliefs about exercise benefits and risks // The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2000. №55. Pp. 283–294.
22. Penninx B.W., Rejeski W.J., Pandey J., Miller M.E., Di Bari M., Applegate W.B., Pahora M. Exercise and depressive symptoms: a comparison of aerobic and resistance exercise effects on emotional and physical function in older persons with high and low depressive symptomatology // The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2002. №57. Pp. 124–132.
23. Ribovich J.K., Erikson L. A study of lifelong reading with implications for instructional programs // Journal of Reading. 1980. №24. Pp. 20–26.
24. Rice G.E. The everyday activities of adults: Implications for prose recall. Part I // Educational Gerontology. 1986. №12. Pp. 173–186.
25. Wilcox S., Bopp M., Oberrecht L., Kammermann S.K., McElmurray C.T. Psychosocial and perceived environmental correlates of physical activity in rural and older African American and white women // The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2003. №58. Pp. 329–337.

Приложение 1

Таблица контент-анализа досуга пожилых людей

Категории	Подкатегории	Индикаторы и их количество
Досуг в прошлом	Наличие	Отсутствовал из-за нехватки свободного времени Дом, быт, работа Работа, дом, дети Была работа на производстве и семья
	Необходимость	–
	Функции и характеристики	Был активным, Был более активным Был более разнообразным
	Вид деятельности	Занятия с ребенком 2 Хобби 2 Театры Чтение 5 Принятие ванны под приятную музыку Просмотр фильмов Рукоделие 3 Спорт 2 Хожу по гостям Встречи с друзьями 2
	Ограничения	Ограничивался семьей Был ограничен свободным временем
	Организатор	–
	Досуг в настоящем	Наличие
Необходимость		–
Функции и характеристики		Развлекательно-познавательное занятие Почувствовать себя свободной от всех обязанностей 3 Свободное время, которое можно посвятить себе Время заняться чем-то любимым Переключение на другой вид деятельности Покой от всего Восстановление сил 2 Переживание радости 4 Созерцательный
Вид деятельности		Музыка Походить по экскурсиям Шопинг Вечером пойти в ресторан Общение с родственниками 4 Ничего неделание Книга Отпуск Занимаюсь тем, чем мне хочется Сходить в лес Собирать ягоды Смотреть телевизор Прогулка на свежем воздухе Дом
Ограничения		–
Организатор		–

Категории	Подкатегории	Индикаторы и их количество
Желаемый досуг	Наличие	–
	Необходимость	–
	Функции и характеристики	Так, чтобы его не замечать Также, как и во время работы Приятно С пользой для внутреннего развития Полезности своей для окружающих и близких Интересно Активно
	Вид деятельности	Концерты Театры 2 Косметолог Спорт 2 Путешествия 8 Выставки Музеи Загородные экскурсии Общение с родственниками 4 Паломнические поездки Отдых на природе 2 Книги 2 Кроссворды 2 Кинопросмотры Учиться новому Общаться с друзьями
	Ограничения	Если бы были финансовые возможности и здоровье, больше бы путешествовали Посильные По желаниям, а не по возможностям, в т. ч. финансовым
	Организатор	–
Нормативный досуг	Наличие	Может быть различный Не обязательно У каждого свое Хоть какое-нибудь
	Необходимость	Иначе очень скучно Иначе грустно жить Чтобы он не чувствовал себя выпавшим из жизни
	Функции и характеристики	Развлекательно-познавательные занятия Физкультурно-оздоровительные занятия Не имеет больших отличий от досуга иных возрастов Самоутверждение Быть нужным детям, внукам Непринужденный Развивающий 2 Повышающий жизненный тонус Может быть интересным Занятие по душе 5 На которое не хватало времени в период трудовой деятельности Спокойствие, покой
	Вид деятельности	Дачные радости Поликлиника Хобби 2 Рукоделие 4 Прогулки 3 Побеседовать с кем-то ТВ 2 Посещение театра Ходить на концерты Общение с близкими людьми 3 Чтение 4 Общение со своими ровесниками Хожу за лекарственными травами Уборка квартиры Закупка продуктов Приготовление еды 3 Радио Я люблю рисовать Занятие гимнастикой
	Ограничения	Занятия посильными увлечениями Ограничен его возможностями Деньги и желание активного отдыха Которым он может заниматься в соответствии своему здоровью
	Организатор	Дело рук самого пожилого человека

НОВАЯ РЕФОРМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: «ЦИФРОВИЗАЦИЯ» И ПРОФЕССУРА

NEW REFORM OF OUR HIGHER EDUCATION:
«DIGITALIZATION» AND PROFESSORSHIP

Литвак Николай Витальевич, доцент кафедры философии им.
А. Ф. Шишкина МГИМО (У) МИД РФ, кандидат социологических наук,
jourfr@mail.ru
Nikolay LITVAK, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at
Department of philosophy, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
jourfr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются философско-социальные аспекты новых инициатив в области высшего образования в России по замене он-лайн лекциями традиционных лекций, читаемых преподавателями. В условиях, когда не ясен результат «цифровизации» образования, её цели и даже то, что она такое есть в социальном плане кроме использования компьютеров вместо книг, предлагается отказ от дающих результат методов преподавания в пользу использования новых инфокоммуникационных технологий. Сами по себе любые технологии, в т.ч. цифровые, не несут никакого ценностного содержания. Им их наполняет социальная и политическая деятельность людей. В этой связи проблемы российского высшего образования нуждаются в более чётком определении как социальные, политические, философские, с тем, чтобы любым технологиям было затем определено место, необходимое и подходящее для их решения. Образование, согласно действующим правовым документам, имеет целью подготовку специалиста и члена общества, т.е. его обучение и воспитание. Предлагаемая замена учебников на записанные и предлагаемые онлайн курсы никак не объясняет, почему студенты, не читающие учебники, станут смотреть и изучать видеозаписи. В тоже время воспитание человека, способного учиться самостоятельно, независимо от того, на каком носителе зафиксированы знания, это и есть работа преподавателя со студентами в вузе.

Abstract. The article discusses the philosophical and social aspects of new initiatives in the field of higher education in Russia to replace traditional lectures with on-line lectures. In conditions when the result of «digitalization» of education is not yet clear, its goals and even the fact that it is socially other than using computers instead of books, it is proposed to abandon the resultant teaching methods in favor of using new information and communication technologies. By themselves, any technology, incl. digital, do not carry any value content. They are filled with social and political activity of people. In this

regard, the problems of Russian higher education need to be more clearly defined as social, political, philosophical, so that any technology will then be determined the place necessary and appropriate to solve them. Education, in accordance with current legal documents, has the goal of training a specialist and education a member of society. The proposed replacement of textbooks with online courses does not explain why students who do not read textbooks will start watching and studying video recordings. At the same time, the upbringing of a person who is able to learn independently, regardless of the medium in which the knowledge is recorded, this is the goal of work of the academic with students at the university.

Ключевые слова: высшее образование, цифровизация образования, онлайн лекции, воспитание.

Key words: higher education, digitalization of education, online lectures, education.

Недавние скандалы с аккредитацией вузов и, как оказалось теперь, вызванная ими реформа соответствующих *госорганов*, что следует из хронологии событий и подачи их журналистами, произошли с *частными вузами*. И им, похоже, удаётся победить государство, регулирующее отечественное высшее образование. Т. е. вместо того, чтобы привести себя в соответствие с государственными требованиями, которые, очевидно, создавались не одними чиновниками, затронутые проверками вузы сумели организовать «приведение в порядок» государства в соответствие со своими представлениями об образовании. Конечно, речь идёт не только о двух наиболее упоминаемых случаях, а о реальных «властителях» современного российского образования, которые воспользовались этими событиями как предлогом для реализации своих планов (Лишённые Рособнадзором аккредитации в 2017 г. Европейский университет в Санкт-Петербурге и в текущем, 2018 г. — Московская высшая школа социальных и экономических наук). Тем не менее, фактически дело обстоит именно так. И то, что прежде всего вызывает сомнение, это как раз *навязывание* очередной реформы университетской среде, пусть и под прикрытием межведомственной комиссии, частной инициативы (что само по себе не плохо) остальным участникам процесса, государству и обществу в целом. Именно об этом немедленно и заявили опрошенные журналистами ректоры [1].

Сами по себе реформы это не ругательное слово, и любой, в т.ч., конечно, и существующий порядок аккредитации вузов, вряд ли может быть идеальным, подлежит улучшению. Вопрос аккредитации вузов и вообще образования как системы — это крупные и сложные вопросы, которые идеально не решены пока нигде в мире. Из опубликованных предложений инициаторов реформы,

озвученных, в частности, руководством ВШЭ, известно, что предлагается заменить государственный Рособрнадзор «уполномоченными федеральными учебно-методическими объединениями совместно с профильными советами по профессиональным квалификациям, с привлечением представителей работодателей и профессионального образовательного сообщества» [8]. Предлагается осуществлять мониторинг деятельности образовательных организаций и составлять, публичный и понятный, в т.ч. абитуриентам и работодателям, рейтинг образовательных программ, «полностью лишённый элементов субъективной оценки как чиновников, так и экспертов», — как надеется Я. Кузьминов. Планируется, что «работодатели совместно с Рособрнадзором» будут проводить «выборочные проверки качества подготовки в виде независимого тестирования студентов второго-третьего курсов по пяти-шести ключевым предметам профессиональной образовательной деятельности» [8].

Кроме того, значительное место в реформе уделено «цифровизации» учебного процесса. Тот же ректор ВШЭ Я. Кузьминов рассказал, что уже созданная правительством межведомственная рабочая группа из представителей Минобрнауки, Рособрнадзора, Национального совета по профессиональным квалификациям, вузовского сообщества и объединений работодателей, обсуждает изменение системы государственной аккредитации вузов в направлении создания трёх типов аккредитации — базовой, продвинутой и ведущей, отличающихся отношением к он-лайн лекциям: «Базовый [уровень] будет предполагать, что вуз должен значительную часть курсов реализовать в сетевой форме, когда вместо традиционных лекций будут онлайн-курсы Национальной платформы открытого образования», т.е. использовать курсы, подготовленные ведущими вузами. Продвинутая аккредитация предполагает, что вуз может все курсы готовить своими силами. «А обладатели аккредитации ведущего университета будут иметь её только в том случае, если они обяжутся все свои базовые курсы по профильному направлению и значительное число курсов по выбору реализовать в онлайн-форме и сделать доступными для широкой аудитории» [8]. Т.е. базовые вузы должны будут заместить преподавание значительной части предметов онлайн-курсами, которые разработают для них и для себя, конечно, ведущие вузы. Сама Высшая школа экономики, как заявил её руководитель, планирует в течение пяти лет полностью отказаться от чтения лекций в пользу записей онлайн-курсов. Правда, объяснение, которое Я. Кузьминов в этой связи дал, на наш взгляд ничего не объясняет. Он заявил,

что посещаемость традиционных лекций во *всех вузах* сегодня невелика (по его данным 15–17%), что «коэффициент полезного действия у таких лекций даже в «Вышке» низкий. Это никому не нужно, это профанация». А из-за высокой аудиторной нагрузки у преподавателей не хватает времени ни на их качественную подготовку, ни на исследовательскую работу. Но время это появится, когда они свои лекции запишут и выложат в сеть. Это же якобы и повысит вовлечённость студентов, и поднимет качество университетского образования в целом [3]. При этом ректор признал, что эта идея вызвала «очень большое сопротивление» у преподавателей его собственного вуза, не говоря уже о других. Но поэтому Я. Кузьминов дал понять, что внедрение онлайн-курсов в российскую образовательную систему может быть ... «не только добровольным» [3]. Показательно, что и ректор частного Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Волков, по поводу которого в прошлом году и начался скандал, назвав инициативу ВШЭ «очень современной», высказался, что «пока точно неизвестно, насколько результативен полный отказ от очных лекций» [3]. Зато отметим, что у лидера всех технологических нововведений, включая образовательные, а также и, крупнейшего в течение последнего столетия мирового импортёра квалифицированных кадров, прежде всего, научных и преподавательских, — США пока никакого отказа от «живых» лекций не наблюдается. Наоборот, за право учиться у лучших преподавателей, хотя и они записывают некоторые свои лекции, требуется дорого заплатить в прямом смысле слова, а также и в переносном — сдать несколько очень сложных экзаменов для поступления в элитные вузы. Принимая во внимание важность вопроса, следовало бы провести для обоснования такого рода и значения реформы полномасштабное социологическое исследование. Тем более, что сегодня как никогда имеющиеся инфокоммуникационные технологии позволяют делать это быстро и с минимальными затратами.

Но в связи с чем в действительности выдвинуты все эти предложения? Публичные отклики участников процесса обозначают не только целую палитру мнений, но и сомнения, и проблемы, которые по большей мере пока не высказываются, а может быть даже и не осознаются. Оставив в стороне вопрос о посягательстве на автономию университетов и вузов вообще, обратим внимание на существо проблемы «живого» преподавания и его «цифровизации», подаваемой как замену лекций записанными предварительно он-лайн лекциями. Идея о возможности «полностью» избежать субъективности контроля, осуществляемого людьми, требует пояснения, что именно её авторы вообще имеют в виду. Речь мож-

но вести не об устранении субъективности, а об ответственности «субъектов», людей, да и то с учётом некоторых обстоятельств (экзамен для любого человека, тем более молодого, второкурсника, это стресс, прочность знаний проявляется со временем, она может быть пассивной, фундаментальные и прикладные знания это не одно и то же, но работодателю нужно решать текущие проблемы, и т.д.). Начальник управления надзора и контроля за организациями, осуществляющими образовательную деятельность, Рособнадзора С. Рукавишников прокомментировал это так: «Если мы посмотрим на корпус экспертов, то увидим, что это сотрудники федеральных университетов, НИИ, научных организаций, которые подтвердили квалификацию и знания контрольно-надзорной деятельности. Если бы коллеги из ВШЭ захотели принять участие в этой работе, они вправе это сделать после соответствующих испытаний» [3]. А вот предложение выборочного тестирования второкурсников при «обеспечении контроля за заполнением тестовых форм, аналогичного ЕГЭ» [7], очевидно, исходит из недоверия к системе зачётов и экзаменов в, будем надеяться, конкретных вузах, возможности получения там оценок и дипломов при отсутствии необходимых знаний. То, что ЕГЭ в этом смысле никакой гарантии не даёт, показывает удивление чиновников результатами некоторых российских регионов, где уровень золотых медалистов превысил 10% всех выпускников. Т. е. распространение такого опыта на вузы может породить только соответствующую волну «краснодипломников». Предположим, что инициаторы этой реформы не видят связей между другими элементами и этапами образовательного процесса, в частности, школой и её системой оценок, ЕГЭ, «болонской системой», воспитательным и ценностным компонентами образования, а также и социальными процессами, обществом в целом, в котором живут и дети и взрослые, и учащиеся и выпускники. Т. е., сокращая эту цепочку, — между нежеланием студентов ходить на лекции (даже в ВШЭ) и ЕГЭ. Но они при этом не приводят каких-либо масштабных сравнительных данных об превосходстве он-лайн лекций над лекциями обычными, притом, что он-лайн лекции и целые курсы уже некоторое количество лет практикуются, в т. ч. и ВШЭ. Не разъяснена и причина их большей эффективности, как то считают авторы реформы. Можно только предположить, что таким образом будут заменены (уволены, сокращены) работающие сегодня преподаватели, вместо которых несколько оставшихся сделают видеозапись своих, самых эффективных, надо полагать, лекций. Но что представляют собой такие «цифровые» лекции? Почему студенты, не читающие учебники, станут смотреть и изучать видеоза-

писи? Разработчики системы «Современная цифровая образовательная среда» обещают, что уже через несколько лет миллионы россиян будут полноценно учиться в интернете, однако при этом никак не поясняют, что им же мешает полноценно учиться сегодня? Неужели действия Рособнадзора? Конечно, он-лайн курсы разные — от простого зачитывания материала до его разбавления иллюстрациями и анимацией. Тем не менее, по существу это всё те же книги, учебники, только представленные в новой, мультимедийной форме. Уповать в таком случае на то, что не только на слух, но и визуально, тем более с компьютерными спецэффектами, можно вызвать у студента более сильные эмоции, которые улучшат запечатление в его памяти транслируемых знаний, да ещё и простимулированное отсутствием необходимости конспектировать (поскольку видеозапись можно легко копировать)? Есть и такой эффект, но он обращён всё к той же памяти. А проблема заключается в отсутствии интереса у студента. И она имеет под собой два основания. Во-первых, ЕГЭ и «болонская система» привели к отмене у нас выпускных школьных экзаменов и вступительных вузовских. В некоторых вузах по особому разрешению они в усечённом виде сохранились, но не идут ни в какое сравнение с теми, что были прежде. Про зачисление только по результатам ЕГЭ не стоит и говорить. Т. е. вузы больше не отбирают тех, кто может учиться — как по тому, что они смогли освоить необходимый для поступления материал, поняв его, так и по тому, что проявили при этом целеустремлённость и работоспособность. И восстановить такие экзамены сейчас объективно невозможно, потому что таких школьников в стране очень мало, и значительное количество вузов придётся закрыть. Про аналогичную ситуацию в школе мы уже писали. Её главная проблема в рассматриваемой контексте всё та же — рост количества детей, неготовых учиться и с которыми якобы ничего нельзя поделать. Она описана уже достаточно давно и определена как педагогическая: неумение «хотеть» и «уметь» есть явление культурной недостаточности, преодолеваемое педагогической работой. Тем не менее, в случае со школой налицо непонимание происходящего, что выражается и в месте учителя в обществе [5]. Теперь эта явление распространилось и на вуз, поскольку в него пришли те самые выпускники школ. Но вместо педагогической коррекции тех проблем, которые образовались в школе и, тем не менее, позволили ученикам посредством ЕГЭ попасть в вуз, предлагается педагогов исключить из образовательного процесса вообще (правда, ректор ВШЭ предполагает, что *по своему желанию* студенты всё смогут встречаться с преподавателями на семинарах). Живое общение это пошаговое,

позапное наблюдение взрослого за работой студента, усвоением, т. е. пониманием им материала, в т. ч. и на лекции, разъяснение возникающих трудностей, ответы на вопросы. Он-лайн курсы это другая форма всё той же книги. Качественно иное использование имеющихся инфокоммуникационных технологий это «уничтожение» *пространства* — возможность общения взрослых преподавателей и студентов-подростков удалённо. Перспектива также состоит во *временном* факторе — в занятиях с удалённым доступом могли бы принимать участие те студенты, кто может именно в это время, а другие — в другое.

Не стоит пока, во всяком случае, забывать и о Законе об образовании, на основании которого строится вся эта деятельность. Конечно, нельзя идеализировать и формулировки закона, которые тем более сами постоянно подвергаются изменениям их авторами. Тем не менее, они представляют собой ориентиры и положения, действующие сегодня, обязательные к исполнению. И, в частности, Статья 2 определяет, что «образование» понимается как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [9].

Между тем, обратим внимание на ещё один аспект реформы. Уже упоминавшийся В. Волков также обратил внимание и на «некоторый перекокс», который может создать введение трёх типов аккредитации, поскольку «Если базовые университеты будут использовать до 70% материалов ведущих вузов, это ещё больше укрепит позиции последних... ведущий полностью сместит его с образовательного рынка и лишит возможности продолжать работу» [1]. Созданная отечественными реформаторами Международная образовательная конференция EdCrunch, в ходе которой были объявлены рассматриваемые инициативы, как поясняет её инициатор ректор МИСиС А. Черникова, «создавалась как площадка, на которой мы будем искать новые решения для наших детей, ... Потому что система образования наиболее чувствительно реагирует на быстро меняющийся мир... Сейчас уже просто невозможно один раз получить качественное образование на всю жизнь. На наших глазах уходят привычные профессии и возникают новые». Современность заклю-

чается в возможности для студентов «получить максимальный объём знаний из самых разных дисциплин». «Поэтому современный университет должен постоянно быть на связи с работодателями». «Для этой же цели мы создаем в университете двуязычную среду, ... разработали курс углубленного изучения английского языка». В результате перед таким выпускником «открыты двери для учёбы и работы на Западе» [6]. Т. е. российская школа реформируется по худшему американскому образцу, высшее образование — по «болонской системе», которую отвергли ведущие западные вузы, а вся образовательная система в целом всё более ориентируется на экспорт своей рабочей силы, на экспортное будущее своих детей [4].

А пока сложившаяся ситуация и её развитие очень напоминает недавнюю историю с Российской академией наук. Тем более, что открывший конференцию EdCrunch министр высшего образования и науки М. Котюков предупредил, что «Общие итоги конференции мы с вами сможем обсудить и интегрировать в реализацию крупных государственных задач. В первую очередь — государственную программу науки и высшего образования и в национальный проект «Образование»» [2].

Библиографический список

1. Вузы разделяют на три разряда. Коммерсантъ. № 182. 05.10.2018. С. 4.
2. Котюков: итоги «EdCrunch» можно интегрировать в нацпроект «Образование». РИА Новости. 01.10.2018. https://ria.ru/sn_edu/20181001/1529706683.html
3. Лекции переносят в онлайн-аудиторию. Коммерсантъ. № 179. 02.10.2018. С. 5.
4. Литвак Н.В. Языковой аспект в проблеме внутренней и внешнеполитической информационной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 13. Специальный выпуск «Россия и информационная безопасность». С. 159–168.
5. Литвак Н.В. Школа: между инструментами и смыслами // Дети и общество: социальная реальность и новации: Сборник докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 23–24 октября 2014 г. М.: РОС, 2014. С. 151–158.
6. Образование готовят к переходу в интернет. Коммерсантъ. 06.10.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3760270>
7. Российским университетам принесли изменения. Коммерсантъ. № 185. 10.10.2018. С. 5.
8. Университеты хотят новых оценок. Коммерсантъ. № 113. 02.07.2018. С. 5
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304167&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6475805632519984#06088086005864077>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВЛАДИМИРА
ШВАБСКОГО, СОБАКА НА ВОИНСКОЙ
СЛУЖБЕ. — М.: «БЕРКУТ», 2017. — 592 С.
ISBN 978-5-9904364-2-8**

Родюков Эдуард Борисович, кандидат социологических наук, член-корреспондент Академии военных наук РФ, член союза писателей России, полковник, г. Москва, groro@mail.ru
Rodyukov Eduard, Candidate of Sociological Sciences, member correspondent of academy of soldiery sciences of RF, member of union of writers of Russia, colonel, Moscow, groro@mail.ru

Аннотация. Данная авторская книга впервые в отечественной литературе дает достаточно полный анализ по проблеме истории военного служебного собаководства, повествует о дружбе человека и собаки на войне и в мирной жизни. Имеет большой научный и практический интерес, полезна в деле защиты Отечества, формирования культуры памяти и историко-патриотического сознания у всех поколений нашей страны.

Annotation. This author's book for the first time in Russian literature provides a fairly complete analysis of the history of the creation and development of military service dog breeding in Russia, the USSR and the Russian Federation, tells about the friendship of man and dog in war and in peaceful life. It has great scientific and practical interest, is useful in protecting the Fatherland, the formation of a culture of memory and historical and patriotic consciousness in all generations of our country.

Ключевые слова: история военного служебного собаководства, формы и методы профессиональной подготовки личного состава и служебных собак, возвращение в научный оборот термин «Военная собака», собаки-подрывники, собаки — истребители танков, собаки-минеры, преданность человеку в военной форме, истина и ложь об армейских собаках, информативность, фактический материал, полезность.

Key words: history of military service dog breeding, forms and methods of professional training of personnel and service dogs, the return to the scientific circulation of the term «War dog», dogs-demolition, dogs — tank destroyers, dog-miners, loyalty to man in military uniform, truth and lies about army dogs, informativeness, factual material, usefulness.

16 февраля 2018 года по восточному гороскопу (календарю) наступил год Желтой Земляной Собаки, который закончится в январе 2019 года. Вообще собака — существо верное, преданное, бескорыстное.

Не случайно, в придверии Нового 2018 года — Года собаки, издана уникальная книга, автором которой является историограф Военного собаководства, член Союза писателей РФ, полковник Швабский Владимир Леонидович. Его работа представляет собой первый в отечественной литературе достаточно полный анализ по проблеме истории военного служебного собаководства, о дружбе человека и собаки на войне и в мирное время.

В истории художественной литературы, мы знаем много произведений великих писателей о животных, а книга о животных, как говорил классик — это, может быть, самое гуманное из написанного людьми. Это подтверждается содержанием признанных шедевров А.П. Чехова «Каштанка», И.С. Тургенева «Воробей», Л.Н. Толстого «Пожарные собаки», «Булька» (Рассказ офицера), Л.Н. Андреева «Кусака». В этих рассказах великих мастеров художественного слова раскрывается любовь человека к собаке, ее преданность и верность человеку.

Автору нашей книги удалось показать взаимоотношения и взаимопонимание между вожатым и четвероногим другом, их дружбу в боевой обстановке. Только любовный уход, забота о здоровье четвероногого друга, позволяли получить в ответ искреннюю благодарность и верную преданность человеку в военной форме, исполнение его приказов на основе воинских уставов.

Эта работа — первая попытка восстановить истину и развеять ложь, которая имеет место по вопросу применения и использования в военном деле служебной собаки. Заслуживает внимания структура и хронология изложения и раскрытия сути сложившихся «мифов» об армейских собаках, друзьях человека на фронте или в мирной обстановке, которые к сожалению, живут и нередко популяризируются. Как пишет автор, «Фантазия авторов мифов многообразна и безгранична» и в этом мы видим его обращение к «таким писателям» о их несостоятельности и вредности постулатов.

Работая в Центральном архиве Министерства Обороны РФ, Центральном пограничном музее ФСБ, Научном архиве Пушкинского музея — заповедника «Михайловское», автору удалось снять завесы со многих тайн военного собаководства, в том числе по разминированию могилы А.С. Пушкина в Пушкинском городе, подвиге 500 пограничников и 150 служебных собак под Легедзино и других малоизвестных фактах времен той войны.

В книге смело заявлено авторское понимание истории военного собаководства, основанное на большом количестве исторических, архивных материалов и документов. Центральным вопросом

работы является эволюция показа применения военной собаки в разные временные отрезки времени для военного дела, формирование у читателя объективного восприятия служебной собаки как эффективного, секретного оружия в военном деле.

Впервые, в книге дан поэтапный анализ применения военных собак по службам в годы Великой Отечественной войны. Автор освещает порядок использования военной собаки на протяжении десятков лет, приводя документальные материалы. Особенно детально рассматривается военная собака по службам военного собаководства, что помогает читателю расширить представление об использовании и применении ее в военных целях.

Уникальность издания заключается в том, что автор, исследуя архивные документы, впервые показал уточненный количественный и качественный состав частей и подразделений военного собаководства, раскрыл формы и методы профессиональной подготовки личного состава и служебных собак различных военных специальностей для действующей армии на фронтах Великой Отечественной войны. Художественным языком раскрывает боевой опыт формирования, умелого руководства действиями отдельных армейских истребительных отрядов, подготовке групп собак-подрывников, собак — истребителей танков, собак связи, минно-розыскной, ездовой и караульной служб.

Книга интересна еще и тем, что в ней показана научно-исследовательская и племенная работа человека с собакой в военных целях, роль клубов служебного собаководства ДОСААФ в комплектовании частей военного собаководства в военное время. Безусловно, достоинством является актуальность поднятых в книге проблем опыта использования собак в различных климатических условиях, в том числе на Арктическом Севере.

Нельзя не обратить внимания на материал довоенного периода работы с собакой, к сожалению, слабо раскрытой в современной литературе.

Целый ряд вопросов имеет большой научный и практический интерес. Особую ценность с научной точки зрения представляют такие вопросы военного дела, как тактическое применение и условия применения военной собаки, их особенности, выводы и итоги боевого применения по различным службам и в различных видах боя. Возвращается в научный оборот термин «военная собака».

Поднятый материал является несомненным достоинством книги, она отличается высокой информативностью и богатым фактическим материалом, выводы и наблюдения автора могут быть интересны всем, в том числе и то, главное достоинство книги — это

люди, так как с помощью человека собака становится тем, чем она сегодня стала.

Образ солдата — вожатого и собаки на войне, воспет в военной культуре и искусстве: в прозе, стихах, песнях, музыке, скульптуре, художественных произведениях на полотнах, на сцене театров, в фильмах и на фото. Вот как говорят об этом современные поэты:

Евгений Ковровский — участник литературного конкурса «Георгиевская лента» 2017 года.

Сто пятьдесят их было, этих псов,
Что приняли последний бой! —
На Украине.
Как жаль, что их никто не помнит ныне
И не поставят стелу со звездой.

Погибли все — и люди и собаки,
Назад из них не повернул никто.
Но пограничные фуражки с поля боя
Потом носило долго все село.

Игорь Ермаков — ветеран войск ПВО.
Собака надежный пограничник
И в бою как воин действует отлично.
В событиях сирийских вновь взошла на пьедестал
Там, за районом район для жизни безопасным стал.

В целом, это интересная и полезная книга в деле воспитания подрастающего поколения. Она рассчитана на широкий круг читателей, как профессионалов, так и любителей служебного собаководства. Достояна для библиотечного фонда и семейных библиотек, клубов кинологов и воинских частей, для создания художественных и документальных фильмов. Для чтения и творческого обсуждения с целью формирования исторически-патриотического сознания у всех поколений нашей страны в преддверии 75-летия Победы Советского многонационального народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

*Член-корреспондент Академии военных наук.
член Московской городской организации
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, полковник
Родюков Э.Б.
23 июля 2018 г.*

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

e-mail: bezvad@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 29.11.2018

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

10,5 усл. п.л.